

ТРИ ДРАМЫ

ЮЛІЯ СЛОВАЦКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО
СТИХАМИ

К. Д. ВАЛЬМОНТА.

БАЛЛАДИНА.—ЛИЛІЯ ВЕНЕДА.—
ГЕЛІОНЪ-ЭОЛІОНЪ.

МОСКВА.

Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.

1911.

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

ФИЛОСОФІЯ.

- Вундтъ, В. О наивномъ и критическ. реализмѣ. Пер. А. Водена. 2 р.
- Зиммель, Г. Соціальная дифференціація. Соціологическія и психологическія изслѣдованія. Пер. Н. Вокачъ и Н. Ильина, подъ ред. Б. Кистяковскаго. 1 р.
- Зиммель, Г. Религія. Соціально-психологическій этюдъ. Пер. М. Бердовосова и О. Лямбекъ подъ ред. С. Котляревскаго. 40 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

- Беджготъ, В. Государственный строй Англии. Пер. Е. Прейсъ подъ ред. Н. Никольскаго. 1 р. 60 к.
- Боржо, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституціи. Пер. Н. Высоцкой, подъ ред. Э. Кокоскина. 1 р.
- Еллинекъ, Г. Права меньшинства. Пер. Е. Троповскаго, подъ ред. М. Гершензона. 20 к.

ИСТОРІЯ.

- Белохъ, Ю. Исторія Греціи. Пер. М. Гершензона, въ 2-хъ т. 3 р.
- Гроссе, Э. Происхожденіе искусства. Пер. А. Грузинскаго. 1 р. 50 к.
- Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.
- Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Пер. А. Тимофеевой. 1 р.
- Ланглау. Инквизиція. Пер. Н. Сперанскаго. 45 к.
- Огарева-Тучкова, И. А. Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.

ЮЛІЙ СЛОВАЦКІЙ.

ТРИ ДРАМЫ.

801-12
215

И $\frac{78}{220}$

1. БАЛЛАДИНА.

2. ЛИЛЛЯ ВЕНЕДА.

3. ГЕЛІОНЪ-ЭОЛІОНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО,
СТИХАМИ,
К. Д. БАЛЬМОНТА.

МОСКВА—1911.
Издание М. и С. Сабашниковыхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Балладина. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ	1
Лилія Венета	239
Геліонъ-Эоліонъ. Отрывки изъ драмы	397

2007338850

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
Москва—1911.

БАЛЛАДИНА.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

О „БАЛЛАДИНЪ“.

Лирическая драма Словацкаго, „Балладина“, самая очаровательная изъ всѣхъ его пѣвучихъ и ярко-красочныхъ драмъ, основана на народномъ преданіи о двухъ враждующихъ сестрахъ,—преданіе, повторяющееся въ фольклорѣ всѣхъ временъ и странъ и отразившееся между прочимъ въ области Польской Народной Пѣсни, и въ богатомъ мірѣ Русской Народной Сказки. Самъ Словацкій вполне четко ощущалъ, что эта его драма есть поэтическое отображеніе Польскаго народнаго духа въ его первичныхъ состояніяхъ.

Пѣжный и воздушно-идеальный какъ Шелли, Словацкій особенно любилъ эту весеннюю сказку, полную тончайшихъ ощущений. Въ одномъ изъ писемъ къ своей матери, съ которой всю жизнь онъ поддерживалъ чрезвычайно интересную переписку, онъ говоритъ: „Въ прошломъ мѣсяцѣ (ноябрь и декабрь 1834-го года), я написалъ новую театральную пьесу—родъ трагедіи, подъ заглавіемъ „Балладина“. Изъ всѣхъ произведеній, вышедшихъ до сей поры изъ моего мозга, трагедія

эта есть лучшее. Особенно потому, что она открыла мнѣ новую дорогу, новую страну въ поэзи, куда до сей поры еще никто не проникать,—идеальный край, болѣе обширный, чѣмъ эта бѣдная земля. Ты увидишь однажды, что это за дивная страна, какія это странныя времена. Вся трагедія напоминаетъ старую балладу, и написана такъ, какъ могъ бы сложить ее самъ народъ; баллада вполне противорѣчащая исторической правдѣ, иногда даже и правдоподобности. Людей однако я старался сдѣлать вполне реальными, такими, чтобъ въ груди у нихъ были сердца, подобные нашимъ. Я не могу тебѣ здѣсь изъяснить, что составляетъ драматическій интересъ моей трагедіи. Если у нея есть родственное сходство съ какой-нибудь извѣстной пьесой, такъ это съ „Королемъ Лиромъ“ Шекспира. О, если бы когда-нибудь ее поставили наряду съ „Королемъ Лиромъ“! Шекспиръ и Данте теперь мои любимые поэты, и это такъ уже два года. Чѣмъ больше въ нихъ вчитываюсь, тѣмъ больше открываю въ нихъ красоты“.

Намъ, современнымъ читателямъ, сходство нѣкоторыхъ сценъ съ соответственными сценами „Короля Лира“ и „Макбета“ не помогаетъ, а вредитъ въ художественности и силѣ впечатлѣній. Мы слишкомъ хорошо знаемъ Шекспира и сроднились съ нимъ отъ юныхъ дней. Но припомнимъ, что это было не такъ—въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX вѣка. Славянская слава Шекспира была тогда еще въ будущемъ. Припомнимъ также, что

Словацкому, когда онъ создавалъ свою Балладину, было всего лишь 24 года, а также и то, какое сильное вліяніе Шекспира мы видимъ въ произведеніяхъ нашего величайшаго генія, Пушкина.

Интересно отмѣтить, что Мицкевичъ, который раньше былъ другомъ Пушкина, а потомъ его врагомъ, и который раньше былъ врагомъ Словацкаго, а потомъ его другомъ, мало чувствовалъ красоту и силу творчества Словацкаго, въ виду полного несходства ихъ основныхъ свойствъ—Мицкевичъ реалістъ, Словацкій импрессионистъ. Красинскій же, извѣстный въ Россіи, какъ авторъ нѣсколько разъ переводившейся гениальной „Небожественной Комедіи“ и исторической драмы „Иридонъ“, имѣлъ гораздо болѣе внутренняго сродства со Словацкимъ, и весьма высоко цѣнилъ его поэтическія свершенія.

Отвѣчая Словацкому на посвященіе этой драмы ему, Красинскій, проводя параллель между *двумя высокими духами Польши*, Мицкевичемъ и Словацкимъ, говоритъ: „То, что я думалъ прежде о сестрѣ Алицы, Балладинѣ, я думаю еще и теперь. Это сонъ въ лѣтнюю ночь. Нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе совершеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе реальнаго по формѣ и глубинѣ. Словацкій (второй дух—въ терминологіи Красинскаго) отъ природы имѣлъ то, что недоставало Мицкевичу (первому духу). Онъ владѣлъ Польскою рѣчью такъ, какъ владѣютъ любовницей, готовой на все по малѣйшему знаку. На смерть по одному повелѣнію, на жизнь по одному взгляду. Какъ бы маги-

чески владѣть онъ ею, угадываетъ ее, такъ что не онъ ищетъ ея и гонится за ней, а она преслѣдуетъ его, умоляетъ, и говоритъ: Позови меня—и я прибѣгу, покажи мнѣ на Небо—и я улечу къ нему, укажи мнѣ пальцемъ Адъ—и я сойду въ Преисподнюю. Хочешь, я застыну въ неподвижную глыбу? Смотри—я мраморъ. Или обращусь въ облачко? Смотри, какъ я голубью, синью, дѣлаюсь прозрачной, растекаюсь, совсѣмъ почти уничтожаюсь, и все же остаюсь всегда твоей. Этотъ второй духъ распространилъ свое владычество на всѣ горизонты фантазіи. То, что у перваго было—цѣльность гранитная, твердая, поглощающая весь міръ, сжимающая Вселенную въ тѣнѣномъ своемъ охватѣ, сдѣлалось здѣсь расцвѣтомъ, возвратомъ въ безграничное пространство, въ струистость свѣта, въ игру красокъ, въ волны музыки, въ ароматы цвѣтовъ, во все то, что хочетъ съ силой разорваться и разлиться во всѣ стороны, чтобы искать никогда не найденнаго Бога. Въ этомъ второмъ духѣ—пантеистическая форма. Въ мірѣ онъ, какъ зеркало морей, отражаетъ все: солнца, луны, ангеловъ, боговъ, и демоновъ. Ты знаешь, что этотъ второй духъ, это—ты“.

Посвящая свою драму Красинскому, Словацкій говорилъ:

„Возлюбленный поэтъ Развалинъ,

„Я пишу къ тебѣ, и позволь мнѣ начать съ поученія, которое мнѣ рассказали надъ Саламинскимъ заливомъ.

„Старый игральщикъ на арфѣ, слѣпой, съ острова Сціо, пришелъ къ берегамъ Эгейскаго моря, и услышавши волны, ломающіяся съ великимъ шумомъ, думалъ, что шумъ тотъ—отъ гула толпы, что сбѣжалась рыцарскихъ пѣсень послушать. И такъ оперся онъ на арфу, и плѣлъ пустынному берегу моря. Когда же онъ кончилъ, то задивился, что ни одного человѣческаго возгласа, ни одного вздоха, ни одного его пѣснь не снискала рукоплесканія. И бросилъ онъ арфу прочь далеко отъ себя, а тѣ волны, которыя пѣвецъ считалъ людской толпою, отнесли назадъ золотой инструментъ его пѣсни и положили его у ногъ его. И отошелъ отъ арфы своей опечаленный Элминъ, не зная, что самая красивая рапсодія не въ сердцахъ людей утонула, а въ глубинѣ Эгейскаго моря.

„Возлюбленный Иридіонъ! Это сказаніе о волнахъ и слѣдцѣ съ арфой замѣняетъ какое-либо предисловіе къ „Балладинѣ“. Выходитъ въ міръ Балладина, съ ариостовской усмѣшкой на лицѣ, одаренная внутренней силой надругательства надъ человѣческой толпою, надъ порядкомъ и закономъ, съ которымъ все въ мірѣ свершается, надъ плодами непредвидѣнными, которые возрастаютъ на деревьяхъ, привитыхъ человѣческой рукой. Пусть поправитель всякаго безправія, Киркоръ, падаетъ жертвой чистыхъ своихъ замысловъ; пусть Грабецъ милуетъ кухню Кирбора; пусть воздушная Гоуплана влюбляется въ румянаго парня, а сентиментальный Филокъ ищетъ умышленно любовныхъ

мученій и умершей возлюбленной; пусть тысяча анахронизмовъ поразитъ спящихъ въ гробахъ историковъ и лѣтописцевъ; но, если все это имѣетъ внутреннюю силу жизни, если создалось оно въ головѣ поэта по законамъ Бога, если вдохновеніе было не бредомъ, а слѣдствіемъ той дивной власти, которая нашептываетъ на ухо слова никогда еще доселѣ не услышанныя, а глазамъ показываетъ существа никогда даже и во снѣ не видѣнные, если поэтический инстинктъ былъ счастливейше разсудка, который не разъ то или иное осудилъ, тогда Балладина, вопреки разсужденію и исторіи, пребудетъ королевою Польши, а молнія, упавшая на минутное ея владычество, блеснетъ и разсѣетъ мглу дѣяній минувшаго.

„Усмѣхнись же теперь, Ирідіонъ, ибо вотъ, по примѣру Французскихъ поэтовъ, я скажу тебѣ, что „Балладина“ является лишь эпизодомъ одной великой поэмы, въ стилѣ Аріосто, который долженъ вступить въ правильную связь въ ряду шести трагедій или же драматическихъ хроникъ. Уже тѣни разныхъ небывшихъ людей вышли изъ мглы предсознанія и окружаютъ меня шелестящей толпой; нужно только, чтобы они собрались въ отдѣльныя кучки, чтобы дѣянія ихъ сложились въ пирамиды событій, и одну гореточку за другой я буду выталкивать въ міръ; и сбудутся, быть можетъ, сны моего дѣтства. Сколько ужъ, сколько разъ, смотря на старій замокъ, вѣнчающій развалинами холмъ моего родного городка (—Креме-

нецъ—), мечталъ я, что будетъ когда-нибудь время, и набросаю я въ этотъ вѣнецъ иззубренныхъ стѣнъ привидѣній, духовъ, рыцарей; что отстрою заново обрушившіяся залы и освѣщу ихъ черезъ окна огнемъ грозовыхъ ночей, а сводамъ велю повторять давніе Софокловы вздохи. А имя мое—такъ грезилъ я—будетъ за это услышано въ шумѣ бѣгущаго подъ горою потока, и какъ бы радуга изъ мыслей моихъ будетъ вздыматься надъ руинами замка. О, не говори мнѣ, что полевые колокольчики—лучшее украшеніе для развалинъ, нежели этотъ вѣнецъ мыслей, въ который одѣваетъ ихъ поэтъ,—ибо, хоть розы растущія на руинахъ дворца Перона озарили красиво намъ эти развалины, однако жъ ясное ихъ мнѣ освѣтилъ тотъ духъ Ирідіона, котораго ты подъ крестомъ положилъ въ Колизей и покрылъ золотыми крыльями ангела.

„Итакъ, пока ты древнія изваянія Римлянъ наполняешь вулканической душой нашего вѣка, и изъ давней Польши создаю фантастическую легенду, изъ тишины вѣковой добываю хоры пророческіе—и наветрѣчу твоей черной, перуновой, дантевской тучѣ вывожу легкія, радужныя, и аріостовскія облачка, увѣренный, что встрѣча наша въ вышней краинѣ не будетъ борьбой, а только игрою красокъ и тѣней, съ тѣмъ печальнымъ для меня концомъ, что твоя туча, бѣльшимъ вихремъ гонимая, и болѣе исполненная молнійнаго огня, разсѣетъ и поглотитъ мои воздушныя и разноцвѣтныя облака.

„Донесли мнѣ Сильфы, что отправился ты навѣдать Этну червонную; послать я тотчасъ же Искорку, чтобъ на твоей дорогѣ онъ всѣ пораскрывалъ цвѣты, и всѣ бы надъ тобою зажегъ звѣзды; въ благодарность за это, ставъ на вершинѣ вулкана, глянь на лазурь распростертуго моря, и подумай, что совѣмъ еще недавно по этимъ зеркаламъ плылъ мой корабль, какъ лебедь, покрытый парусами своими. Повѣдай, не усмотришь ли черты какой на волнѣ, слѣда какого, оставленнаго исчезнувшимъ этимъ кораблемъ. Духовенство пѣло въ тотъ часъ гимнъ Пресвятой Дѣвѣ, а я стоялъ съ устремленными на огонь Этны глазами, опечаленный, что волна меня снова уносила всего лишь въ Европу. Послушай въ воздушной тишинѣ отзвукъ этого гимна, который баюкалъ мнѣ сердце, не дрожитъ ли донинѣ въ хрустальной воздушности? Ищи слѣда моего въ воздухѣ и на волнѣ, а если не слышно обо мнѣ на волнѣ и въ воздухѣ, найди меня въ сердцѣ твоемъ, и пусть я побуду съ тобою еще одинъ часъ. Все жь это Божій есть даръ, что умѣемъ мы мыслью летать другъ къ другу, провѣдать, навѣдаться.

„Пишу, расписался я, а вѣдь только хотѣлъ написать:—

*Автору „Иридїона“,
на память,*

„БАЛЛАДИНУ“

посвящаетъ

Юлій Словацкій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Отшельникъ, Понель III, изгнанный.

Киркоръ, владѣтель замка.

Мать, вдова.

Балладина, }
Алина, } ся дочери.

Филонъ, пастухъ.

Грабецъ, сынъ ризничаго.

Фонъ Костринъ, начальникъ стражи въ замкѣ
Киркора.

Гралонъ, рыцарь Киркора.

Канцлеръ.

Вавель, лѣтописецъ.

Пажъ.

Посолъ изъ столицы Гнѣзна.

Судебный обвинитель.

Коронный лѣбарь.

Паны—рыцари—слуги въ замкѣ—кре-
стьяне—дѣти.

ЛИЦА ФАНТАСТИЧЕСКІЯ.

ГОПЛАНА, Нимфа, королева Гопла.

ХОХЛЕБЪ.

ИСКОРБА.

Изъ времянъ сказочныхъ, около озера Гопла.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Лѣсъ около озера Гопла.—Хата отшельника, убранная цвѣтами и плетеньемъ.—Киркоръ входитъ въ кольчугѣ, богато одѣтый, съ орлиными крыльями.

КИРКОРЪ (одинъ).

Приличествуешь попросить совѣта
У чловѣка, что въ лѣсномъ затишьи
Скрывается; благочестивый старецъ,
По въ разумѣ—безумья есть немножко;
Какъ только съ нимъ заговоришь о замкахъ,
О короляхъ, и о дворахъ царей,
Отъ разума онъ, какъ шальной, уходитъ,
Проклятыя мечеть, гѣбится, клянеть;
Отъ королей, должно быть, много злого
Онъ видѣлъ, потому и сталъ теперь
Къ простонародью очень благосклоннымъ.

(Стучитъ въ келью).

Стукъ! Стукъ!

Голосъ изъ кельи.

Кто тамъ?

Киркорь.

Киркорь.

Отшельникъ (выходя изъ кельи).

Здорово, сынъ.

Чего ты хочешь?

Киркорь.

Я ищу совѣта.

Отшельникъ.

Такъ сдѣлайся отшельникомъ.

Киркорь.

Когда бы

Подъ пятьдесятъ мнѣ было, можетъ быть
Въ печальной я-бѣ дубравѣ схоронился;
Но молодъ я, мои—четыре башни,
И думаю я нынѣ, какъ жениться...
Дай мнѣ совѣтъ свой, старче.

Отшельникъ.

Здѣсь въ лѣсу я

Ужъ два десятка лѣтъ, пошелъ и третій...

Киркорь.

Такъ что-жъ съ того?

Отшельникъ.

Не въ силахъ оцѣнить я
Людей, и не могу я указать,
Которую ты могъ бы взять дѣвицу.

Киркорь.

Тѣ, что изъ почекъ дѣтства расцвѣтали,
Когда ты въ мѣрѣ жилъ, теперь ужъ панны...
Изъ бѣлаго или краснаго бутона
И роза будетъ бѣлой или красной...
Припомни же красивое дитя,
Все бѣлое, какъ бѣлый цвѣтъ лилейный,
Что ангеломъ-хранителемъ несомъ—
Пусть въ соловѣя она пробудитъ зависть
Своимъ нѣвучимъ голосомъ, голубка-жъ
Пускай сравнится вѣрностию съ ней...
Скажи мнѣ, гдѣ такая есть дѣвица?
О, старче, говорятъ, что королевны
Исполнены волшебныхъ чаръ?

Отшельникъ.

О, небо!

Родъ змѣй, жена—какъ мужъ, въ своихъ зло-
дѣйствахъ,

А дочери похожи на отца,
А сыновья—какъ мать; совсѣмъ какъ гады,
Въ одномъ гнѣздѣ сплетаются въ клубокъ,
Чтобъ ихъ перунь!..

Киркорь.

Не проклинай.

Отшельникъ.

О, юный!

Ты проклинай со мной—они достойны
Проклятій. Чтобъ ихъ морь и голодь взяли!
Чтобъ молнія ихъ пополамъ пожрала!
Чтобъ, на земь навъ съ разинутою пастью,
Плащемъ имѣли прахъ, короной—змѣя!
Чтобъ ихъ!.. Кляни убійцъ, истратилъ силы,
Бѣшуся, какъ песъ, который на цѣпи.
Палъ надъ панами былъ и я когда-то,
Стотысячный народъ меня любилъ,
Жилъ въ пурпурѣ, теперь ношу лохмотья;
Я долженъ клясть. Троицъ имѣлъ я дѣтокъ;
Убійцы брата въ горницу вошли
Во тѣмъ ночной, и со стеблей сорвали
Три малыхъ розы, цвѣтки мои.
Зарѣзали дитятокъ въ колыбелькахъ...
О, ангельчики!.. Дѣточки мои!

Киркоръ.

Кто жь, старче, ты?

Отшельникъ.

Король Попель и Третій...

Киркоръ (склоня коленно).

Король мой!

Отшельникъ.

Кто же въ нищенствѣ узнаеть?..

Киркоръ.

Холоповъ я вооружу, и въ Гвѣзно
Помчусь, и отомщу я за тебя.

Отшельникъ.

Благоразумье, юноша.

Киркоръ.

Безправье,

Свирѣпѣй Моисеевой чумы,
Грязнить здѣсь землю, ширится скорѣе;
Попель, обрызганъ кровію дѣтей,
Негоденъ быть надъ рыцарями старшимъ.
Пусть станетъ то, что стать должно подь окомъ
Всевышняго на бѣдной той землѣ.

Отшельникъ.

На ангельскихъ крылахъ слетѣлъ ты съ неба,
На золотыхъ?

Киркоръ.

Два бѣлыхъ крыла,—

Что за синію моею,—росли на волѣ,
На царственной орлицѣ; что же, рыцарь,—
Надѣвши ихъ на свой наплечникъ,—будеть
Не такъ полезень для людей?—Позволить
Презрѣннымъ гадамъ жалить?

Отшельникъ.

Мужь изъ стали,
Изъ тѣхъ ты, что способны рушить тронь.

Киркорь.

Ты вѣдаешь, какъ родину пятнаешь
Распутство короля. Попель кровавый
Все новыя злодѣйства громоздить...
Я видѣлъ окровавленные члены,
Король питаетъ рыбъ тѣлами плѣнныхъ.
Не разъ, въ рядахъ—десятаго намѣтитъ
И, изрубивъ въ куски, любимымъ кармакъ
Швыряетъ пропитаніе такое;
Остатки тѣлъ въ поля онъ выметаетъ,
Придворныя,—зерно онъ сѣетъ въ кровь.
Палаческую землю, въ посмѣянье,
Сосѣдь его—зоветъ червонной Русью.
Доселѣ всѣмъ, кто жилъ подъ властью Леха,
Богъ счастье давалъ, обиліе жатвы,
Которая росла сама собою;
Теперь же гладъ неслыханный и моръ
Рука намъ Божья сыплетъ. Отъ засухи
Потрескалась земля; и золотится
Весеннее руно, предъ тѣмъ какъ колось
Погнется подъ зерномъ, крестьяне жъ только
Серпами жнуть колосья сплошь пустыя.
И Польша, что обильно была,
Для саранчи становится амбаромъ;
Когда-то такъ воинственна была,
Теперь же, какъ единый блѣдный рыцарь,
Лишь съ голодомъ ведетъ борьбу, и въ схваткѣ
Съ заразою.

Отшельникъ.

О, проклять, проклять я,

О, я трикратно проклять, потому что
Повиненъ я въ несчастіяхъ народа.

Киркорь.

Какъ, ты повиненъ?

Отшельникъ.

Дивной силой чуда

Корона Леха славною была,
Когда-то счастье въ ней народа было,
Замкнуло чудо силу края въ ней...
Я изгналъ, и народъ лишенъ короны.

Киркорь.

О, старче!

Отшельникъ.

Братъ короною владѣть
Фальшивою... моя же въ землю врыта,
Въ лѣсу, подъ пни, что сгнили... долженъ былъ я
Нести ее до гроба моего.

Киркорь.

Откуда жъ эта власть у той короны
Чудесная?

Отшельникъ.

Къ родимой сторонѣ
Отъ яслей Виолеемскихъ возвращались,
Когда-то, тѣ святые короли—
Два Мага, съ ними Скионъ. Тотъ царь полночный
Зашелъ на ниву нашу, заблудился,
Во ржи онъ запутался, какъ въ лѣсу,

Такъ здѣсь росли хлѣба въ краинѣ Леха;
Такъ заблудившись, онъ сказалъ: „О, Боже!
Ты выведи меня.“ Вдругъ передъ нимъ—
Соломенная кровля зажелтѣлась
На хатѣ королевской, ибо Лехъ
Жилъ въ хатѣ; Скиоъ вошелъ къ нему, и молвить:
„Мой братъ, король, иду изъ Виолеема,
Звѣзда же голубая васильковъ
Твоихъ лазурныхъ шла передо мною,
Пока не завела меня сюда.“
Лехъ молвилъ: „Оставайся здѣсь со мною.
Воиственный мой край, и край счастливый,
Коль хочешь, я съ тобой землицей этой
Охотно подѣлюся пополамъ“.
Скиоъ молвилъ: „Хорошо, останусь. Только
Земли я не хочу,—ее сломашь,
Такъ размежуеть кровью и слезой
Дѣтей и матерей“. Остались вмѣстѣ,
Но повѣсть та долга...

Киркоръ.

О, говори!

Отшельникъ.

Такъ вотъ, какъ прежде дѣлали монархи,
Колечкомъ обмѣнялся съ Лехомъ Скиоъ;
И, сердцемъ полюбивъ сильнѣй, корону
Далъ въ даръ ему... и вотъ корона наша.
Спаситель, древле, вытянувши ручки,
Отъ матери задумчивой пошелъ къ ней,

Къ ея рубинамъ подавался весь,
Какъ цвѣтикъ розы, глянувшій изъ листьевъ,
И говорилъ: „Дай мнѣ!“, и брилліантамъ
Усть розовыхъ—жемчужинкой свѣтиль.

Киркоръ.

О, бѣдный цвѣтикъ, для того расцвѣлъ ты,
Чтобъ на крестѣ гвоздями быть прибитымъ?
Зачѣмъ я на Голгоѣ не былъ тамъ,
На ворономъ конѣ, со свитой бранной,
Спасителя я спасъ бы, иль въ отмщенье
Умершему убійцѣ я бѣ изрубилъ!

Отшельникъ.

Мой сынъ! Господь возьметъ твое желанье
Дѣянїя, какъ самое дѣянье.
Воротимся же къ нашимъ временамъ.
Когда мой братъ изгнать меня, корону
Святую я унесъ съ собою въ лѣсъ...

Киркоръ.

Вернется, о, клянусь, она вернется...
Но... только...

Отшельникъ.

Что ты хочешь мнѣ сказать?

Киркоръ.

Предъ тѣмъ какъ въ пропасть страшную Киркоръ
За мщеньемъ устремится, я хотѣлъ бы,

Изслѣдовать, къ какому мнѣ пеньку
Привить Киркоровъ древо родовое,
Чтобъ племя встало рыцарей отважныхъ
И тронъ твой стерегло? Кого ввести
Въ дверь замка, давши имя ей супруги?

Отшельникъ.

За призракомъ величія такъ много
Ужъ бѣгали съ кольцомъ тѣмъ обручальнымъ,
А все почти что—взяли кость раздора
Взамѣну кости своего ребра.
Ты поступи иначе—ты шляхетный,
Ты юный; пусть же ласточка тебѣ,
Что первая передъ тобой взовется,
Покажетъ, гдѣ гнѣздо она слѣпила;
Гдѣ ликъ дѣвицы въ оконца улыбнется,
Подъ крышею соломенной, тамъ
Есть милая твоя. И не колеблись,
Возьми себѣ ту панну, что бѣдна,
Женись на простотѣ, и благо будетъ
Тебѣ въ томъ бракѣ, ты счастливѣй будешь,
Чѣмъ былъ бы съ королевною какой...

Киркоръ.

Такъ, старче, мнѣ совѣтуешь?

Отшельникъ.

Спокойно

Иди, мой сынъ, иди до хаты скудной,
И пусть жена, невинна, и мила...

Киркоръ.

О, черная касатка! ты куда же
Меня проводишь, итащечка моя?

Отшельникъ.

Послушайся меня, мой сынъ.

Киркоръ.

О, старче!

Совѣтъ твой добрый. Ласточка, веди!
(Киркоръ уходитъ).

Отшельникъ.

О, эти молодые! Такъ отъ насъ
Уходятъ, восклицая громогласно:
Идемъ искать мы счастья! Мы же, старцы,
Здѣсь на землѣ печальной, черезъ что-то
Прошли мы, а нигдѣ мы счастья въ жизни
Не встрѣтили; вотъ развѣ что, быть можетъ,
Искать его мы въ жизни не умѣли.
Иди, иди, старикъ, къ пустынной кельѣ.

(Хочетъ войти въ келью и останавливается на порогѣ).
(Входитъ Филонъ, задумчивый настухъ — фантастически
убранный лентами и цвѣтами).

Филонъ (съ восторженностью).

Златое солнце! милыя деревья!
И ты, ручей, что съ плачущимъ журчаньемъ
По камешкамъ струишь стеклянность водъ!
Вы, вошнія раскрывшіяся розы,

Влюбленная въ рыданья соловьевъ,
Филонъ увянуть съ вами. Ибо грезилъ
Филонъ, что ждетъ удѣлъ Эндиміона
Его,—мечталъ, что вотъ когда-нибудь
Въ сіяньи лунномъ бѣлая богиня,
Увѣнчанная розами, къ нему
Сойдетъ съ небесъ лазурныхъ, и наклонитъ
Надъ нимъ, дрожа, воздушное чело,
И расцвѣтитъ уста ему устами-
Кораллами. Ахъ, такъ я, такъ я грезилъ!
Но на землѣ Діаны нѣтъ. Одинъ,
Увяну, какъ фіалка, иль, какъ въ осень,
Цвѣты, что блекнуть.

Отшельникъ.

Молодой безумецъ,
Что значать эти требованья, вздохи?
Разсудокъ гдѣ? Божественный порядокъ
Вверхъ дномъ ты ставишь въ мірѣ; и желаешь
Быть Актеономъ; ангельскихъ божествъ
Ты ищешь на землѣ: вотъ потому-то
Такъ много старыхъ дѣвъ до сей поры
Не дождались мужей своихъ; смотри же,—
И на землѣ ищи себѣ любимой.

Филонъ.

Напрасно пробѣжалъ я цѣлый свѣтъ,
И множество дѣвицъ я видѣлъ смертныхъ.
Не разъ подъ золотыми волосами
Слѣдилъ мой жадный взоръ за ликомъ жницъ,

Тѣ лица—словно маки въ желтой нивѣ.
Не разъ глядѣлъ на бѣлыя полотна,
Что на лугу подъ солнцемъ снѣжны такъ;
И сердцемъ обезумѣвшимъ мечталъ я,
Что изъ полотенъ, какъ изъ пѣны моря,
Богиня алебастровая выйдетъ,
Любви богиня глянетъ въ блескъ солнца.
Ахъ, такъ на свѣтѣ жилъ я ослѣпленный,
Какъ бы въ пустыгѣ, думающей, грустный,
Пенасыщенный. Былъ я при дворахъ,
И видѣлъ при дворахъ я королевень,
Что были, какъ въ выси звѣзда Венера,
Глядящая въ вечернихъ красныхъ зоряхъ,
Румяная, но вовсе безъ лучей.
У нихъ нѣтъ сердца, дорожатся сердцемъ,
Какъ будто брилліантами короны.

Отшельникъ.

Глупецъ!.. Звѣздъ недостижимыхъ купецъ!
Ты, что искалъ въ придворномъ блескѣ милой,
Прочь, прочь отсюда, цвѣтъ безсѣменной,
Негодный для ручьевъ, какъ жбанъ разбитый,
Какъ свѣтъ осенній, міру—безполезный.
Какъ только ворочусь я на престолъ,
Замкну тебя въ больницу сумасшедшихъ,
Иль къ школьникамъ и къ азбукѣ швырну.

Филонъ.

Мой добрый отче, Богъ тебѣ да свѣтитъ.
Себя не помнишь, вѣрно боленъ ты.

Отшельникъ.

Летятъ ко мнѣ всѣ тѣ, что опалѣли,
И о дворахъ всѣ грезятъ королевскихъ;
О короляхъ мечтають, а идутъ
Укрыться въ лѣсъ, и стонуть здѣсь, и стонутъ,
Какъ будто бы слѣпыя совы.

Филонъ.

Старче,
Вставь голову въ ручей, она остынетъ.

Отшельникъ.

Вода не смѣетъ на моемъ челѣ
Кровавый поясъ. Видишь, это видишь,—
Какъ рѣжетъ лобъ корона? Двадцать лѣтъ.
Я жилъ въ лѣсу,—не затянулась рана.
Вкругъ лба кровавый поясъ, и другой
Такой же алый сердце мнѣ сжимаетъ;
Тотъ отъ короны,

(показывая на сердце)

этотъ отъ мечей

Палаческихъ. О, дѣти! Боль сиротства!
О, прошлое мое!

Филонъ.

Тотъ старецъ—нудный;
Въ умѣ его какія-то, безъ тѣла,
Блуждаютъ тѣни; вѣрно, опалѣлъ онъ
Отъ скуки одиночества, поста.

Отшельникъ.

Боль мысли острѣе, что колеть больно,
Дѣйствительность же... О, та ранить хуже,
Та убиваетъ, какъ ударъ желѣза...

Филонъ.

Поговоримъ съ тобой объ этомъ послѣ,
По сердца боль, я говорю тебѣ...

Отшельникъ.

Тебя пусть похоронитъ, слабодуше.
Ничто убьетъ *ничто*; и гробъ твой тѣсный
Замкнетъ *ничто*.

Филонъ.

О, милая, твой образъ

Пенайденный

(показываетъ на сердце)

вотъ здѣсь живетъ. И горше

Намъ не найти, чѣмъ потерять, найдя.
Тебя я не нашель, и все же вижу
Тебя передъ собою. Въ лѣсъ иду,
Гдѣ буду я одинъ... съ тобой. Да будетъ
Благословененъ свѣтъ воображенья,
Ты мнѣ спасенье.

(Уходитъ въ лѣсъ).

Отшельникъ.

Такъ шалѣютъ люди.

(Входитъ въ келью).

СЦЕНА 2-я.

Другая часть лѣса, видно озеро Гопло.—Входитъ Искорка и Хохликъ.

Искорка.

Гдѣ королева наша, Гоплана?

Хохликъ.

Сидитъ еще въ Гоплѣ.

Искорка.

Развѣ такъ рано?

Или не слышенъ ей запахъ сосны?

Или пробудилась отъ духа весны?

Или не слышно ей, какъ надъ волнами

Черныя ласточки бьются крылами,

Такъ что зеркальность воды озерной

Въ тысячѣ малыхъ кружковъ предо мной.

Хохликъ.

Проснется эта вѣдьма слишкомъ скоро,

И будетъ запрягать въ работу насъ.

То въ жолуди пустые класть яички

Тли травяной; то муравьямъ, что строятъ

Столицу, помогать въ постройкахъ ихъ,

И подметать дороги, что проходить

Въ ихъ муравейникъ; то коровкамъ божьимъ

Развязывать броню, чтобы они

Могли летать; то улья пчелъ провѣдать

И изъ раскрытой книги имъ читать

Весь сводъ законовъ улья, иль присягу

Пчелиной маткѣ принимать отъ пчелки
Родившейся; а то еще сзывать
На озерной тростникъ толпу касатокъ
И годовалыхъ матокъ обучать
Искусству строить гнѣзда; замыкать
Тѣ клѣтки, что поставлены для пташекъ,
Наперекоръ лихому птицелову,
Чтобъ не увязла птичка въ западнѣ;
И съ госпожой сорокой постоянно
Имѣть дѣла и въ уши ей трубить:
Сорока, не укради. Воробью
Чирикалкѣ напоминать усердно:
Чирикать-то чирикай, да получше,
Надъ деревенской хатю чирикай.
Какъ конь какой языческой работай,
Все лѣто проработаешь, а зиму
Спи у холопа на полатяхъ грязныхъ,
Иль на шесткѣ, среди горшковъ, близъ бабы
Рябой, съ оя ребенкомъ, что реветъ.

Искорка.

Ну, Хохликъ, да вѣдь ты жъ большой лѣнтяй.

(Смотритъ на озеро).

Ахъ, смотри, въ сѣяньи солнца,

На лучѣ его продольномъ,

Изъ воды глядитъ Гоплана,

Словно аира листокъ.

Въ блескѣ вешняго червонца,

Колыхаясь въ вѣтрѣ вольномъ,

Улыбаясь такъ румяно,

Покидает влажный токъ.
Словно лебедь, стройно, гибко,
Проплывает, онебженный,
И колеблется, безмолвный,
И качаяся плыветъ.
Глянь же! глян! легка, какъ рыбка,
Къ забудкѣ благовонной,
Вмигъ скочила, кинувъ волны,
Ручкой бѣлою къ ней льнетъ.
Все жь воды не покидаетъ,
{Серебристой вьется рыбой,
{И алмазный дождь кружится
По ть ногою въ огонькахъ.
Кто колдунью разгадаетъ?
Струй ли держитъ обручъ зыбкій?
Или въ воздухъ ложится?
Иль повисла на цвѣткахъ?

Хохликъ.

Голова въ вѣнкѣ, но черномъ,
Затѣненнымъ смотреть ликъ.
Что въ сплетеніи узорномъ?
То цвѣты, или тростникъ?

Искорка.

Нѣтъ, то ласточки прильнули
Къ волосамъ ворожен:
Утромъ, въ осень, такъ уснули,
Пожки лентой свивъ свои,
И въ рѣку, пройди туманы,

Пали такъ на зимній срокъ,
И златымъ кудрямъ Гопланы
Черный глубъ дала вѣнокъ.

Хохликъ:

О, Искорка, совѣтую, бѣжимъ,
Сейчасъ задасть намъ вѣдьма дѣло дѣлать,
Работы новой у нея найдется.
Тамъ поглядѣть, чтобъ мельница вертѣлась,
Откуда убѣжала вся вода,—
Ишь, бѣдный мельникъ,—тамъ еще прикажетъ,
Чтобъ исповѣданъ былъ лѣнивый шершень,
Предъ тѣмъ какъ въ адъ пойдетъ за кражу меда...
Или еще расписывать навлиновъ.

Искорка.

Такъ что жь, убѣгай поскорѣ...
Мнѣ весело, весело! Вотъ,
У ласточекъ перья, свѣтлѣя,
Просохли, и ихъ хороводъ
Весь ожилъ, и крылья колышетъ,
Вспорхнули. Летѣть, такъ лети!
{ А наша царица чуть дышитъ,
Развившихся косъ заплести
Не смѣетъ, дивится, не знаетъ,
Какъ ожилъ увидшій вѣнокъ,
И какъ это онъ улетаетъ,
И какъ это онъ такъ далекъ.
Гоплана! Гоплана! Гоплана!
(Входитъ Гоплана).

ГОПЛАНА.

Нарви мнѣ, Хохликъ, розъ! вѣнокъ мой улетѣлъ!

ХОХЛИКЪ.

Ну, началось. Пошла.

(Хохликъ уходитъ, ворча).

ГОПЛАНА.

Что, еще рано?

ИСКОРКА.

Да, первый часъ весны.

ГОПЛАНА.

Ахъ, гдѣ жъ любимый мой?

ИСКОРКА.

Что велишь мнѣ, королева?
Дай красивую работку:
Все исполню я, въ охотку;
Свить ли радугу налѣво,
Свить ли радугу направо,
Разноцвѣтную, какъ слава,
Или кровлю унизать
Словно жемчугомъ, цвѣтами,
Павиликой завязать,
Или выстроить рядами
Многокомнатный покой,
Мальвы выбравши столбами,
И закривъ предъ тобой
Колокольчикъ голубой?

ГОПЛАНА (задумавшись).

Нѣтъ.

ИСКОРКА.

Ну, что жъ ты, хочешь троновъ,
Не изъ дуба, не изъ кленовъ,
А изъ выплаканныхъ слезъ,
Что, промчавшись, дождь принесъ?
Иль шнурокъ принести жемчужинъ,
Тѣхъ, что клей даютъ для птицъ,
Съ осіянною зарницъ,
Какъ воздушнаго намета
Лучъ смѣющийся лучу.
Хочешь? ринусь я въ болото,
Полечу, и ухвачу
Огонекъ тотъ, блѣдный, синій,
Что блуждаетъ по трясины,
И въ лилейный бѣлоцвѣтъ
Помѣшу тотъ синій свѣтъ,
И подсвѣчникъ такъ построю,
Колокольчикомъ прикрою,
Чтобъ свѣтилъ тебѣ... Все нѣтъ?
Все такъ мало? Ну такъ, пани,
Повели, и все заразы,
Что подъ солнцемъ, что въ туманѣ,
Принесу тебѣ сейчасъ.
Свѣтъ, росу, цвѣты, деревья,
Что въ землѣ, что надъ землею,
Звуковъ зыбкія кочевья,
Эхо, краски, цѣлый рой
Нѣжныхъ запаховъ съ весной,

Всѣ дыханья аромата,
Все, о чемъ когда-нибудь
Ты мечтала,—какъ когда-то
Буря, мчась въ далекій путь,
Волны била, чтобъ кружились,
И чтобъ сны Гоплана снились.

Гоплана.

Ахъ, Искорка, влюбилась я.

Искорка.

Во что?

Иль въ розу безъ шиповъ? или въ калину?
Въ четырехлиственный клеверъ? а не то
Въ цвѣтъ мачехи, чье имя *Жен статный*,
Что мачеха сажаетъ средь долины,
Когда схоронить мужниныхъ дѣтей?
Или быть можетъ въ нитку Магдалины,
Что и безъ вѣтра въ воздухъ летитъ?
Или еще быть можетъ въ цвѣтъ крушины?
Иль въ маргаритку бѣлую, что спитъ,
И, *Не люблю* сказавъ листочкомъ пятымъ,
Пастушку умертвила въ утрѣ дней?
Какимъ ушиться хочешь ароматомъ?
Лишь Искоркѣ скажи, пошли скорбей,
И принесетъ тебѣ онъ чрезъ мгновенье
Любимаго, и въ твой вѣнокъ влететь,
И вѣчно будешь съ нимъ безъ разлученья,
И поцѣлуямъ ты утратишь счетъ,
И до другого травяного вѣка,

До будущей весны его любя,
Его ты не отпустишь отъ себя.

Гоплана.

Ахъ, я люблю, влюбилась—въ человѣка.

Искорка.

Людскія это чары.

Гоплана.

Той зимой

Заснула я на ложѣ изъ кристалловъ,
Вдругъ свѣтъ меня какой-то пробудилъ
Насильственно, мой сонъ глухой разрушивъ.
Раскрыла я глаза, смотрю... червонный
Какой-то пламень бьется черезъ ледъ.
И слышенъ стукъ глухой. Для бѣдныхъ рыбокъ
То рыбаки вырубляли прорубь
Предательскую... Вдругъ ужасный крикъ.
Въ ту прорубь человѣкъ упалъ, и прямо
Ко мнѣ на ложе. И свѣтилъ ли это
Подобный розамъ свѣтъ въ моемъ чертогѣ
Стекланномъ, или были это розы
Его лица, что смертью уже млѣло,
Но онъ мнѣ повказался такъ красивымъ,
Ахъ, такъ красивымъ, что его хотѣла
Навѣки удержать я во дворцѣ
Зимы, не размыкая рукъ сомкнутыхъ,
И цѣлую поцѣлуевъ приковавъ.
Тутъ началъ умирать онъ... И пришлось мнѣ,
Ахъ, да, пришлось мнѣ выпустить его.
О, если бъ я могла, по крайней мѣрѣ,

Его въ рукахъ своихъ изъ глуби вынести,
Уста съ устами слить, и жизнь мою
Излить въ него, согрѣвши грудь, что льдыня!
Но знаешь ты, какая это пытка
Для насъ, когда, подобныя цвѣтамъ,
Должны мы, утерявъ румянецъ нѣжный
И весь расцвѣтъ весны, лежать на днѣ,
Тамъ въ озерѣ, какъ будто бѣлый камень.
Такою въ тѣ минуты я была.
Должна была лежать на днѣ глубокомъ,
Не вѣтренно стремиться къ свѣту дня.
Я вынесла дрожащею рукою
Наполовину-мертвого его,
И выбросила кверху черезъ прорубь,
Сама съ тоскою возвратилась внизъ,
Къ холодному на днѣ, къ пустому ложу.
Крикъ рыбаковъ мнѣ сердце разстерзаль,
Привѣтствовали, въ мигъ какъ я прощалась.
Ждала весны, вотъ наконецъ пришла.
И я проснулась вновь, съ любовью въ сердцѣ...
О, предъ лицомъ его цвѣты—ничто,
Передъ его глазами звѣзды гаснуть.
Ахъ, я люблю, люблю!

Искорка.

Въ лѣсу есть кто-то.

Гоплана.

То онъ! то онъ, мой милый! мой любимый!
О, Искорка, исчезни, будь незримъ.

(Искорка уходитъ).

(Входитъ на сцену Грабецъ — румяный — въ деревенской
одеждѣ).

Грабецъ.

А что это за панна? Ликъ имѣеть,
И ноги и желудокъ, все честь-честью;
Но будто бы стеклянная она.
Какое это диво изъ желе
И мѣлы? Янымъ полюбится такая,
Что до меня, есть рыбе что-то въ ней.

Гоплана.

Какъ, юноша красивый, ты зовешься?

Грабецъ.

Такъ, ничего себѣ.

Гоплана.

О, милый, милый!

Такъ, ничего себѣ.

Грабецъ.

Ну, и глупа же

Властительная пани, какъ взгляну я.
Такъ, ничего себѣ—лишь только значить,
Что красота моей порухи нѣтъ,
Что я красивъ. А называюсь—Грабецъ.

Гоплана.

Какой же ангелъ заблудилъ тебя
Въ лѣсу?

ГРАБЕЦЪ.

Вотъ доложу вамъ, любопытство
Въ красъ увядшей.

ГОПЛАНА.

О, скажи, панъ Грабецъ.

ГРАБЕЦЪ.

А ты со мной попроче говори.
Я просто Грабецъ, ну и молви—Грабецъ.

ГОПЛАНА.

Кто жь ты?

ГРАБЕЦЪ.

Слуга покорный ясной панны.
Кто я, спросила ты? Расскажъ пространный.
У насъ есть храмъ, и въ немъ оргапъ большой,
Играль мой тятя ловко на волынкѣ,
Играль прекрасно, ежели былъ пьянъ,
А если трезвъ, чудовищно пиликаль;
До этого цирюльникомъ онъ былъ,
И стригъ и бриль, стригъ цѣлую деревню,
Онъ стригъ и бриль, притомъ дудѣлъ въ волынку,
Затѣмъ что стригъ и бриль въ субботу онъ,
Въ волынку же дудѣлъ онъ въ воскресенье;
А добродѣтель онъ имѣлъ такую,
Что бриль—не пилъ, а пилъ—когда играль.
Все шло отлично, прямо—какъ по маслу.
Да вдругъ запѣлъ нѣтухъ, и мой отецъ
Супружествомъ съ женой удѣлъ связалъ свой.

У панны молодой—былъ усь; отецъ
Тотъ усь обрилъ; все шло—ну, какъ по маслу.
Но новья явились чудеса.

Жена играла въ дудку, а отецъ мой
Былъ дудкой; такъ на тятѣ и играла,
И до тѣхъ поръ играла и дудѣла,
Пока не схоронила на погостѣ.
Я, значить, послѣ смерти продолжаю
Отцовское: посмертная работа
Игральщика въ волынку; говорить,
Что я отда прямое повторенье,
Люблю я старый медъ, люблю горѣлку,
Отъ матери же тягу я даю.

ГОПЛАНА.

Весенній вѣтеръ въ ухо мнѣ приноситъ
Его слова душистыя. О, милый!
Тебя люблю я.

ГРАБЕЦЪ.

Это что жь за дѣвка?

Непстова и прямо начинается.
А впрочемъ дива нѣтъ тутъ никакого.
Когда черезъ деревню я иду,
Сердца, какъ сливы, подъ ноги летятъ мнѣ.
Кричатъ дѣвчонки: Пане Грабецъ, Грабикъ,
Пусть Грабецъ помнитъ: завтра грабли въ сѣно,
Гребемъ, такъ помоги же намъ грести.
А это значить—за меня хоть въ воду,
И что на сѣнѣ можно цѣловать.

ГОПЛАНА.

Меня ты любишь, милый мой, скажи?

ГРАБЕЦЪ.

А вотъ отвѣдать нужно... Поцѣлуйка-ка...

ГОПЛАНА.

Стой! Поцѣлуй—дѣвъ чистыхъ обрученъе.
За каждымъ поцѣлуемъ листь спадаетъ
Съ дѣвичьяго вѣнка. Не разъ дѣвица
Блѣдна, въ смущеньи, оттого, что листикъ
Одинъ упалъ съ цвѣтка, что есть цвѣтъ сердца,
И ужъ любить не смѣетъ, мѣръ—прощай,
И въ гробъ уходитъ, нелюбимой вовсе.

ГРАБЕЦЪ.

Ну, ваша милость—словно какъ монашка.

ГОПЛАНА.

Разъ поцѣлуешь—я твоя навѣки,
И ты навѣки мой.

ГРАБЕЦЪ.

Ну, поцѣлуй
Здѣсь близко, а вотъ это мой—далеко.
(Цѣлуетъ).

ГОПЛАНА.

О, мой любимый!

ГРАБЕЦЪ.

Это что жь? Ей-Богу,
Поцѣловать я пахнущую розу...

Фу... роза стала плотъ, и плотъ какъ роза...
Невкусно!

ГОПЛАНА.

Дорогой мой! Каждый вечеръ
Теперь ко мнѣ ты долженъ приходиться,
Въ лѣсную чашу. И бродить мы будемъ,
Когда сияетъ мѣсяць, и когда
Вздыхаютъ сладкопѣвно соловьи
Надъ влагою лѣсныхъ озеръ, хрустальныхъ,
Подъ лиственницей пышной и вѣтвистой.

ГРАБЕЦЪ (про себя).

Не вѣдаю, что отвѣчать мнѣ бабѣ.

ГОПЛАНА.

Ты грустенъ? ты молчишь? О, мы другъ съ другомъ
Такъ счастливы здѣсь будемъ.

ГРАБЕЦЪ.

Быть-то будемъ,
Но только не подъ-вечеръ и не здѣсь.

ГОПЛАНА.

А почему?

ГРАБЕЦЪ.

Какъ бѣшенный, воды я
Не выношу.

ГОПЛАНА.

Любимому я буду
Малину собирать и землянику.

Г равецъ.

Но я малину вовсе не люблю..
И ежели съ малиною горшокъ
Несетъ какая дѣвушка,—бываетъ,
Что сошвырну горшокъ я съ головы,
Но только вѣдь совѣтъ не для малины.

Г оплан а.

Но ты любимый, да, любимый мой,
Любить цвѣты ты долженъ. Приходи же,
Какъ только вечеръ...

Г равецъ.

Это уже слишкомъ.

Спристала, словно сонъ дурной. Не будетъ,
Я вечеромъ ни разу не приду.

Г оплан а.

А почему?

Г равецъ.

За боромъ есть дѣвчина,
Что каждый вечеръ Грабца ожидаетъ.

Г оплан а.

Дѣвчина?

Г равецъ.

Да,—дѣвчина.

Г оплан а.

А пригожа?

Г равецъ.

А наннѣ что до этого?.. Зовется
Дѣвчина Балладиной.

Г оплан а.

Дочь вдовы,
Сестра Алины? Сердце въ ней презлое.

Г равецъ.

Я вижу, ваша милость ошатѣла.
Не вѣрую я въ бабьи чудеса,
Ни въ судъ ихъ, пересуды, наговоры.
У всѣхъ дѣвчонокъ, у которыхъ ножка
Мала—красивы губы, нѣжно сердце,
А ножки у нея какъ разъ красивы.

Г оплан а (воспламеняясь).

Пусть гаснетъ солнце, если у меня
Тебя отниметъ кто-нибудь, любимый.
Ты мой, ты мой, навѣки, только мой.
Возьми хоть мѣсяцъ перетнемъ обручальнымъ,
Хоть мѣсяцъ, разломаю я его,
И мѣсяцъ загашу, коль провожаетъ
Тебя онъ къ подѣлюямъ, въ домъ коханки.
Ахъ, будь мнѣ вѣренъ! я молю тебя!
Ахъ, заклинаю, и тебя же ради,
Для счастья твоего. Ахъ, заклинаю!
Погибнешъ ты, любимый—нѣтъ—погибнемъ
Мы вмѣстѣ, но и ты погибнешъ также,
Когда погибну я. Но не хочу я

Погибнуть, чтобъ со мной ты не погибъ.
Велю тебѣ, хотя бы лишь сегодня,
Хотя сегодня, не ходи туда.

Гравенъ.

Велишь,—а кто ты?

Гоплана.

Я царица волиъ.

Гоплана я, царица.

Грабецъ.

Э, бѣжать!

Исусе, Богородица, въ бѣдѣ я,
Бѣсовская жена моей быть хочеть.

(Грабецъ убѣгаетъ).

Гоплана (одна).

Пусть солнце гаснетъ, пусть потонуть звѣзды,
Тамъ въ небѣ бездорожномъ, пусть увянутъ
Всѣ розы. Что мнѣ въ солнцѣ и въ цвѣтахъ,
Что въ звѣздахъ, я хочу ихъ всѣ утратить,
Лишь милаго бы мнѣ не потерять.
Всю власть, какую только я имѣю,
Всю силу сверхъприродную надъ міромъ
На то я обращаю, чтобъ это сердце
Подбить и завладѣть имъ. Искра! Хохликъ!

(Прибѣгаетъ Искорка).

Что, Искорка, ты слышала разговоръ мой
Съ моимъ любимымъ? съ ангеломъ?

Искорка.

Не будь

Ко мнѣ сурова... Знаешь... любопытство...
Раскаянье мое чистосердечно...
Цвѣтъ павилики бѣлой я сорвалъ,
И, кончикъ стебелька вложивши въ ухо,
Я слышалъ... черезъ цвѣтокъ.

Гоплана.

А гдѣ же Хохликъ?

Искорка.

Лѣннинецъ, онъ все тащится съ вѣнкомъ.

(Входитъ Хохликъ съ вѣнкомъ).

Гоплана.

Стыдись же, Хохликъ, срамъ тебѣ, смотрите,
Красивы онъ съ репейникомъ нарвалъ,
Полены гадкой, и смѣшалъ ихъ съ дерномъ.

Искорка.

Позволь мнѣ, пани, выскку его я,
За то, что онъ принесъ такой вѣнокъ.

Хохликъ.

Эй—эй, смотри, тебя я заколдую.

Гоплана.

Ну, слушайте тихонько, дьяволята.
За милымъ ты моимъ помчишься, Хохликъ,
Иди при немъ, предъ нимъ, за нимъ, какъ въ топи

Блуждающіе бродягъ огоньки,
Води его по муравѣ, чтобъ только
Онъ до утра той хаты не нашель,
Гдѣ двѣ живутъ красивыя дѣвицы,
Два цвѣтика, двѣ дочери вдовы...
Меня ты понялъ?... А съ восходомъ солнца
Ко мнѣ сюда ты милаго проводишь.

Хохликъ.

Я буду безъ конца его въ болотѣ
Кружить, чтобъ въ топи вязъ онъ... Ха! ха! ха!
(Хохликъ уходитъ).

Гоплана.

Ты же, Искорка мой милый,
На мостокъ лети скорѣй,
И сокройся близъ могилы,
Гдѣ убилъ себя унылый,
Спрячься въ ивѣ межъ вѣтвей.
Черезъ часъ мосточкомъ этимъ
Будетъ ѣхать пышный панъ,
Весь онъ въ златѣ, весель, свѣтель,
Добрый панъ богатыхъ странъ,
Какъ на свадьбу—безоруженъ,
И въ каретѣ золотой,
Конь съ конемъ въ упряжкѣ друженъ,
Пять коней въ каретѣ той;
Четверня ихъ—вороные,
А передній—бѣлый конь,
Мечетъ искры онъ живыя,

Первый мчитси, какъ огонь.
А на мостикѣ есть балка
Что дрожить и прогнила.
Понимаешь?

Искорка.

Чтобъ, какъ палка,
Сразу сломленной была?

Гоплана (склоняя голову).

По чтобъ не было ущербъ,
И ни людямъ, ни конямъ.

Искорка.

Я иду туда, гдѣ верба.
Что потомъ?

Гоплана.

Потомъ вѣтвямъ
Ты велишь шумѣть, и вѣя
Тихимъ вѣтромъ возлѣ водъ,
Пана ты введешь, лелѣя,
Въ хату, гдѣ вдова живетъ.
Сдѣлай такъ, чтобъ панъ богатый
Замужъ дочку взялъ одну,
И счастливая трикраты
Отбыла въ его страну,
Въ золотой его каретѣ.
Милый Искорка, скорѣй!

Искорка.

Такъ бываетъ здѣсь на свѣтѣ,
Дѣвы—въ жены. Ей-же-ей

Не задремлет солнце дважды,
Мѣсяцъ дважды не заснетъ,
Какъ, полна любовной жажды,
Замужъ дѣвушка пойдетъ.

(Улетаетъ).

ГОПЛАНА.

Ну, Сильфовъ разослала я; пускай
На счастье мое они хлопочуть.
Идетъ теперь ужъ дѣло не о томъ,
Чтобъ ниву взять цвѣточными войсками,
И не цвѣты теперь ужъ мнѣ стеречь,
Не радугу свивать, не соловьевъ мнѣ
Учить, какъ пѣть, не ласточекъ будить,
Люблю я, гибну. Если онъ не будетъ
Меня любить? Растаю бѣлой мглою.
И упаду, слезами на цвѣтокъ,
И съ полевымъ цвѣточкомъ я увяну.

(Расплывается въ воздухѣ).

СЦЕНА 3-я.

Хата вдовы.—Вдова и дочери ея, Балладина и Алина, входятъ съ серпами.

В Д О В А.

Оконченъ день работы, Балладина,
Отъ солнца ручки у тебя совсѣмъ
Растаяли, какъ маленькія льдинки.
Мы завтра рано, утречкомъ, съ Алинкой

Дождемъ остатокъ нивы; ты же, дѣтка,
Сиди себѣ и отдыхай здѣсь дома.

А Л И Н А.

Нѣтъ, нѣтъ, пусть отдыхаетъ завтра мать,
А мы съ сестричкой рано выйдемъ въ поле,
Ужъ больно любить солнышко твою
Головушку еѣдую, и спѣшить къ ней,
Какъ гадкая оса на цвѣтикъ бѣлый,
И отъ волосъ листкомъ не отогнать;
И не навѣетъ Богъ ни малой тучки,
Чтобъ матушку отъ зноя скрыть въ тѣни.

В Д О В А.

Вы добренькія дочки, съ вами даже
Мила мнѣ бѣдность скудная моя;
Не потеряетъ—кто для Бога сѣетъ.
Въ умѣ держу я, что заплатитъ Богъ вамъ
Богатымъ мужемъ—а вѣдь кто же знаетъ?
Ужъ при дворѣ, быть можетъ, королевскомъ
О васъ слыхать. Вотъ, мы себѣ тутъ жнемъ,
А вдругъ изъ бора ѣдетъ королевичъ,
Ну, можетъ быть, придворный поваренокъ,
Или колюшій—вотъ, глядимъ—карета...
Почтенная,—тутъ говорить ко мнѣ,—
Дай въ жены мнѣ одну изъ этихъ дочекъ.
Папъ, хорошо, бери же Балладину,
Она красива, словно царскій скипетръ,
Цвѣтокъ пригожій; такъ же и тебѣ,
Алина, добрый мужъ найдется, рыцарь,

Но старшей нужно прежде новобрачной
Назваться. Волны въ рѣчкѣ такъ идутъ,
Одна, за ней—другая. Королевичъ,
Послушай и женись на Балладинѣ.

Балладина.

Куда мой гребень дѣла ты, Алина?
Мать бредить, а ты слушаешь ее.

Алина.

А это, Балладина, ей къ лицу,
Какъ бредить велухъ, или когда смѣется.

Мать (къ Балладинѣ).

Ты вѣрно говоришь. Такая хата
Убогая, а мнѣ не вѣсть что снится.
Но Богу также въ вѣковѣчной славѣ
Должно тамъ что-то сниться... а когда бы
Вдругъ Богу пожелалось дать мнѣ зятя,
Да золотого.

Балладина.

Ахъ, у поля тамъ
Какой-то стукъ; большой дорогой ѣдетъ
Дворъ князя... пять коней... и золотая
Карета... Кто же это? Онъ поѣхалъ
Аллеей. Какъ красиво среди деревьевъ
То золото сіяетъ! Ахъ, мой Боже,
Что съ ними приключилось? На мосту
На нашемъ, посрединѣ, кони стали...
Карета съ мѣста стронуться не можетъ...

Вдова.

Должно, поить коней они хотятъ...

Балладина.

Конечно, панъ такъ по-просту въ дорогѣ
Поить коней.

Вдова.

А если пить хотятъ.

Алина.

Ужь гаснетъ солнце, нужно намъ зажечь
Сосновую лучину.

Балладина, (бѣжить къ окну).

Ахъ, лампу засвѣтить... ахъ, лампу... живо...
О, гдѣ мой гребень?

(Слышенъ стукъ въ дверь).

Вдова.

Что тамъ? Что? Стучать!

Поди же, Балладина, отвори имъ.

Балладина.

Пускай сестра отворить.

Вдова.

Отворите

Скорѣе, кто-то въ хату тамъ стучить.

Алина.

Ахъ, я боюсь...

Вдова.

Пусть всякій божій духъ
Восхвалитъ Бога... отомкну я хату.

(Смотритъ черезъ дверную дырку).

Какой уборъ богатый, золотистый!

(Отворяеть).

Во имя-ль Бога?

(Входитъ Киркоръ).

Киркоръ.

Такъ, во имя Бога.

Прошу простить, но мостикъ надъ рѣчонкой
Сломался подъ каретою моею,
Прибѣжища ищу.

Вдова.

Прошу къ столу,

Садись, мой королевичъ, да садись же.
Бѣдна вотъ хата... Молвить соизволилъ,
Что у тебя карета... О, несчастье!
Дѣвицы! Это дочери мои,
Мой ясный королевичъ... А давно ужъ
Здѣсь случая такого не запомнить,
Вотъ развѣ что весною прошлой мельникъ,
Который лунной ночью ѣхалъ тутъ...

Балладина.

Довольно мать, позволь же пану молвить.

(Входитъ Искорка, невидимый для дѣйствующихъ лицъ).

Киркоръ.

Я звуки лютеень слышалъ передъ хаткой...
Не дочери-ль твои играютъ это?

Вдова.

Прошу прощенья, королевичъ, нѣтъ.

Искорка.

Сочувственный сорваши въ тучкѣ цвѣтъ,
Невидимо въ вѣнокъ его свивало,
На дѣвушекъ обѣихъ надѣваю,
Дала мнѣ королева свой завѣтъ,
Но не сказала мнѣ, къ кому такъ скоро
Я долженъ сердце склонить Киркора,
Къ которой изъ сестеръ. И нѣжный звонъ
Начнетъ воздушно пѣть со всѣхъ сторонъ.
Цвѣты прольютъ всю сладость аромата,
И все въ немъ будетъ нѣжностью объято,
И такъ внезапно обомлѣетъ онъ,
Что сердцемъ въ два ужъ сердца онъ влюбленъ.
(Кладетъ вѣнки изъ цвѣтовъ на головы дѣвушекъ.—Слышна музыка).

Вдова.

Не отдохнуть ли хочетъ королевичъ?

Киркоръ (съ удивленіемъ и без-
покойствомъ).

Какъ, отдохнуть, когда такіе звуки
Волшебные я слышу... Это ваши,

О, дѣвушки, звучать такъ дивно пѣсни,
Я слышу пѣнье...

Алина.

Можетъ, пану снится?

Здѣсь въ хатѣ... тихо...

Киркорь.

Ахъ, какъ скучно мнѣ
Вспоминать о томъ, что пусть мой замокъ!

Искорка (въ сторону).

Подѣйствовали чары...

Киркорь.

Изъ какихъ
Кадиль распространяется тотъ запахъ?
Навѣрно, съ вашихъ онъ идетъ вѣнковъ,
Что оросилъ слезами ясный вечеръ?

Балладина.

Но гдѣ у насъ вѣнковъ.

(Входитъ слуга Киркора, богато одѣтый).

Слуга.

Ужъ колесо

Исправлено въ каретѣ...

Киркорь.

Распрягите

Коней. Я здѣсь останусь.

Вдова.

Что за чудо?

Здѣсь въ хатѣ королевичъ! На какомъ же
Онъ снѣтъ будетъ спать, когда ему
И лепесточки розы будутъ въ тягость...

Киркорь (про себя).

Отшельникъ старый, ворожилъ ты правду,
Тамъ, гдѣ блеснуть двѣ розы изъ окошекъ,
Гдѣ кровля изъ соломы...

Искорка (про себя).

Чары—вотъ.

Киркорь (ко вдовѣ).

Послушай, мать, въ свѣтъ бѣлый я поѣхалъ,
Чтобъ добрую и бѣдную супругу
Себѣ найти; я дальше не поѣду,
Чудеснѣйшихъ я здѣсь нашелъ богинь...
О, если бы имѣлъ я два престола!
Скажу скорѣй, когда бъ два сердца мнѣ!
Но мнѣ сдается, будто два во мнѣ ихъ...
Отъ двухъ сердець о двухъ прошу невѣстахъ,
Но Богъ одну лишь взять мнѣ позволяетъ,
Чтобы на брачный проводить коверъ;
Такъ нужно выбрать... О, зачѣмъ волна
Судьбы моей—мое разбила сердце
О двѣ скалы! Зачѣмъ мой взоръ не выбралъ
И чувство не повелъ? Теперь же выбрать
Я не умѣю...

Вдова.
Панъ, я не пойму...

Киркоръ.
Прошу руки одной изъ дочерей...
Ты слышала когда-нибудь, быть можетъ,
О графѣ, о Киркорѣ, что имѣеть
Огромный замокъ, гдѣ четыре башни,
Карету водотую, и коней,
И рыцарей, что на его услугахъ?...
Такъ тотъ Киркоръ есть я... И я прошу
Чтобъ ты одну изъ дочерей дала мнѣ.

Вдова.
Дать дочь? Ихъ двѣ... однако, Балладина...

Киркоръ.
То старшая?

Вдова.
Такъ... младшая Алина
Какъ ангель тоже...

Киркоръ (про себя).
Ахъ, какъ труденъ выборъ!
Какъ снѣгъ бѣла—что старше, а у той—
Такія косы чудныя, какъ будто
Березка, что листками приодѣлась;
Одна—изъ алебастра, а другая—
Вся розовая; у одной рѣсницы—
Какъ уголь, у другой—глаза фіалки;
Одна—какъ ангель зорькой золотой,

Другая—словно утро ночи бѣлой.
Одной быть мужемъ, а другой любимымъ;
Любить же ихъ обѣихъ, а съ одной
Колечкомъ обмѣняться. Но какую-жъ
Любить влюбленно, а другую просто
Любить?... Пускай же мнѣ, по крайней мѣрѣ,
Повѣдаютъ тѣ розовыя губы,
Которая здѣсь любить.

(Къ дѣвушкамъ).
О, смуглянки,
О, лани, что, вы любите меня?

Балладина.
Ахъ, не скажу тебѣ... Нѣтъ, я не смѣю...
Да, панъ—но ты и самъ вѣдь угадаешь,
Хотя бы я молчала. Угадай.

Киркоръ (къ Аливѣ).
А ты что скажешь, бѣленькая роза?

Алина.
Люблю.
Киркоръ.

Такъ обѣ любятъ.

Вдова.
И еще бы
Имъ не любить... Да видано ли это,
Чтобъ рыцаря не полюбить, который
Могъ, смѣлый, замужъ взять и королеву.

Киркоръ.

Какая же, о, дѣвушки, изъ васъ
Вънецъ принявъ, любить сильнѣе будетъ?
И какъ любить! любить, что я люблю?
Какъ будетъ озарять мнѣ тучу гнѣва?

Балладина.

О, панъ, коль въ замѣкъ пасть, а въ пасти пламя,
И ты велишь вскочить мнѣ, я вскочу.
Коль ксендзъ при отпущеніи грѣховъ
Твой грѣхъ какой-нибудь да не отпуститъ,
Возьму я на себя твой смертный грѣхъ.
Коль будутъ конья устремлять въ тебя,
Ставь предъ тобой, я за тебя погибну...
Чего жъ еще ты хочешь?..

Вдова.

Балладину

Возьми, возьми. Какъ золото она.

Киркоръ (къ Алиѣ).

А ты, о, дѣва, что моложе, что мнѣ
Ты общаешь?

Алина.

Вѣрной быть, любить.

Киркоръ.

Кому жъ мнѣ руку лѣвую отдать,
Какъ руку зятя, и кому отдать мнѣ
Другую, съ перстнемъ? Если бъ увидалъ я

Ликъ той звѣзды, что повела волхвовъ
И привела къ младенческимъ тѣмъ яслямъ!
Единымъ сердцемъ—къ нимъ тянусь обнимъ.
Которую отбросить? и которой
Быть мужемъ? Любятъ обѣ. Значить, будетъ
Одной обида, разъ возьму другую.
Одна въ обѣихъ нѣжность, простота,
Одна любовь въ обѣихъ, какъ заслуга...
Какъ выбрать?...

Алина.

Если выберешь меня,
Шляхетный панъ, ты долженъ обѣщать мнѣ,
Что въ замокъ свой меня возьмешь ты вмѣстѣ
Съ моей родимой и съ сестрой... Иначе,
Кто жъ приготовить матери горшокъ!
Кто разведетъ огонь ей? И не можетъ
Она здѣсь въ хатѣ бѣдной оставаться,
Когда въ палатахъ пышныхъ буду я.
Смотри, она сѣдѣе бѣлой розы.
О, видишь, панъ... Со мной и мать ты долженъ
Взять въ замокъ свой...

Киркоръ.

Какое въ сердцѣ тайно
Роскошное я слышу наслажденье...
О, милая!...

Вдова.

Но то же говорила
И Балладина въ сердцѣ у себя...

Вѣрь, рыцарь, Балладина тоже любить
Мать старую свою.

Киркорь.

Совсѣмъ ужь выбралъ,
И вновь два сердца ударяютъ въ щитъ...

Балладина.

Была бы я чудовищемъ, негоднымъ
Твоей руки, и недостойной ада,
Когда бъ я отъ родимой отреклась.
Мать и сестра, лишь это сохраняю,
Все остальное посвящу тебѣ.

Киркорь.

Хоть Рокъ слѣпой бы указалъ жену мнѣ...

Искорка (напѣваетъ на ухо
вдовѣ).

Много, мать, въ лѣсу малины,
Въ лѣсѣ пускай идутъ дѣвчины,
Ту, что больше набереть,
Пусть женою пань возьметъ.

Вдова.

Вотъ матери-старушкѣ что приходитъ
На мысль: Мой королевичъ яноликий,
Коли слугъ покорной ты позволишь,
То дамъ тебѣ совѣтъ. Пусть раннимъ утромъ
Въ лѣсѣ дѣвушки пойдутъ, и чтобъ у каждой
Изъ черной глины былъ пустой кувшинчикъ,

И по лѣсу пускай малины ищутъ;
Кто прежде принесетъ кувшинъ тотъ полный
Малины свѣжей, въ жены ту возьмешь.

Киркорь.

Советъ отмѣнный... Простота золотая...
Дашь мнѣ нетревожимое счастье,
Дни наслаждений, вмѣстѣ съ добротой.
Такъ, мать моя, пускай съ восходомъ солнца
Въ лѣсѣ дочери идутъ, неся кувшины.
А въ липовомъ мы сядемъ холодкѣ,
Кто первая вернется, назовется
Графиною Киркорь... Суди самъ, Боже.

Вдова.

Въ избушкѣ этой бѣдной, королевичъ,
Найдешь постель ты, пахнущее сѣно,
Покрытое бѣльемъ,—и вѣрь мнѣ, пань,
Къ тебѣ на сѣно жабы не вползутъ...
Прошу въ альковъ.

Киркорь (хлопаетъ въ ладоши,
входитъ слуга).

Принесъ мнѣ изъ кареты
Хрустальный кубокъ и закуску также,
Кусокъ холодный жаренаго зубра.

(Слуга уходитъ).

Красивыя невѣсты, до свиданья.

(Уходитъ къ алькову, ведомый вдовою).

Алина.

О, милая сестричка, что за диво!
Какое счастье!

Балладина.

Еще не поймала,
Оно, сестра, быть может не тебѣ...

Алина.

Сестра моя, пусть такъ, и все жь на небѣ,
Коли не солнце, звѣзды надо мной;
Коли не буду пани я Киркова,
Сестрою пани буду я Кирковой.
Тебѣ же завтра нужно будетъ взяться
Потверже за малинки эти: знаешь,
Вѣдь я всегда тебя уперечаю,
И быстро набираю полный жбанъ.
То ль ягоды поласковѣй ко мнѣ,
И сами лѣзутъ... или... твой дружочекъ...

Балладина.

Молчи!..

Алина.

А, знаю, милая сестрица,
Ты почему малины не собираешь...

Балладина.

Тебѣ то что?

Алина.

Да ничего... Вотъ только
Скажу, что не хотѣла бы я бросить

Любимаго, хотя бѣ и былъ тутъ рыцарь,
Для короля не бросила бѣ его...
И если бы взаимно я любила,
Крестьянина, допустимъ, пастуха,
Ужъ никогда Киркорь какой не могъ бы...

Балладина.

Отъ глупой я совѣтовъ не хочу.

(Слышно хлопанье въ ладоши за хатой.—Балладина зажигаетъ свѣчку, и, прикрывши ее ладонью, выходитъ).

Алина.

Захлопалъ въ борѣ,—и со свѣчкой вышла...
Великій Боже, что на ту измѣну
Панъ Грабекъ скажетъ тамъ? Моя сестра
Хотѣла бѣ за Киркора выйти замужъ,
А видѣла я, какъ тутъ на цвѣтахъ,
И подъ осиною нашею слыхала
Сто поцѣлуевъ... О, Христось, прости мнѣ!
Сужу любовь, которой, ахъ, не знала...

(Становится на колѣни).

Ты видишь, Боже мой, вотъ, сердце чисто,
И, присягая, выполню присягу...
О, Боже! птички у твоей державы
О черной вишнѣ могутъ попросить,
И ласточкамъ даешь ты въ клювикъ мушку;
Коль ты захочешь, Боже мой единый,
Гдѣ я ступлю... тамъ красныя малины...

(Садится на лавку и засыпаетъ).

Искорка (напѣваетъ).

Пусть ей счастье поцѣлуетъ
Входитъ въ сонъ. Усни, дѣвчина.
Я жь,—къ Гопланѣ полечу я...

(Уходитъ).

Алина (сквозь сонъ).

Вездѣ малина! красная малина!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Лѣсъ около озера Гопла.—Восходъ солнца. Хохликъ и Грабецъ, вывалившійся въ красной грязи трясинѣ и сильно навеселѣ.

Грабецъ.

Ни шагу дальше!

Хохликъ.

Да вѣдь тутъ ужь близко

До дома твоего.

Грабецъ.

Мой черный песь,
Тебѣ не вѣрю... ты меня все водишь,
Въ болото всадишь, и хвостомъ виляешь...
Нѣтъ, черный котъ, хотѣлъ тебя погладить,
А изъ тебя вдругъ вырызнулъ огонь...
Спать буду.

Хохликъ.

Табачку бы ты понюхалъ.

ГРАВЕЦЪ (держась за дубъ).

Смотри, какъ обнимаетъ дубъ меня;
И диво ли, — грабинѣ дубъ пріятель...
Повѣрь мнѣ, дубъ, тебя весьма цѣню,
Хоть бы до дубъ, хотя бы прямо къ сердцу.

Хохликъ.

Идемъ впередъ...

Гравецъ.

Нашелся дубъ-пріятель;

Хотя бы показалъ ты рай, гдѣ Богъ
Стрѣляетъ воробьевъ, не брошу дуба,
Шатается, пужна ему опора.
Смотри, бѣдняжка прямо обомлѣлъ.
Сюда, собака! Фонаремъ свѣти же!
Дубъ загубилъ. Ха! Убѣжалъ! Дубъ скрылся.
Ишь, не узналъ меня... весь въ камышѣ я,
Обросъ, всю ночь валялся я въ грязи...

Хохликъ.

Идемъ въ корчму.

Гравецъ.

На это я товарищъ —

На это какъ на лѣто... Нѣтъ, ужъ будетъ...
Мнѣ не пристало... Разъ корчма есть дама,
Такъ ею я любимъ, ее люблю,
Придетъ сама... Ходить къ дѣвчонкамъ глупость...
Откуда получаешь ты табакъ?

Хохликъ.

Отъ пана Люцифера.

Гравецъ.

Ты мнѣ свѣтишь

Ну прямо въ носъ. Послушай, милый песъ,
Сыщи-ка зайца, выстрѣлю.

Хохликъ.

А чѣмъ?

Гравецъ.

А громомъ!.. Такъ какъ мы друзья съ тобою,
Покорѣйше прошу меня простить,
Что въ грязь тебя завелъ; сидѣли въ лужѣ
Мы по уши, какъ добродѣтель, ха,
И хохотали — такъ и хохотали,
Мой носъ хи-хи въ носъ пана-добродѣя.

Хохликъ.

Ты помнишь, что осока говорила?

Гравецъ.

Ахъ, милая пришла на помощь мнѣ...

Хохликъ.

Спасла осока дудку...

Гравецъ.

Это въ шутку,
Она всегда мошенницей была...

Хохликъ.

Идемъ!

Грабецъ.

Спать, спать.

Хохликъ.

Ты лучше влѣзь на дубъ.

Грабецъ (поеть).

На дубочкѣ

Сидятъ голубочки,

На прудочкѣ утки какъ богачки,

А снеси-ка, братъ, штаны мои къ працкѣ...

Хохликъ.

Какъ? Хочешь спать? а гдѣ жь ночной колпакъ?

Грабецъ.

Не хочешь? Ну такъ къ чорту, котъ волшебный.

Хохликъ.

Ну, доброй ночи...

Грабецъ.

Доброй, доброй ночи,

Пошелъ бы я еще съ тобой въ корчму,

Да больше нѣту силы. Доброй ночи...

(Засыпаетъ).

Хохликъ.

Вотъ люди глупы! Ну и существа!

Напился, красной ржавчиной измазанъ,

И спать, пускай теперь идетъ Гоплана.

(Входитъ Гоплана съ Искоркой).

Гоплана.

Гдѣ онъ? ахъ, спать... Пусть розовыя зори
На ликъ ему свой первый блескъ прольютъ;
Но росы пусть сольются въ нѣжномъ флерѣ,
Чтобъ солнце вѣкъ не ранило... Вотъ тутъ,
Возьми ты, Хохликъ, даръ, дабы обилью
Подарка, за труды свои, былъ радъ.

Хохликъ (беря даръ).

Орѣхъ-свистунъ, гнилой наполненъ пылью,
Какъ табакомъ,—благодарю трикратъ;
Отъ пьянства хлопы выспятя не скоро,
Я поднесу стаканчикъ имъ, и два...

Гоплана (къ Искоркѣ).

Которая же милая Киркора?

Искорка.

Да обѣ.

Гоплана.

Ахъ, сорви ты голова!

Искорка.

Придутъ сюда, искать въ лѣсу малины,
Какъ говорилъ...

Гоплана.

Скажи, что дѣлать мнѣ?

Искорка.

На сердце ты надѣйся Балладицы,
Черно оно, и зависть тамъ на днѣ,
И болѣе, чѣмъ зависть,—все въ огнѣ...

ГОПЛАНА.

Что жь обѣ ночью дѣлали?

ИСКОРКА.

Алина

Уснула тихо, Богу помолясь.
Малина снилась ей; а Балладина
Зажгла свѣчу и вышла въ тотъ же часъ,
Въ ладоши ей въ лѣсу захопалъ кто-то;
Чтобъ подсмотреть, я полетѣлъ за ней...
Какъ призракъ, пла... Кругомъ, вездѣ дремота...
Она, какъ тѣнь, дрожала межъ стеблей;
А свѣтъ свѣчи, черезъ пальцы, словно роза,
Изъ чащи, то погаснетъ, то опять
Засвѣтится; чу, шелеститъ берега,
Проснулась пташка, чиркъ—и снова спать;
И тихо такъ прошла сквозь воздухъ мгlistый,
И тихо такъ прошла... Изъ мотыльковъ
Вѣночекъ закрутился золотистый
Вкругъ дѣвушки летить, какъ стая сновъ...
Надъ головою закружился... Встала...
Я слушаю... Вдругъ съ шелестомъ вѣтвей
Она словечко тихое смѣшала,
И кто-то отвѣчалъ изъ лѣса ей...

ГОПЛАНА.

Что-жь, можетъ быть, подружка Балладины?

ИСКОРКА.

Нѣтъ, пани.

ГОПЛАНА.

Кто?

ИСКОРКА.

Мнѣ нужно говорить?

ГОПЛАНА (показывая на спящаго
Грабка).

Онъ?

ИСКОРКА.

Да.

ГОПЛАНА (къ Хохлику).

Онъ съ ней сошелся у осины?
Велѣла, Хохликъ, я тебѣ слѣдить,
И помѣшать имъ!

ХОХЛИКЪ.

Дьяволъ помѣшаетъ

Любовникамъ.

ГОПЛАНА.

Ну, Искорка, замкни
Ты Хохлика въ лягушечей скорлупкѣ,
И въ озеро пусти, какъ въ малой шлюпкѣ.

ХОХЛИКЪ.

О, пани, лучше ты меня убей!

ГОПЛАНА.

Убить нельзя мнѣ, покарать могу я.

ИСКОРКА.

Иди, панъ Хохликъ, лодку строй себѣ.

(Хохликъ, искривляясь какъ упрямое дитяtko, уходитъ за
Искоркой).

ГОПЛАНА (одна).

Такъ ночью видѣлъ, видѣлъ онъ ее;
Проклятье! былъ онъ съ нею, льнулъ къ осинѣ!
Пусть мѣсяць, имъ свѣтившій, гибнетъ въ тинѣ!
Пусть звѣзды гасятъ золото свое!
Пусть ангельской дороги всѣ ступени
Разсыпятся, пусть ихъ покроетъ мгла!
Ужасно! Былъ онъ тамъ? Вопь въ этой тѣни?
О, если-бъ эта дѣва продала
Единый взглядъ мнѣ за алмазы нинѣ!
Какъ покарать его? Вотъ отыщу
Местъ страшную: его я превращу
Въ извившійся вьюнокъ, лазурно-синий,
И на смерть удушю узломъ цвѣтовъ...
Пѣть, изъ вѣнка такого онъ, спокойный,
Живъ выйдетъ, а она безъ дальнихъ словъ
Омлѣетъ, сражена любовью знойной.
Какъ покарать его?.. Пусть онъ корою
Одѣнется, плакучей станетъ нвой,
Къ водѣ пусть склонитъ каждый листикъ свой,
И плачетъ такъ, виновный и стыдливый...
Любимый мой, когда я такъ тебя
Увижу въ этой горести тягучей,
Я буду плакать, ахъ, тебя любя,
При видѣ плача вербы той плакучей.
(Искорка возвращается).

ИСКОРКА.

Онъ въ раковинѣ замкнуть, по волнамъ
Онъ скачетъ, и на озеро вѣзжастъ
Въ повозкѣ упокойницы лягушки.

ГОПЛАНА.

Сорви въ лозѣ мнѣ розгу.

(Искорка подаетъ Гопланѣ прутикъ).

Пробудись!

Проснись, любимый! Для чего, скажи мнѣ...?

ГРАБЕЦЪ (сонный).

Сплю... ибо пьянъ.

ГОПЛАНА.

Скажи мнѣ, для чего ты,
Какъ пѣсенкой влюбленный соловей...?

ГРАБЕЦЪ (вполуснѣ).

Дай боровикъ замѣсто мнѣ подушки...
Не дашь, такъ въ прудъ, ты, рыба, обезьяна.

ГОПЛАНА.

Такъ узнай же власть Гопланы,
Въ землю влажную войди,
Въ листъ одѣнься, какъ въ туманы,
Вербой сѣрой выходи,
И покройся весь корою,
И плакучей плачь листовою.
(Грабецъ тонетъ въ землѣ, на томъ мѣстѣ вырастаетъ
верба).

Рости, плакучая, рости,
Пусть каждый листикъ твой застонетъ,
Какъ птишка малая въ пути,

Летя, тебя тихонько тронетъ,
И плачь, когда, журча, ручей
Подроется волной своей,
Иль вѣтерокъ промчится, вѣя,
Листики по лѣсу разнесетъ.
Скорѣе, Искорка, скорѣе,
Пусть соловейчикъ здѣсь поетъ,
Пусть пѣньемъ вербу онъ помучитъ,
И плакать и любить научитъ;
Но ни одинъ вороній клювъ
Пусть здѣсь не каркаетъ,—пусть стая
Воронъ, по небу пролетая,
Летитъ—сюда не заглянувъ:
Она—не мертвая, живая.

И С К О Р К А.

О, какъ листки красиво протянула,
И кланяется небу и цвѣтамъ,
Изъ человѣка ива разрослася,
Красивѣе, чѣмъ былъ тотъ человѣкъ.

Г О П Л А Н А.

Пускай теперь дружочекъ Баллады
Пождетъ ее, пускай вѣтвистымъ окомъ
Изъ-подъ древесныхъ вѣкъ глядитъ на дѣву...

И С К О Р К А.

Сюда идутъ, я вижу, двѣ дѣвчины,
Изъ глины чрный жбанъ на головѣ
У каждой; за малиной въ лѣсъ приходятъ.

Г О П Л А Н А.

Укроемся среди густыхъ вѣтвей.

(Гоплана и Искорка укрываются.—Алина входитъ съ кувшиномъ на головѣ).

А Л И Н А.

Ахъ, сколько здѣсь малины—словно розы!
И хрустальемъ на ягодахъ роса
Жемчужная. Такіе у Кирьора
Коралловыя губы—какъ малина...
Фіалочки, вздыхаете напрасно,
Нѣтъ времени фіалки мнѣ срывать,
А то сестричка наберетъ малины
Жбанъ полный, и воротится изъ лѣса,
Чтобъ мужа взять; а я останусь въ дѣвахъ
Съ фіалками... Хотя бы золотыми
Вы розами, фіалочки, здѣсь были,
Хочу малины.

(Поетъ, собирая малину).

Милый, милый, мой любимый,
Золотой великій панъ!
Золотому, дорогому
Я несу малины жбанъ.
Ибо хочетъ мой единый
Полный, полный жбанъ малины,
Ярче всѣхъ полянъ. Охъ!
Ярче всѣхъ полянъ.

(Уходитъ въ лѣсъ.—Входитъ Балладина съ кувшиномъ на головѣ).

Балладина.

Какъ мало здѣсь малины! но какъ кровь,
Красна она.—Какъ мало! Что-жь мнѣ дѣлать?
Куда пойду?.. Не вѣдаю... А небо
Огнемъ все распалилося, какъ кровь...
Зачѣмъ ты, солнце, всходишь такъ кроваво?
Ужь лучше-бъ ночь и тѣма, чѣмъ это утро...
А гдѣ моя сестра?.. должна была
Пойти направо, и кувшинъ малиной
Навѣрно ужъ наполнила она,
А я—какъ бы безумная средь ягодъ
Хожу съ своимъ отчаяньемъ какимъ-то,
И слезы потопляю я въ росѣ.

Алина (изъ глубины лѣса).

Сестричка! а сестричка дорогая!
Гдѣ ты?..

Балладина.

Алина кличетъ, въ зовѣ смѣхъ.
Должно быть, полный жбанъ уже набрала.
(Входитъ Алина).

Алина.

Ну что-жь, сестричка?

Балладина.

Что?

Алина.

Кувшинъ твой полонъ?

Балладина.

Нѣтъ.

Алина.

Что же здѣсь ты дѣлала, сестрица?

Балладина.

Я? Ничего.

Алина.

Ахъ, цвѣтикъ мой, какъ дурно!
А мой ужъ полонъ, ягоды одной
Лишь не хватаетъ.

Балладина.

У меня возьми.

Алина.

Ахъ, милая! Сестричка, Расскажи мнѣ,
Гдѣ-жь ты была? Вѣдь вмѣстѣ вышли мы,
Довольно было времени; сестрица,
Я лѣса не украла у тебя.
А почему съ лицомъ такимъ ты бѣлымъ?
Со сжатыми губами...

Балладина.

Вылѣзаетъ

Изъ жбана у тебя твоя малина,
Какъ змѣи эти ягоды, кусаютъ
Меня своими жалами упрековъ..
Иди, и пани будь; сестра какъ воль
Въ плугъ запряжется, изъ сѣмянъ колючихъ

И изъ противныхъ маковыхъ головокъ
Давить въ крестьянской хатѣ масло будетъ.

Алина.

Стыдись, сестра! прошу тебя, не надо
Болезть такъ изъ-за счастья моего.

Балладина.

Ха! Ха!

Алина.

Что значитъ этотъ смѣхъ ужасный?
Сестра, ты захворала? Если ты
Въ отчаяньи больномъ, такъ Расскажи мнѣ...
Но ты Киркора любишь? Очень любишь?
Сестричка, Расскажи мнѣ откровенно.
Есть рыцари иные, знаешь, рыба,
Какъ буду пани, я тебѣ супруга
Найду...

Балладина.

Ты будешь пани? Ты! ты! ты!

(Достаётъ ножъ).

Алина.

Что значитъ, Балладина, этотъ ножъ?

Балладина.

Пожь этотъ? Онъ отъ змѣя, что въ малинѣ.

Алина.

Сестра, ты такъ блѣдна, ты посинѣла,
Моя калинка, что же, что съ тобой,

Что такъ блѣдна ты? Какъ ужасно это!
Промолви хоть словечко. Сидемъ обѣ,
И искренно поговоримъ другъ съ другомъ,
Такъ напрямки, вѣдь мы же двѣ сестрички.

(Садится на траву).

Киркора я люблю, ахъ, не затѣмъ,
Что онъ богатъ, что онъ великій рыцарь,
Что господинъ онъ знатнаго двора,
Что у него карета золотая,
Одежды золотыя; все-жъ мнѣ мило,
Что въ золотѣ онъ ходитъ, что имѣетъ
Онъ свѣтлый мечъ, и много-много слугъ;
Вѣдь это рыцарь прямо какъ изъ сказки,
Приходитъ королевичъ и находитъ
Заклятую царевну тутъ въ лѣсу...

Балладина (встаетъ въ смятении).

Охъ!..

Алина (вставая).

Милая, скажи мнѣ, что съ тобой?

Балладина (съ возрастающимъ
смятениемъ).

Когда-бъ тебя, сестра, убила я?..

Алина.

Что говоришь ты?..

Балладина.

Дай малину мнѣ.

Алина.

Кто знаетъ, если-бъ ты да попросила
Въ уста поцѣловала бы Алину,
Быть можетъ, я дала бы?.. Балладинка,
Попробуй...

Балладина.

Что? Просить?..

Алина.

А то прощайся
Съ малинкой.

Балладина (подступая).

Что?..

Алина.

Вѣдь видишь что, сестра,
Тотъ жбанчикъ—счастье, мужъ мой, мой любовникъ,
Златые сны и свадебный вѣнокъ,
И все мое...

Балладина (съ бѣшенствомъ на-
ступаая).

Отдай мнѣ этотъ жбанчикъ!

Алина.

Сестра!..

Балладина.

Отдай! Не то...

Алина (дѣтки поддразнивая).

Не то... Что жъ будетъ?

Малины нѣтъ, такъ жолудей сухихъ
Набрать ты можешь, или листьевъ ивы?

И такъ... скорѣй я бѣгаю, чѣмъ ты,
И отъ тебя я убѣгу межою...

Балладина.

Ты?

Алина.

Ужъ конечно въ летѣ я тебя,
Сестричка, упрежу.

Балладина.

Ты?

Алина.

Какъ ты смотришь!
Сестра, не приближайся, взглядъ твой страшень.
Не знаю, что... но я тебя боюсь.

Балладина (приближается и бе-
ретъ ее за руку).

И я боюсь... Лягъ на-земь. Лягъ же! А!

(Убиваетъ).

Алина.

Пусти меня, пусти!.. охъ!.. умираю...

(Падаеть).

Балладина.

О, что рука моя здѣсь совершила?

Голосъ изъ вѣрвы.

Марія, Исусъ!

Балладина (пораженная).

Кто? Кто-то крикнулъ?..

Не я ль сама молилась за себя?
Змѣя, змѣя, и женщина, сестра,
Нѣтъ, не сестра. Кровь вижу я повсюду,
Пятно вотъ здѣсь, и здѣсь, и здѣсь!

(Показывая на лобъ, пятасть его пальцемъ).

И здѣсь!

За жбанъ малины кто жь убьетъ сестру?
Коли меня изъ бора кто такъ спросить,
Отвѣчу: Я! Солгать мнѣ невозможно,
Отвѣчу: Я!—Какъ я? Еще вчера
Могла бы присягнуть, что нѣтъ... Въ дорогу!
Въ лѣсъ! Въ лѣсъ? Бѣгу! Вчерашнее пусть сердце
Помолится, моляся за тебя.

Ахъ, я вчера вѣдь вовсе не молилась.
Какъ дурно, дурно! А теперь ужь поздно.
Есть въ небѣ Богъ... забуду, что Онъ есть,
И буду жить, какъ будто бы нѣтъ Бога.
(Убѣгаетъ въ лѣсъ.—Входятъ Искорка и Гоплана.—Алина
лежитъ убитая).

Гоплана.

Ахъ! ужасы... Вотъ, люди такъ другъ друга
Ножами рѣжутъ. Что тутъ, я не знаю,
Должна людская дѣлать расторопность?
Мы, духи, вѣдь не вѣдаемъ тѣхъ зелій,
Которыми врачуютъ пораненья;
А можетъ быть, она еще жива,
Вся теплая; отшельникъ собиралъ здѣсь

Въ лѣсу травинки; если бы о ней
Имѣлъ онъ попеченье, ожила бы
Павѣрно... Ахъ, мой Искорка, скорѣе!
Отшельника сюда ты проводи.

(Искорка убѣгаетъ).

Вы, терніи и острые шипы,
Коли падеть убійца на колѣни,
Такъ будьте подъ колѣнами ея.
Пускай летить, стегаемая вѣтромъ,
Поражена журчаніемъ ручья,
Который, какъ сестра, тихонько плачетъ...

(Смотрить въ лѣсъ).

Я вижу пастуха; себя зоветъ онъ
Скитальцемъ, что изъ края счастья изгнанъ,
Напрасно въ мірѣ онъ искалъ любимой...
Теперь уже влюбляется въ цвѣты,
И въ звѣзды ночи, въ солнце, въ золотую
Звѣзду утра... пусть тѣло это зреть.

(Уходитъ въ лѣсъ).

(Входитъ Филонъ, смотря на небо).

Филонъ (съ восторженностью).

Зачѣмъ мнѣ свѣтишь ты, жена Титана?
Былъ розовымъ твой ликъ, теперь сталъ бѣлымъ.
Зачѣмъ мнѣ свѣтишь, Фебъ? Ты до утра
Любя Оетиду, у нея на лонѣ
Въ любви кончался; а теперь пускаешь
Коней свирѣпыхъ, и съ одеждъ сребристыхъ,
Счастливымъ, Фебъ, роняешь ты росу...
Тамъ блѣдная Діана, увидавши

Чело твое съ кудрями золотыми,
Скрывается передь Эндимиономъ
Въ лазури, въ сердце самое твоими
Златистыми лучами пронзена...
Любовь—то свѣтъ, то небо, жизнь сама!
А я—я не любилъ! Бѣда, бѣда мнѣ!

(Замѣчаетъ тѣло Адины).

А это что за божество! Какъ мраморъ,
Она блѣдна. Мертва?.. О, Боже, Боже,
Похожа на бессмертную богиню,
И вотъ мертва.—И верба здѣсь надъ ней
Такъ плачетъ. А моя душа, въ которой
Чувствительность такая для мечтаній,
Слезъ не имѣть? Слезъ моихъ родникъ
Изякъ въ моихъ скитаніяхъ пустынныхъ!..
Какая стройность дивная! Вчера
Она еще была полна движенья
И чувствъ. И шель къ ней свадебный вѣнокъ.
И какъ могла любить!.. А пынче... нынче,
Обманчивая смерть подкралась къ ней,
И жизнь порвала, а очарованье
Посмертное на пагубу мою
Возникло здѣсь... О, ангель мой! О, смерти
Любовница! Своей рукою бѣлой
Какъ нѣжно чернѣйшій жбанчикъ ухватила...
Оттуда высыпается малина,
А изъ груди, нѣжнѣй, чѣмъ алебастръ,
Другой ручей румяный вытекаетъ,
Красивѣй въ краскѣ, чѣмъ малины кровь.
Убийца твой двойко будетъ мучимъ,

Двѣ совѣсти возстануть на него
За эти два кровавые потока...
Нѣтъ, звѣрь лѣсной тебя убилъ, должно быть,
Не могъ бы человекъ.—О, Боже, вотъ,
Тутъ ржавый ножъ,—такъ человекъ убійца!..
Ахъ, въ небо скрыться отъ людей подобныхъ!
Спи, милая, мой поцѣлуй тебя
Не можетъ разбудить... мнѣ жъ смерть въ немъ
будетъ.

(Цѣлуетъ уста умершей, и подноситъ ножъ. — Прибѣгаетъ
отшельникъ).

Отшельникъ.

Стой, стой, убійца!—Въ грудь желѣзомъ мѣтить!

Филонъ.

Взглянь, отче, на нее. Нашелъ себя я
Возлюбленную... только не жива.

Отшельникъ.

О, чей же мечъ цвѣты такіе ранить?
Кто здѣсь пустыню кровію пятнаетъ?
Король Попель пришелъ сюда, должно быть,
И лиліи лѣсныя запятналъ?

Филонъ.

Слезами кровь омою...

Отшельникъ.

Слезъ стыдись!

Филонъ.

Ахъ, умерла она... Смотри, смотри здѣсь...
Цвѣтокъ небесный—это смерти знакъ
На бѣломъ лонѣ... Звѣздочка могилы...

Отшельникъ.

Ты молодой и сильный, подними-ка
Умершую и на плечи возьми;
Тебѣ нести я помогу. А въ кельѣ
Есть зелья у меня...

Филонъ.

Крѣпишь надеждой
Ты душу обомлѣваю; ты руку
Дашь душѣ несчастной, что ложилась
Ужъ въ скорбный гробъ... позволь мнѣ, я сломлю
На этой ивѣ вѣтку, подъ которой
Убитая упала... Здѣсь увидѣлъ,
Здѣсь полюбилъ ее—здѣсь потерялъ,
Предъ тѣмъ, какъ полюбилъ... Ахъ, въ прош-
ломъ міра
Утраченное счастье; кладъ нашель я,
Богаче же не сталь...

(Ломаетъ вѣтку на ивѣ).

Голосъ изъ ивы.

Не тронь, я пьянъ...

Филонъ.

Тутъ ива говорить...

Отшельникъ.

Въ лѣсу есть бѣсы,
Я знаю ихъ; не разъ они стучали
Мнѣ въ келью...

Филонъ.

Въ лѣсѣ ангелы, но только
Умершіе...

Отшельникъ.

Ну, ангела неси...

(Филонъ беретъ на плечи тѣло Алины, и уходитъ за от-
шельникомъ.—Гоплана и Искорка выходятъ изъ чащи).

Гоплана (указывая на иву).

О, люди, о, проклятые! Какъ смѣли
Сорвать они на этой ивѣ вѣтку?
Онъ долженъ былъ страдать?

Искорка.

Ахъ, что-то тутъ
Изъ раны льется, горькое на вкусъ...
Должно быть, это та вода, что люди
Огнемъ горючимъ изъ ишеничныхъ зеренъ
Вымучиваютъ, чтобы пить потомъ...

Гоплана.

Слеза, что потерялась... Ахъ, о каждой
Слезинкѣ брилліантовой жалью,
Коль пролилась она не для меня.
Ты завтра будешь вольнымъ, мой любимый;
Преступную ты будешь упрелять,

Что отъ утра терзала до другого...
Скорбѣй укройся, Искорка,—смотри,
Безумная, подходит Балладина,
Распущенные волосы, лицо же
Такъ блѣдно, блѣдно, синее совсѣмъ.
Лицо закрывши, сяду я подъ ивой;
И стану, какъ сестра, съ ней говорить...
И буду грызть безумную, грызть буду...
(Искорка уходитъ).

Балладина (вбѣгаетъ на сцену
обезумѣвшая).

За мною вѣтеръ гонится сердито,
Кричить: Убита, да, она убита.
Деревья вторять: Гдѣ сестра твоя?
Омыть съ руки пятно хотѣла я,
Склонилась къ посинѣвшему ручью...
Гдѣ я? Подъ вербой плачущей стою...
Та самая, гдѣ я... Сестра моя!

Гоплана.

Сестра!

Балладина.

Ужасный возгласъ слышу я!
Трупъ... трупъ... киваетъ мнѣ... рукой манить...
Холодный ужасъ сердце леденить,
Всталъ дыбомъ волосъ... Ноги какъ въ цѣпяхъ...

Гоплана.

Не чувствуешь ли въ смутныхъ ты мечтахъ,
Сестра, что совершила ты здѣсь злое?
И если бы сестра жила...

Балладина.

Жила?

Гоплана.

Свершила бѣ вновь убійство роковое?

Балладина (ища около себя).

Ахъ, гдѣ жъ мой ножъ? Иль ты его взяла?

Гоплана.

Коротокъ былъ твой ножъ, сестра.

Балладина.

Причина

Тутъ не во мнѣ.

Гоплана.

А ежели Алина

Тебя, сестра, простить, и скажетъ такъ:
Мнѣ сонъ послалъ какой-то странный знакъ;
Сестричка, снилось мнѣ, что къ намъ до хаты,
Предъ тѣмъ какъ въ лѣсъ со свѣчкою ушла ты,
Пріѣхалъ рыцарь; онъ вампиромъ былъ,
И двухъ сестеръ безумно полюбилъ;
Онъ въ лѣсъ послалъ обѣихъ за малиной,
Такъ снилось мнѣ, пошла я съ Балладиной,
И тамъ, въ тѣни, она меня ножомъ...
Проснулась я... Къ ворожеѣ пойдѣмъ!

Балладина (задумавшись).

То сонъ... ахъ, правда... такъ вѣдь и со мной...
Мнѣ кажется, сестра...

Гоплана.

Сонъ, сонъ пустой...

Балладина.

Сонъ...

Гоплана.

Только мать насъ побранить за то,
Что мы въ лѣсу...

Балладина.

А рыцарь...

Гоплана.

Сонъ, ничто...

Балладина.

Не можетъ быть... Ужасно! Онъ какъ сонъ
Исчезъ, и нѣтъ его!

Гоплана.

Но я живая...

Балладина.

Чтобъ умереть тебѣ! Сонъ только онъ?
Ужъ въ смерть твою всѣмъ разумомъ вошла я.
Отерла бь скоро кровь съ руки моей...
Была бь счастливой.

Гоплана (открывая лицо).

Дьяволъ, будь же ей!

Твоя сестра мертва.

Балладина.

Великій Боже!

Кто ты?

Гоплана.

Смотри, пузырь изъ хрустала,
Который вихри выдувають,
Волной лазурной шевеля,
И красками цвѣтовъ ликъ утра одѣвають.—
Но будь спокойна,—тайнъ твоихъ,—
Не разглашу я міру ихъ.
Будь слитой такъ игрой назначенья
Съ рукою рыцаря, съ рукою преступленья,
Тебя супругъ твой, рыцарь, ждетъ,
А преступленіе и дальше уведетъ.
Въ сокрытой мукѣ сохни вѣчно,
И въ каждой ягодѣ малины видь врага.
Токъ мысли вьется безконечно
И заливаеъ берега.
Тебя здѣсь видѣли. Чу, верба
Поетъ дрожаніемъ листка.
Жди отъ всего себѣ ущерба.
Страшись деревъ! Страшись цвѣтка!
До обрученья, въ обрученіи
На бѣлыхъ лиліяхъ—пятно,
На бѣлыхъ розахъ, въ ихъ свѣченіи,
Пятно кроваво зажжено.
Иди... возьми тотъ жбанчикъ черный...
Тебя губить не стану я.
Природа вся, за грѣхъ позорный,

Врагиня злѣйшая твоя.

Иди.

(Балладина беретъ изъ рукъ Гопланы кувшинчикъ Алины и молча уходитъ).

Она ушла, и смоешь кровь съ одежды,
Но красное пятно на лбу ея горитъ;
Я не сказала ей, смыть это—нѣтъ надежды,
Пятно на лбу своемъ до смерти сохранить.
А я пойду скользнуть средь волнъ, въ хрустальномъ
плескѣ,

И въ озерную гладь я брошу темный видъ,
Лишь преступленія... А послѣ, въ лунномъ блескѣ,
Вернусь послушать я, какъ ива та шумитъ.
(Уходитъ).

СЦЕНА 2-я.

Крыльцо передъ хатой вдовы, отбѣенное липами.—Вдова и
Киркорь сидятъ на лавкѣ.

Киркорь.

Не видно ихъ...

Вдова.

Вернутся, панъ, вернутся
Одна послѣдъ другой, какъ два гусенка,
Два бѣлые гусенка, другъ за другомъ.
Ахъ, слезы у меня изъ старыхъ глазъ
Польются, какъ увижу ихъ, на славу
Христу...

Киркорь.

Какая жь первая придетъ?
Иль Балладина?

Вдова.

Вѣрно, Балладина.

Она и въ храмѣ первая и всюду...
Съ органомъ, начинаеть пѣснь свою.
Алина также первая.

Киркорь.

Такъ можетъ,

Воротится Алина?

Вдова.

Можетъ быть.

То Богу вѣдать.

Киркорь.

Старая, ты знаешь,

Тревожусь о твоихъ я дочеряхъ.

Вдова.

А собственно и я... Какъ будто призракъ
Какой-то влѣзъ мнѣ въ голову... Хотя
Никто не помнитъ, чтобъ когда малины
Весной да не случилось... А когда бы
Вдругъ не было малины... я вчера
Такъ думала, какъ будто сонъ мнѣ снился,—
Вдругъ нѣтъ малины въ борѣ?—а потомъ я
Себѣ твержу: Ты глупая—какъ можно,
При ясляхъ конь, и если нѣтъ овса,
Такъ сѣно ѣсть, и ежели дѣвчины
Малины не найдутъ, есть земляника.
Вамъ, королямъ, знать, въ замкахъ не видать,
Что тамъ малина есть, что земляника,

Что сѣно, что солома, что дупло,
А что пчелиный улей. Вамъ вѣдь только
Все золото, да золото, да, злато.

Киркорь.

Не думай такъ—повѣрь, что огорченья
Терзаютъ насъ, и въ замкахъ знаемъ мы
Лихіе дни. Сто разъ я, мать, хотѣлъ бы
Знать тихую твою такую жизнь.
Какъ на такомъ крыльцѣ мнѣ было бѣ мило
Ждать сельскую любимую жену!
Какъ вѣтеръ утра сердце овѣваетъ,
И ты добра, хоть грубый твой уборъ.

Вдова.

Мой праздничный уборъ—прошу покорно!
Вѣдь выбойка! лишъ въ праздникъ и пошу
Такія одѣянья... Балладина
Сюда идетъ.

Киркорь.

Гдѣ, гдѣ?

Вдова.

Да не видать.
Но матери-то вѣдомо; вотъ, пане,
Смотри,—ты видишь, ласточка, намѣсто
Того, чтобы летѣть, сидитъ тихонько
И подъ соломою кроется... Когда бы
Алина шла изъ лѣса, ты бы, пане мой,
Услышалъ шумъ на балкахъ, щebetанье,

И другъ за другомъ... пррр... летать изъ гнѣздъ,
Къ той дѣвушкѣ, и кружатся надъ нею,
Какъ будто тучка малыхъ черныхъ звѣздокъ
Надъ звѣздочкою бѣлой...

Киркорь.

Почему же

Такъ къ младшей птички ластятся?

Вдова.

Кто знаетъ?

Вонъ видишь, Балладина?

Киркорь.

Какъ идетъ къ ней

Кувшинчикъ черный тотъ на головѣ!

(Балладина входитъ съ опущенной головой).

Дѣвица, дай кувшинчикъ свой, а я
Свой перстенецъ тебѣ отдамъ взамѣну.

Береть кувшинчикъ. Балладина отворачиваетъ голову. Кир-
корь надѣваетъ на ея палецъ перстенецъ).

Вдова.

Какъ свѣтятъ бриллиантики!

Киркорь.

О, если бѣ

Жизнь сладкимъ раемъ намъ была обонмъ!
По старому обычаю, иди
Въ покой къ себѣ, пусть сватки заплетаютъ
Твою косу, пусть свѣжіе цвѣточки

Въ нее вилетуть, а черезъ часть, вѣнчанной,
Дрожащей, я, возьму тебя изъ рукъ
Твоей родимой, и женой мнѣ будешь.
Карета ждетъ, за ксендзомъ я поѣду.
(Киркоръ уходитъ).

Балладина.

Охъ!

Вдова.

Что жъ вздыхаешь? Почему сжимаешь
Какъ бы съ печалью блѣдныя уста?

Балладина.

Какъ рассказать, мать милая, не знаю!

Вдова.

Что, милая, что, дочка? Или ты
Какъ серночка, ужъ убѣжать хотѣла бѣ
Отъ самыхъ отъ дверей опочивальни?

Балладина,

О зломъ тебѣ должна я рассказать...

Вдова.

Что? Говори.

Балладина,

Ахъ, право не повѣришь.

Алина.—Ахъ, та младшая сестра,
Любимая такая!—Ахъ, какъ жалко!

Вдова.

Что жъ, дочка?

Балладина.

Баловала ты ее,
Твоя вина, что вотъ теперь...

Вдова.

Скорѣй же,

А то умру.

Балладина.

Боюсь я говорить.
Любовь слѣпа, и матери любовь.
Но кто бѣ сказалъ, что молодая лань
Вдругъ убѣжить...

Вдова.

Алина... дочь?

Балладина.

Сбѣжала...

Вдова.

Куда? и какъ? и съ кѣмъ? О, Боже, Боже!
Отъ матери родимой отреклась.

Балладина.

Предвидѣла давно, что такъ случится:
Молокососъ оборванный какой-то
Вездѣ ходилъ за этою дѣвчиной,
И на ухо ей что-то все шепталъ.
Я говорила. Знаешь, какъ она
Слова сестры въ серьезъ не принимала.
И нынче убѣжала съ нимъ.

Вдова.

Уродь!

О, выродокъ! Иди же съ нимъ до пекла.
О старыхъ тѣхъ глазахъ не разсудила,
Что будутъ плакать—хорошо, не будутъ,
О, нѣтъ, не будутъ плакать о тебѣ.
Змѣиный плодъ у матери на мѣстѣ
Живого сердца, можно разрѣзать,
Куски змѣи разрѣзанной слетутся,
Какъ полотна кусокъ... Хотѣла бь я
Ее ругать... И проклинать... И мучить...
Ты знаешь, эти очи—какъ ножи.
Вотъ такъ, влѣпила бь прямо я ей въ сердце;
Да, какъ ножи... но только безъ слезы,
Которая смотрѣтъ мнѣ возбраняеть.
Безумной, можетъ, ты меня видала,
Но чтобы плакать, плакать... Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!
(Плачетъ съ рыданіями).

Балладина.

Такъ запечалить! Господи, мой Боже!

Вдова.

Такъ запечалить!

Балладина.

Мать свою, старуху!

Вдова.

О, Боже мой, и старую такую...
Но можетъ быть воротится она.

Кто вѣдасть! Неправда? Можетъ быть,
Воротится? Какъ сядетъ такъ одна
При свѣчкѣ ночью, и придетъ на мысль ей:
Гдѣ мать теперь? Вѣдь сердца бь не имѣла,
Коль никогда бь не думала о ней...

Балладина.

Тамъ дружки...

(Слышна свадебная музыка).

Вдова.

Какъ они играютъ грустно
И весело. Ты весь мой кладъ теперь—
Дай лобъ мнѣ, поцѣлую... Что такое?
Червонное пятно, какъ будто кровь?

Балладина (пораженная).

Кровь?

Вдова.

Это, можетъ, только отъ малины...
Дай... я сотру...

Балладина (стирая).

Мать... я сотру сама.

Вдова.

Есть, есть еще.

Балладина.

Теперь?

Вдова.

Какъ тотъ рубинъ,
Что въ перстенькѣ твоемъ такъ ало свѣтитъ.

БАЛЛАДИНА (снова стараясь стертеть).

На, а теперь?

ВДОВА.

Еще, какъ на сушильнѣ,
Гдѣ сушатъ хмѣль, листокъ червонный.

БАЛЛАДИНА.

О!

Ужасно это! Какъ это ужасно!

ВДОВА.

Дай только лобъ мнѣ, живо я сотру.

(Привстаетъ на цыпочки).

БАЛЛАДИНА.

Не трогай, мать, пятно.

ВДОВА.

Болишь?

БАЛЛАДИНА.

Нѣтъ, нѣтъ,

Не больно.

ВДОВА.

Принесу-ка я воды
Цѣлебной, изъ-подъ тополя, гдѣ утромъ
Пьютъ воробьи.

(Вдова уходитъ).

БАЛЛАДИНА.

Пятно, пятно, исчезни!

(Входятъ сваты и дружки, разодѣтые, съ музыкой, приближаются къ Балладинѣ, та отворачиваетъ лицо).

СВАТЫ (поютъ).

Не отвращай чела, стыдливая дѣвчина;
Ждетъ мужъ, ты будь свѣтла, о, юная калина.
Не отвращай чела...

ДѢВУШКИ (поютъ).

Сваты дѣву отнимають,
Пусть цвѣты обороняють
Твоего вѣнка...

СВАТЫ (поютъ).

Обороны нѣтъ въ цвѣточкахъ,
Нѣтъ, въ ихъ бѣлыхъ лепесточкахъ,
Отъ дружка.

(Дѣвушки подають Балладинѣ корзину съ цвѣтами).

БАЛЛАДИНА.

Прочь! прочь!—Откуда бѣлыя тѣ розы
Съ пятномъ червоннымъ въ каждой розѣ? Прочь!
Корзину уберите!

(Балладина убѣгаетъ въ хату).

Одна изъ дѣвушекъ.

Отъ цвѣтовъ,

Что ей, ея подруга, принесла я,
Такъ отеклась!

Первый изъ юношей.

Смотрите, пыль столбомъ,
И золотая ѣдетъ тамъ карета,
Киркорь въ ней съ ксендозомъ.

Второй изъ юношей.

Передъ той каретой
И солнце даже кажется какъ мѣдь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА 1-я.

Домъ вдовы, догорающій, предъ погорѣлымъ мѣстомъ кучка
сельскаго люда.

Первая женщина.

Вотъ видите, какъ дьяволы приносятъ,—
Кому замыслить,—счастье. Та вдова
Какъ нищенка жила, а уѣзжая
Съ невѣстою въ каретѣ золотой,
Съ колесъ насъ, бѣдныхъ, грязью забросала.

Вторая женщина.

Да, горько это: что изъ рукъ скользнуло,
Другимъ досталось.

Старикъ.

А вотъ я скажу вамъ,—
Почтенная старушка то была,
Самъ нашъ отецъ Адамъ въ раю—и тотъ бы

Могъ взять ее женой, вѣрнѣй была бы
Она ему, чѣмъ Ева.

Первая женщина.

Безъ зубовъ,
Такъ яблоковъ не ѣла бы.

Старикъ.

А вспомни,
Она лѣчила бѣдныхъ, ты сама,
Что верещишь, любезная, подумай,
Тебя бѣ давно ужъ принялъ Сатана
Въ свой рай, когда бы не старушка эта.

Вторая женщина.

Мой Стасикъ малый тоже ей обязанъ,
Что живъ остался. Я не буду ей
Завидовать, помилуй Богъ, не надо,
Въ возъ—сѣна наложу, и въ замокъ съѣзжу
Старушку навѣстить.

Дѣвушка.

И Балладинѣ
Приятно будетъ дружку увидать.
Съ тобой поѣду, мать.

Вторая женщина.

Какъ хочешь, дѣтка.
Розъ полевыхъ нарви и васильковъ,
Сплети вѣнокъ для пани той.

Старикъ.

Не ѣзди.

Ты видишь тотъ пожаръ!

Вторая женщина.

Такъ что жъ съ того,
Соломой крыта хата, подпалили,
Такъ что жъ съ того?

Старикъ.

Видать, стыдятся хаты,
Соломы, васильковъ, и насъ самихъ.

Первая женщина.

Конечно, я вѣдь тоже говорила,
Надъ бѣднотой смѣются.

Старикъ.

Пусть имъ будетъ
Святой покой.

Дѣвушка.

А панна молодая
Носъ задирала! Видѣли вчера?
На лобъ надѣла черную вдругъ ленту
Взамѣнъ вѣнка: чтобъ непохожей быть...
Въ корзинахъ же пучокъ не бѣлыхъ розъ,
А золотыхъ. Лицо какъ у вампира,
Кровинки не видать. И гордый смѣхъ;
Когда жъ смѣется, и зубовъ не видно.

Вторая женщина.

Пока не село солнце, что жь, поѣдемъ
Мы, дѣвушка, съ тобой къ Киркору въ замокъ.

Вторая дѣвушка.

Не ѣди, о, не ѣди.

Дѣвушка.

Не поѣду.

Вторая женщина.

А я поѣду, только возъ устрою.
Какъ надобно ихъ будетъ величать?

Старикъ.

Пристойно говорить, и все.

Вторая женщина.

Поѣду.

Дѣвушка.

Того и нужно имъ. Они прикажутъ,
Тебѣ кусъ хлѣба вынести на дворъ,
А ты склонись пониже, словно крышка
Надъ сундукомъ; въ окошко нани плюнетъ.—
Графинюшкѣ яичекъ принесла.—
Грабиной быть давно ей полагалось,
Въ мужья взять Грабка пьяницу она
Должна была, не знаете? Ей-Богу!
Совсѣмъ не тайна. Снюхались они.

Гдѣ онъ сидѣлъ? Подивоваться надо,
На свадьбѣ-то вѣдь не было его.

Первая женщина.

Должно, провѣдалъ и пошелъ топиться.

Дѣвушка.

Такому-то легко-ли утонуть?

Первая женщина.

А вотъ идетъ онъ, Грабець, тамъ изъ лѣса,
И окруженъ, какъ надо, дѣтворой,
Какъ будто воробьями черный коршунъ.

(Грабець бросается на сцену, за нимъ толпа дѣтей).

Дѣвушка.

Пусть съ вами онъ болтаетъ; если онъ
Еще не знаетъ ничего о свадьбѣ,
Не говорите, я ему нарву
Гороховый вѣнокъ.

(Уходитъ).

Дѣти.

Нашъ Грабичъ! Грабичъ!
Давайте танцевать! Танцуй же, Грабець!

Грабець.

Прочь, поросята!

Старикъ.

Гдѣ жь ты былъ? Чего ты
Такой понурый?

Грабецъ.
Что? Гдѣ былъ?

Дѣвушки.
Что дѣлалъ?

Грабецъ.
Я росъ.

Дѣвушки.
Что говоришь ты тамъ?

Грабецъ.
Я росъ.
Хотя не я, а ива то росла.

Дѣти.
Онъ росъ, и превращался тамъ въ осла.
Онъ былъ осломъ.

Грабецъ.
Молчите, рой проклятый,
Сдается мнѣ, я листьями шумлю.
Хоть столько бѣ у меня, по крайней мѣрѣ,
Здѣсь было вѣтокъ, сколько тамъ вчера,
Я по плечамъ бы ими отхлесталъ васъ.

Дѣти.
Что тамъ плететь панъ Грабекъ?

Грабецъ (къ старику).
Расскажи мнѣ,
О, старче, развѣ это быть такъ можетъ?

Кора свербитъ еще до сей поры.
Быть вербой?

Старикъ.
Верба вербою быть можетъ,
Грабина—нѣтъ.

Грабецъ.
А я же вербой былъ.

Старикъ.
Что говоришь?

Грабецъ.
Что говорилъ,—все то же.
Чтобъ чортъ васъ превратилъ въ лозу, чтобъ
дьяволь

Васъ дочерями сдѣлалъ вербы той,
И козъ изъ некла выпустилъ на васъ бы.
Я вербой былъ; въ отчаяніи я.

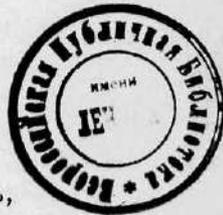
Старикъ.
Тутъ что-нибудь да есть. Въ корчмѣ-то былъ ты?

Грабецъ.
Предъ тѣмъ какъ вербой быть, я былъ въ корчмѣ.

Старикъ.
И пилъ?

Грабецъ.
И пилъ.

Старикъ (смѣясь).
Такъ эта верба, Грабецъ,
Лишь сонъ.

ГРАБЕЦЪ (показывая на погорѣ-
лое мѣсто).

А гдѣ жь та хата?

ДѢВУШКА.

А какая?

ГРАБЕЦЪ.

А та, гдѣ съ дочерьми жила вдова!

ДѢВУШКА.

Стоитъ себѣ.

ГРАБЕЦЪ.

Гдѣ? Я не вижу.

ДѢВУШКА.

Пьянъ ты.

ГРАБЕЦЪ.

Гдѣ?

ДѢВУШКА.

Тутъ.

ГРАБЕЦЪ.

Пускай поить васъ дьяволица
Росою, какъ поила тамъ меня,
Коль есть здѣсь хата.

ДѢВУШКА.

Хата превратилась
Въ твой красный носъ, когда ты превращался
Въ плакучую ту иву.

ГРАБЕЦЪ.

Чтобъ тебя

Треска вѣнчала съ дьяволомъ. А гдѣ же
Она?

ДѢВУШКА.

Кто?

ГРАБЕЦЪ.

Балладина?

ВТОРАЯ ДѢВУШКА (приходитъ съ
гороховымъ вѣн-
комъ).

Превратилась

Въ гороховый, въ гороховый вѣнокъ.

(Бросаетъ на голову Грабку вѣнокъ).

ДѢТИ.

Ха! Ха! Горохъ на вербѣ вмѣсто грушъ.

Ха! Ха! Панъ Грабецъ, Грабецъ, гдѣ гулялъ?

У миленькой твоей явился мужъ,

Тутъ соловейчикъ свадьбу выпѣвалъ.

ДѢВУШКИ.

А Грабецъ вербой былъ.

ДѢТИ.

Онъ въ лѣсѣ росъ.

ДѢВУШКИ.

А женушка въ каретѣ золотистой

Шмыгъ, шмыгъ! Ха! Ха! Грязь брызжетъ отъ
колесъ.

Дѣти.

Женися, Грабещъ, на метль метлистой!
Ха! Ха! Ха! Ха!

Старикъ (беря Грабка за руку).

Пойдемъ-ка до корчмы,
За склянкой меду все скажу подробно.

(Выпроваживаетъ Грабка).

Дѣти (летятъ за Грабкомъ).

Какъ пѣли вмѣстѣ снигирь, воробей,
И балабанъ въ грабинѣ межъ вѣтвей.
Я верба, верба, верба, началъ онъ твердить,
Пу дудки изъ него тогда крутить.
И ушмыгнула милая дѣвчина.
Ха! Ха! Ха! Ха! Ахъ, верба! Ахъ, вербина!

(Дѣти и пѣлая толпа уходить за Грабкомъ).

СЦЕНА 2-я.

Пышная зала въ замкѣ Киркора.—Балладина входитъ, задумавшись, въ богатомъ убранствѣ, съ черной лентой на лбу.

Балладина (одна).

Все у меня ужъ есть... Все, все... Тощерь
Мнѣ нужно наслаждаться... и учиться
Господскимъ смѣхамъ, быть во всемъ какъ люди,
Которымъ съ неба счастье упало
Огромное... Вѣдь столько есть людей,
Что большіе грѣхи здѣсь совершили
И вотъ живутъ. Съ утра меня томить

Зовъ совѣсти, и вечерами мучить,
И ужасаетъ; ночью просыпаюсь
Отъ страшныхъ сновъ... О, если бы не это?
Какъ тихо! Только стѣны повторяютъ:
О, если бы не это...

(Входитъ Киркоръ, вооруженный, съ рыцарствомъ).

Киркоръ.

Молодая

Моя жена, какъ чувствуешь себя ты
Здѣсь въ замкѣ?

Балладина.

Я? Спокойно.

(Входитъ фонъ Костринъ).

Костринъ.

Предъ вратами

Ждутъ рыцари въ вооруженьи полномъ.

Балладина.

Графъ, что такъ рано? Почему въ бронѣ ты?

Киркоръ.

Любимая моя, я уѣзжаю...

Балладина.

Куда?

Киркоръ.

Жена, я свято присягнулъ
Цѣль дѣла сохранять въ полнѣйшей тайнѣ.

Балладина.

Какая я несчастная! Ужели
Ты уѣзжаешь?

Киркорь.

Милая моя,
Не плачь, во имя Бога... А иначе
Не рыцарское эхо ты услышишь,
Слезливый голосъ будетъ отвѣчать.
И не держи любезною усмѣшкой,
А то глаза мои, залиты солнцемъ,
Дороги не найдутъ... Пусть грудь твоя,
Подъята вздохомъ, чары не бросаетъ,
И руки пусть какъ плющъ висятъ увидшій.

Балладина (бросаясь къ нему
на шею).

Куда ты ѣдешь? Мужъ?.. Не отпущу!
Зачѣмъ ты ѣдешь? Иль кому далъ слово?

Киркорь.

Себѣ далъ слово.

Балладина.

Если бъ бросилъ Богъ
Огонь громовый предъ коня подковой;
Твой конь, перуномъ, можетъ, пораженный,
Перуномъ бы примчался въ замокъ вновь.
Надолго отъ жены своей отрекся?

Киркорь.

Вернусь черезъ три дня...

Балладина.

А ты считалъ ли,
Какъ много въ днѣ часовъ, минутокъ въ часѣ?

Киркорь.

Пусть знаетъ человѣкъ, что Богъ ему
Жизнь лишь даетъ взаймы на срокъ короткий;
Что долженъ Богу, пусть отдастъ въ дѣлахъ.

Балладина.

Но долженъ ты женѣ—съ женой остаться...

Киркорь.

Ничто меня не можетъ удержать,
Уѣхать долженъ—дай мнѣ лобъ свой бѣлый.

(Цѣлуетъ ее въ лобъ).

Предъ взорами людей, ты знаешь, вправду
Цѣлуются одними лишь глазами,
А бѣдныя уста, какъ бы касатки
Пугливыя, въ полетѣ торопливомъ,
На бѣленькомъ цвѣткѣ хватаютъ мушку
Медовую, чье имя—поцѣлуй.
Здорова будь, жена... Гдѣ наша мать?
Быть можетъ, спать, привѣтствуй же старушку,
Ждать не могу.

(Отводя ее въ сторону).

Въ казирѣ найдешь ты деньги,
Бери и забавляйся... дай еще мнѣ
Твой бѣлый лобъ... той ленты не люблю я,

Жена, весь лобъ сполна принадлежитъ мнѣ,
Туленту развяжи...

Балладина.

Дала обѣтъ я,

Супругъ.

Киркоръ.

Изъ-за сестры обѣтъ... Такъ, такъ...

Но какъ вернусь, ужь вѣдайся ты съ Богомъ,
А тотъ обѣтъ ты для меня нарушь.

Балладина.

Да...

Киркоръ.

А не то поссорюсь я съ тобою,
Любимая... и это не на шутку.
Здорова будь... Всѣ живо на коней!
Пусть стража въ замкѣ будетъ на дозорѣ.

(Къ Балладинѣ).

Припоминай меня.

(Киркоръ уходитъ, и всѣ, кромѣ Балладины).

Балладина (одна).

Мужъ! Онъ уѣхалъ...

Зачѣмъ? Змѣй угрызенья говорить мнѣ:
Искать Алину мужъ повѣхалъ твой...
Она въ гробу... въ гробу? Коль гробъ найдется?
А если нѣтъ? Онъ усмѣхнулся такъ,
Какъ будто говоря: Вотъ привезу я
Ее тебѣ, и ленту снимешь ты,
Какъ привезу я.

(Входитъ Фоя Костринъ).

Костринъ.

Пани, молитъ графъ,

Чтобъ чрезъ окно улыбку ты послала...

(Балладина встаетъ около окна и усмѣхается).

Мужья, усмѣшку женѣ неся съ собой,
Слезами обливаются.

Балладина (отходя отъ окна).

Поѣхалъ.

(Къ Кострину).

Кто, рыцарь, ты?

Костринъ.

Начальникъ стражи замка.

Балладина.

За вѣрность награжу тебя я щедро.

Костринъ.

Не нужно поощренія тому,
Кто рыцарски тебѣ, графиня, служить...
Мы замокъ будемъ тайно охранять,
Другъ другу оба будемъ мы защитой,
Я—ангелу и свѣтлый ангелъ—мнѣ.

Балладина.

Зовешься какъ?

Костринъ.

Фоя Костринъ.

Балладина.

Не изъ Ляховъ?

Костринъ.

Нѣтъ, изъ князей Нѣмецкихъ родомъ я.

Балладина.

Изгнанникъ?

Костринъ.

Полетѣлъ какъ бѣдный птенчикъ

Изъ подъ горящихъ кровель... нынѣ здѣсь я
Чужой, своей отчизнѣ—неизвѣстный,
Слуга въ чужомъ краю; но да не будетъ
Мнѣ это осужденіемъ, ты тоже
Чужая...

Балладина.

Что?

Костринъ.

Изъ Рая ты пришла.

(Уходить).

Балладина (одна).

Какъ быстро я спозналась черезъ взглядъ
Съ тѣмъ чужеземцемъ. Нѣтъ моей вины тутъ—
Смущеннымъ окомъ я въ толпѣ искала
Кого-нибудь. Я вѣрила, что тутъ
Должна душа быть братская... должна же
Душа съ моей... начать... ну, посмотрѣть...
Пойметъ, такъ перемолвится со мною.
Какъ дивно, что другъ другу люди страшны,
Людей боятся болѣе, чѣмъ Бога.
Съ людьми отважной буду я всегда...

(Входитъ вдова, одѣтая, какъ во второмъ дѣйствіи, въ праздничный парядь).

Вдова.

Дочь милая, да что же это случилось?
Уѣхалъ королевичъ?

Балладина.

Что съ того?

Вдова.

На утро послѣ свадьбы отъ любимой
Своей жены-супружки отказался...
Чѣмъ, можетъ, ты разгнѣвала его?
То было бъ дурно! Какъ же ты спала здѣсь,
Мой голубокъ, сегодня? Говорить вѣдь,
Что нужно помнить сонъ на новомъ ложѣ.
Вотъ мнѣ приснилось, будто бы Алина
Пришла ко мнѣ съ небесъ, какъ будто въ морѣ
Плывя по облакамъ... и мнѣ сказала...

Балладина.

Ты лучше, мать, по четкамъ помолись.

Вдова.

Что жъ, матери ты хочешь на уста
Намордникъ наложить?

Балладина.

Мать, ты старуха,
А замокъ-то не хата, затрудненій
Тутъ множество,—такъ не о снахъ мнѣ слушать...
(Входитъ слуга).

Слуга.

Какая-то тамъ голь стоитъ предъ замкомъ,
И выкликаетъ нагло, чтобъ пустили
Въ ворота ихъ. А стража, алебарды
Сложивъ крестъ-накрестъ, не пускаетъ ихъ.
Та старая мужичка съ своего
Рѣшетчатого воза неумолчно
Кричитъ солдатамъ: Милый мой, скажи
Ты матери самой жены Киркора,
Что, молъ, сюда прѣехала Варвара,
Ея кума, подругу навѣститъ.

Вдова.

Моя кума... что новенькаго скажетъ?

Балладина.

Возъ отослать.

Вдова.

Какъ, Балладина?

Балладина.

Мать,

Тебѣ, быть можетъ, замокъ ужъ противень?
Такъ скатертью дорога, можешь ѣхать
Съ той старой.

Вдова.

Что? Въ той клѣткѣ? Въ этомъ возѣ
Рѣшетчатомъ? Что говоришь ты, Боже?
Дочь?

Балладина.

Это шутки... шутки... Мать, вели
Тотъ возъ отправить.

Вдова (со вздохомъ).

Что жъ теперь, отправьте.—

Скажите имъ, что спить.

Балладина (къ слугѣ).

А коли будутъ

Уирямиться, такъ стража... понимаешь...

Вдова (къ слугѣ).

Тамъ старая,—чтобъ не было бѣды!

(Слуга уходитъ).

А правда, дочь моя, коль принимать,
Такъ хлопотво тутъ посыплетъ, какъ изъ роя.
Пусть любятъ издалека насъ—неправда?
Ты не глупа, у дочерей есть разумъ;
Какъ говорить начнешь, такъ и у князя
Закружится, пожалуй, голова.
Дочурка, прикажи-ка ты мнѣ сдѣлать
Платишко, а на ситцевомъ-то этомъ
Цвѣты ужъ поблѣднѣли,—какъ бы тутъ
Въ мѣха убраться заячи? Дочурка!

Балладина.

Напомни завтра мнѣ объ этомъ, мать,—
А лучше бы на старости тебѣ
Не выходить совсѣмъ изъ теплыхъ комнатъ...

Вдова.

Ахъ, словно въ гробъ—такъ одной сидѣть...
Предъ матерью ты запираешь замокъ?

Нѣтъ, нѣтъ!
Балладина.

Вдова.

Меня вѣдь любить Балладина?
Дочь, правда? А малина какъ скажи,
На лбу твоёмъ? Пятно... Ну, покажи мнѣ...
Болитъ? Ты никогда вѣдь не кудахчешь,
Хоть и болитъ у курки... а болитъ?

Балладина.
Довольно, мать!

Вдова.

Водю не могла
Обмытъ я изъ-подъ тополя... о, дочка...
Какая-то ужасная то рана,
Блѣднѣешь, какъ припомнишь ты о ней...

Балладина.
Зачѣмъ же, мать, ты мнѣ напоминаешь?..

Вдова.

Отъ добраго... отъ добраго я сердца.

Балладина.
Я вѣрю, вѣрю, вѣрю. Мать, теперъ
Иди къ себѣ на башню.

Вдова.

Въ ту норѹ-то?

Балладина.
Ѣсть принесутъ тебѣ... пить принесутъ.

Вдова.
Какъ птенчику, и пить?

Балладина.

Иди же, мать.

Вдова.

Ну, позабавлюсь я съ своей сѣдою
Косой... А только ты слугѣ скажи,
Чтобъ мнѣ принесъ поѣсть... Не забудь же...
(Уходитъ).

Балладина (одна).

Адъ! я мѣшаюсь, трепещу, блѣднѣю...
Когда-нибудь себя предъ мужемъ я
И матерью такъ выдамъ... На погибель
Мою все сговорилось. Какъ скворцы
Ученые, чрезъ силу правосудья
Ужаснаго, не думая о томъ,
Что говорятъ,—такъ говорятъ, какъ будто
Тропинками сокрытыми стремятся
Въ глубь сердца моего. Вопросъ суровый,
Вопросъ судьи, они мнѣ предлагаютъ:
Виновна?.. Мать, и мужъ, сплетеньемъ словъ
Тайственныхъ,—и мать, и мужъ, да, оба.
Мать, мать моя, простолюдинка, нужно
Ее любить.
(На сцену входитъ Костринъ).

Костринъ.

Покой приказалъ я
Богатою парчею все укрыть.

Сегодня въ замкѣ праздникъ послѣ свадьбы...
Во дворъ прѣдутъ рыцари, панѣ,
Твои вассалы...

Балладина.

Нужно будетъ башню...
Тамъ запереть... гдѣ мать моя... больная,
Ей нуженъ отдыхъ.

Костринъ.

Какъ? Уродъ подобный
Поилъ когда-то молокомъ твоимъ
Красивыя уста? Ахъ, нѣтъ... Быть можетъ,
Небесная богиня, что въ лазури
Путь млечный пролила, потокомъ, такъ что
Звѣзда изъ каждой капли бѣлой груди
Явилася,—и нынѣ людямъ свѣтитъ,
Она быть можетъ на снѣжистомъ лонѣ
Баюкала тебя.

Балладина.

Мой рыцарь свѣтлый,
Златыя у тебя уста.

Костринъ.

Ты—сердце
Алмазное скрываешь... Приказалъ я
На побережьи Гола запалить
Столбы огня и бочки смоляныя;
На свадебный огонь слетятся гости.
Такъ, пани, хорошо я поступилъ?

Балладина.

Какъ надлежитъ, такъ дѣлай.

Костринъ.

Башни будутъ
Освѣщены, и избранные только
Здѣсь въ замкѣ будутъ приняты. Сегодня
Какъ разъ простака, безъ памяти, какой-то
Хотѣлъ сюда вломиться, такъ его
Собаками швырнуть я за ворота.
Смѣльчака надъ смѣльчаками, онъ собакамъ
Отлаивался, говоря, что знаетъ
Тебя; въ такихъ устахъ—кошунство это.

Балладина.

Кто бъ это былъ?

Костринъ.

Одинъ изъ тѣхъ, что вѣчно
За хлѣбомъ за господскимъ волочатся,
И штопаютъ свой нищенскій уборъ
Тѣмъ, что они повыщиплютъ изъ пышныхъ
Плащей господскихъ, если панъ какой
Къ себѣ подпуститъ близко проходимцевъ...
Пасть лающая... Ты его не знаешь...
Въ твоихъ устахъ отвѣта быть не можетъ
На имя грубянское,—то Грабець.

Балладина.

Что? Грабець? Хлопства этого повсюду—
Какъ саранчи.

Костринь.

Прости, графиня, имь.

Цвѣтовъ царица—обвинять не будетъ
Мужичекъ улыа, что жужжать надъ ней.
Иль радугой незримою одѣнься
Предъ взорами людей; иль терпѣливо
Сноси, что вотъ мы смотримъ на тебл.

Балладина.

Сынъ княжескій, напрасно говоришь ты
Съ простыми, что на нивѣ деревенской
Взросли... Изъ тысячъ можешь быть ты первымъ,
Умѣй лишь тайну крѣпко сохранить.
(Костринь преклоняетъ колѣно и цѣлуетъ край ея одежды).
Пойдемъ теперь съ тобою въ кладовую
И золота немного зачерпнемъ,
Чтобы гостей принять намъ хорошенько.

Костринь.

Иди за мной, я факель понесу.

(Костринь идетъ впередъ съ факеломъ, Балладина за нимъ—
выходить).

СЦЕНА 3-я.

Лѣсъ передъ хатой отшельника.—Киркорь вооруженный—
Отшельникъ съ короной въ рукѣ.

Отшельникъ.

Киркорь, вотъ золотистая корона.
Съ твоей, быть можетъ, помощью она

Когда-нибудь и возвратится въ Гнѣзно,
Засвѣтится народу не кроваво.

Киркорь.

Какъ золотить ее сіянье солища,
Ты видишь; это, вѣрно, добрый знакъ.

Отшельникъ.

О, Боже, дѣло наше озари ты!..
Одинъ совѣтъ тебѣ я дамъ, Киркорь.
Жену ты молодую взять?

Киркорь.

Спокойный

Уѣду, простоты она полна.

Отшельникъ.

Сейчасъ довѣрье въ женщину влагаю,
Коль нѣтъ въ ней недостатковъ древней Евы,
Провѣрь ее. Пошли своей жепѣ
Вотъ этотъ сундучокъ, съ своей печатью,
И строго накажи, чтобы печать
Нетронутой была, иначе гнѣвъ твой.

(Выносить желѣзный сундучекъ).

Киркорь.

Отлично, такъ да будетъ. Это вотъ
Моя печать: два жолудя златыя
Въ кабаньей пасти. Вѣрный мой слуга,
Иди одинъ.

(Входитъ слуга).

Женѣ вотъ отнеси-ка,
И какъ бы долго ни былъ я въ отлучкѣ,
Не открываешь пусть, такъ я вѣлю.

(Слуга уходитъ).

Она чистосердечная такая.
Ахъ, ты мнѣ счастья показалъ дорогу,
Могу благодарить дѣлами только,
Прощай, мой старче... Королю привѣтъ мой!

Отшельникъ.

На лбу твоёмъ читаю ужъ побѣду.

Киркоръ.

Въ путь, рыцари, скорѣе на коней!
(Киркоръ уходитъ, слышенъ топотъ удаляющихся коней).

Отшельникъ.

Зачѣмъ тотъ рыцарь не родился раньше,
Тому лѣтъ двадцать! Былъ я на престолѣ,
И цѣлый край плодилъ однихъ уродовъ:
Какъ скульпторъ неудачный, что въ камняхъ
Отыскиваетъ лицъ людскихъ, и камни
Похожи на людей, но безъ души...
Иль естество, предъ тѣмъ какъ сотворить,
Мечтаетъ долго—долго о твореньи,
И пробуетъ, и ни творить сначала,
Потомъ людей подобныхъ, какъ Киркоръ.

(Входитъ Филонъ—фантастично одѣтый).

Филонъ.

Гдѣ милая моя, скажи мнѣ, старче?

Отшельникъ.

Не ожила.

Филонъ.

Ахъ, покажи тогда мнѣ,
Гдѣ та могила сердца моего?
Пусть вижу я, какой цвѣтокъ возросъ тамъ
Изъ чаянья посѣяннаго. Вѣрно,
Цвѣтокъ тотъ блѣденъ.

Отшельникъ.

Плакальщица ты!

Чего безъ дѣла по лѣсамъ ты бродишь?
Бѣги вослѣдъ Киркора, и одѣнь
Свои златыя волосы желѣзнымъ
Уборомъ бранно-рыцарскимъ, и смѣло
На чашу, гдѣ лежатъ людскія судьбы,
Брось маковое зернышко своей
Ненужной жизни,—можетъ, перевѣситъ
Судьбу.

Филонъ.

Скажи мнѣ, гдѣ ея могила?

Отшельникъ

Грудь выѣдена глиною суровой,
По бѣлому лицу всползаютъ черви.

Филонъ.

О, нѣтъ, она въ землѣ какъ Нимфа рѣкъ,
Ладонью на кувшинчикъ опершися,
Малиновыя звѣзды проливаетъ,
И бѣлая, но въ розовомъ вѣнкѣ,

Надъ ручейкомъ малинъ она заклѣта...
Не можетъ пробудиться; глазки будутъ
Взростать какъ лепесточки незабудокъ,
Въ могильныя рубиновыя зори
Они глядятъ лазурными звѣздами.
Сияетъ въ гробѣ.

Отшельникъ.

Въ гробѣ столько жъ свѣта,
Какъ и надъ люлькой грезѣ.

Филонъ.

А эта тѣнь,
Тѣнь блѣдная нерѣдко тамъ блуждаетъ,
Гдѣ словно лютни, смутныя березы
Повисли надъ гробами, и когда
Ихъ тронуть соловьи, они тоскуютъ,
И струны ихъ листовъ шумятъ, шумятъ.
Сребристая полынь о ней поплачетъ,
Раскрывшійся задержитъ василекъ;
Какъ дитяtko такъ встанетъ... и вздыхаетъ,
И пухъ отъ одуванчика летитъ.
Заснуло тѣло подъ холоднымъ камнемъ,
А духъ плыветъ на мѣсячныхъ лучахъ,
И лепестки порою обрываетъ
На тѣхъ цвѣтахъ, въ которыхъ счастьемъ счетъ.
Скажи мнѣ, старче, люди вѣдь мечтаютъ
О счастья въ могилахъ?..

Отшельникъ.

А умри,
Тогда узнаешь. Ежели вернешься

Изъ гроба, такъ о тѣхъ мечтахъ расскажешь
Всѣмъ совѣстямъ преступнымъ; а быть можетъ,
На ложѣ будутъ тихо-тихо спать...

Филонъ.

Пойду, въ лѣсу на перекресткѣ стану.
Коль ящерка зеленая какая
Направо побѣжитъ, такъ въ гробѣ грезать...
А ежели натѣво... человекъ—
Ничто; умереть—и ничего не снится...

(Филонъ уходитъ).

Отшельникъ.

О, сколько же различныхъ тоскованій
На этомъ блѣдномъ свѣтѣ—да, земля
Шальная мать шальныхъ—еще кто?
(Быстро вѣбгаетъ Балладина).

Кто ты?

Балладина.

Я пани замка ближняго.

Отшельникъ.

Что хочешь?

Балладина.

Ты знаешь свойства травъ и ихъ цѣлебность,
Я вѣдаю, что раны лѣчишь ты.

Отшельникъ.

Здоровый видъ имѣешь. Покажи мнѣ,
Гдѣ рана.

Балладина.

Старче!

Отшельникъ.

Лѣкаръ долженъ видѣть...

Балладина.

Ты общаешь вылѣчить?

Отшельникъ.

Ты рану

Мнѣ покажи.

Балладина.

Вотъ здѣсь, на лбу. Смотри...

А! что?

Отшельникъ.

Какъ будто мѣсяцъ въ мглистомъ кругѣ
Кровавомъ. Рана иссиня-красна.
Скажи, скажи, какое преступленье
Причиною? Здѣсь страшная вина.

Балладина.

Нѣтъ никакой.

Отшельникъ.

Врачъ долженъ знать предъ тѣмъ
какъ

Онъ вылѣчить.

Балладина.

Лишь красная малина

Лобъ запятнала.

Отшельникъ.

Ты должна сказать мнѣ,
Когда то было?

Балладина.

Я скажу: вчера.

Отшельникъ

И утромъ?

Балладина.

Да.

Отшельникъ.

Дай мнѣ рукой послушать
Бѣнья сердца.—Подъ плакучей ивой
Росла малина? Говори же смѣло;
Я исповѣди отъ тебя хочу.
Была малина эта раньше бѣлой?
Быть можетъ, ты ее зачервенила?
Малину ту, что ранила тебя,
Ты къ сердцу приложи...

(Съ силою отталкиваетъ ее).

Бѣда тебѣ!

Твое же сердце выдало...

Балладина.

Стой, старче!

Отшельникъ.

Сестру свою убила ты.

Балладина.

Нѣтъ—нѣтъ!

Вотъ золото возьми—еще дамъ второе...

Отшельникъ.

За что ты платишь? Отвѣчай!

Балладина.

Не знаю.

Отшельникъ.

Та рана адскимъ заревомъ тебя
Палить?

Балладина.

Палить...

Отшельникъ.

И ты спала сегодня?

Балладина.

Спала.

Отшельникъ.

Съ той раной?

Балладина

Старче, я ни въ чемъ,

Тебѣ не признавалась.

Отшельникъ.

Да, ни въ чемъ,

Проклятая, за что же ты платила?

Балладина.

За врачеванье.

Отшельникъ.

Чтобъ гниль твоей лобъ!

Чтобъ тѣни смерти на лицо упали!

Мои же зелья воровать не стануть

У Ада -- болей...

Балладина.

Берегись, старикъ!

Отшельникъ (съ ироніей).

Что? Ты грозидь, когда твоей болѣзни

Лѣкарства измышляю я? Когда

Тружу я чары адскія, чтобъ рану

На лбу они затерли? Хочешь ты,

Твоя сестра умершая проснется?

Балладина.

Проснется?

Отшельникъ.

Пусть сестра сестрѣ покличетъ,

Умершая возстанетъ, и ту рану

Сотретъ. Ты хочешь?

Балладина.

Если бъ я имѣла

Три блѣдныя лица, и три, страшнѣе,

Пятна на каждомъ, ихъ бы я скорѣе

До Божьяго суда носить хотѣла,

Но только бы...

Отшельникъ.

Преступница, молчи!

До глубины сердца мы другъ друга знаемъ...

Пусть съ этой язвы черви въ мозгъ ползуть,
И змѣи въ совѣсть; пусть кусаютъ вѣчно,
Покуда изнутри ты не умрешь,
И знаками гнилыми вся покрыта
Ты будешь проходить, какъ трупъ живой.
Прочь! Прочь! Прочь! Ждать ты будешь неиз-

бѣжно,
Что сдѣлаешь съ тобою Божій судъ...
А что-нибудь ужасное уже
Назначилъ Богъ, свершить, быть можетъ, завтра.
Быть можетъ, въ пропитаніи откажется,
Иль волосы облѣпнитъ колтуномъ,
Потомъ убьетъ безъ исповѣди сразу
Огнемъ небеснымъ... Горь! Завтра утромъ
Перстъ Божій узришь въ замкѣ на стѣнахъ.
Ты какъ змѣя, ты словно мѣдьяница,
А въ сердцѣ скрыто злѣйшее пятно,
Чѣмъ тутъ на лбу. Что?... Ты мертва?... Прос-

нися...
Слышь, женщина, проснись!

Балладина (какъ бы просыпа-
ясь ото сна).

Что? А, сказалъ ты,
Сестра моя проснется?... Умереть
Хочу я.—Что взбѣсился ты такъ, старче?
Бѣда тебѣ! Бѣда!
(Убѣгаетъ).

Отшельникъ (одинъ).

Въ тиши лѣсной,
Въ тиши печальной, бродить преступленье,

И словно дятель въ стволъ стучитъ сухой;
А стукъ ножа глухой рождаетъ отзвукъ,
Какъ бы топоръ тяжелый палача,
Когда онъ рубитъ голову на плахѣ.
Богъ слышитъ это все, и замыкаетъ
Въ ту громкую ужасную трубу,
Что позоветъ людей на судъ когда-то.

(Въ лѣсу слышенъ смѣхъ).

Духъ, бодрствуй! Въ лѣсѣ дьяволы смѣются!
Колдунья Гонла съ роемъ дьяволятъ
Смѣшитъ дубы понурые, и дразнитъ
Плакучія березы.

(Слышенъ отзвукъ охотничьихъ возгласовъ и лай собакъ).

То умершій

Охотникъ мгlistыхъ туровъ гонитъ въ чащѣ
И свора мгlistыхъ псовъ бѣжитъ за ними,
И молнійный ихъ ослѣпляетъ вихрь.
Пойду... и отпущу охоту эту,
На вѣки пусть вѣковъ они исчезнутъ...
Но это безразсудство—измѣнять
Въ рой недруговъ бѣсовское сосѣдство.

(Слышны подземные звоны).

Что тамъ?... Водой залитые, вѣка ужъ,
Изъ глуби Гонла кличутъ города
О милосерды къ Богу плачемъ башенъ...
Какой-нибудь, быть можетъ, крестоносецъ
Содомской башни виденъ на волнѣ
Межъ лилій?... Я пойду—нѣтъ больше силы—
Благословлю потоншій городъ я;
Спокойно, можетъ, подъ молитвой старца

Заснетъ сномъ тихимъ онъ въ волнѣ могильной,
Какъ человѣкъ погибшій, о которомъ
Помолится невинное дитя.

СЦЕНА 4-я.

Лѣсъ какъ передъ этимъ.—Искорка и Хохликъ.

Хохликъ.

Помчался... словно глухая ворона!

Искорка (береть брошенную на
камень корону).

Смотри, корона старца.
На волосахъ Гопланы
Пусть блещетъ въ свѣтѣ лунныхъ
Лучей вѣнкомъ огня,
Вся въ перевязи тонкой
Волосъ ея воздушныхъ,
Межъ косъ ея златистыхъ.

Хохликъ.

Смотри, она идетъ.

(Грабецъ и Гоплана входятъ на сцену).

Грабецъ.

О, вѣдьмочка моя, ты, панна дождевая,
Вода тебѣ постель, а туча твой уборъ,
Какъ по лѣсу идешь, такъ слышенъ цѣлый хоръ
Деревьевъ и цвѣтовъ: Къ намъ дѣва проливная!
Вотъ пахарю бѣ тебя надъ нивою своею,

А будь я самъ цвѣткомъ, горчицей иль крапивою,
Я бѣ вѣрность обѣщаль до окончанья дней,
Ромашкой бы съ тобой я въ бракъ вступилъ счаст-
ливый.

Но не травинка я, къ несчастью, не цвѣтокъ,
Изъ мяса человѣкъ, паненка; и ножами
Разрѣжутъ кожу мнѣ костяшки рукъ и ногъ,
Коль буду ихъ поить и мглами и звѣздами.
Смиренно кланяюсь.

Гоплана.

О, горе, горе мнѣ!

Сегодня на пенькѣ осыпалась роза,
И корюшка моя скончалась въ глубинѣ,
Рыбакъ ей яду далъ, свершилася угроза;
А пташку милую, что ночью мнѣ и днемъ
Надъ свѣтлымъ озеромъ въ березѣ распѣвала,
Убилъ какой-то хлопъ тяжелымъ топоромъ,
И дерево срубилъ, и дерево упало...

Грабецъ.

Въ день нынѣшній досталось и мнѣ,
Подъ замкомъ подъ Киркоровымъ такъ вздули,
Что было прямо жарко, какъ въ июлѣ,
Свербить все плечи, и горить въ огнѣ.
Но ежели бьютъ знатно въ замкѣ этомъ,
А кормятъ вдвое знатно, и течетъ
Въ канавы водка и зимой и лѣтомъ,
Такъ эти мнѣ побои невзначетъ,
И судьбѣ повинуюсь приговору,
На кухню я пойду служить Киркору.

Гоплана.

Что? Къ ней! Все къ ней! Всего лишь день на-
задъ

Ея ты сердце видѣлъ. Милый, милый,
Скажи, что хочешь? Хочешь быть богатъ,
Лицъ измѣнить? Ты хочешь власти, силы?
Хоть захотѣлъ бы камешка того,
Что чудо невидимки совершаетъ,
И человекъ предъ всѣми исчезаетъ,
Какъ бы во снѣ,—не хочешь ли его?
Какъ больно покупать твое мнѣ сердце
Моими волшебствами!—Хочешь ты,
Раскроется таинственная дверца,
И на коврѣ, превыше высоты,
И на коврѣ крылатомъ будешь ты?
О, милый, молви... Или, въ блескѣ бури,
Ты хочешь быть какъ рыцарь, что возникъ,
Войскамъ Лехитовъ свой являя ликъ,
Съ главы до ногъ весь въ златѣ и лазури?

Грабедцъ.

Такъ вотъ, съ главы до ногъ, я быть хочу
Бубновымъ королемъ, чтобъ скипетръ — въ пра-
вой,
Въ коронѣ, и чтобъ — въ лѣвой быть съ державой.

(Въ сторону).

Какъ выкрутится вѣдьма? Подшучу!

(Вслухъ).

Чтобъ скипетръ мнѣ имѣть, и плащъ, корону,
Златая туфли, и дотоль

Быть мощнымъ, чтобъ плевать въ глаза закону,
Какъ панъ король...

Гоплана.

Мои бѣсенята,
Летите, просите,
Багрянца у заката,
Жемчужовъ тамъ возьмите,
Сафировъ у тучъ,
Съ Восточныхъ кручь,
У зорь попросите вы злата;
А ежели гдѣ у склона
Радуги свѣтитя нить,
Взять ее на веретена,
И вить и вить и вить.

(Искорка и Хохликъ убѣгаютъ).

(Къ Грабку).

Въ кругъ очерченный вступаю,
Что захочешь, молви ты:
Власть Гопланы дать черты
И судьбу, коль есть какая,
О которой грезить ты...

Грабедцъ.

Все въ мысляхъ вижу королей бубновыхъ,
Вертяся.

Гоплана (очерчивая кругъ).

Тихо въ кругъ стой.
Ты слышишь шумъ вѣтвей сосновыхъ,
Веселый этотъ гулъ лѣсной.

И птички пѣвчія слетаютъ,
Вонъ иволга и соловей,
Лучи отъ солнца ниспадають,
Плывутъ межъ трепетныхъ вѣтвей.
Но затемнится небо векоръ,
Златыя луны пролетятъ,
И звѣзды въ блѣдномъ дымномъ хорѣ,
И молнійный зажжется взглядъ.
(Искорка и Хохликъ несутъ одежды и корону).

И С К О Р К А.

Готово все.
Г Р А Б Е Ц Ъ (позѣвываетъ).
А! Спать хочу я...

Г О П Л А Н А.

Свою ты голову склони.
Проснешься скоро. Такъ, засни.
Въ дремотѣ, ничего не чуя,
Ты будешь духами одѣтъ
Въ такой, какой загрезишь, дѣтъ,
Ты ими будешь облеченъ
Во все, о чемъ твой будетъ сонъ.

Г Р А Б Е Ц Ъ (укладываясь).

Ну, чудеса... Спокойной ночи, Грабецъ...
Прощай, братъ... До свиданія на тронѣ...
Спокойной ночи, органиста сынъ,
Я въ память ухожу...

(Позѣвываетъ).

А! а! а! чудо...

(Засыпаетъ).

Г О П Л А Н А.

Блюдите за соннымъ,
Адекія чары заворожу.
(Темиѣтъ—проходятъ алыя тучи, и привидѣнія окружаютъ
отвернувшуюся Гоплана).

И С К О Р К А.

Покрѣть его плащомъ, лучами осѣненнымъ,
Златую обувь дать, служить какъ я служу.
(Совершенно темиѣтъ.—На головѣ Гоплана показывается
подумѣсать).

Жемчужинки росы сребристой
Летятъ съ плаща;
Сбери ихъ, по травѣ ища,
И снова, лентою свѣжистой,
Не разсыпая по травѣ,
Ихъ всѣ пришей на рукавѣ.

Х О Х Л И К Ъ.

Ужъ на другой онъ бокъ ложится,
Храпитъ король, презнатный сонъ.

И С К О Р К А.

Пусть свѣтъ, Гоплана, возвратится,
Уже твой милый превращенъ.
(Гоплана даетъ знакъ—мѣсяцъ съ ея чела исчезаетъ—и
свѣтъ возвращается).

Г О П Л А Н А (смотря на спящаго).

Какой себѣ измыслилъ видъ онъ дивный?
(Грабецъ встаетъ съ земли какъ бубновый король).

ГРАВЕЦЪ (позъывая).

А-а-а-а! День добрый. И погода
Прекрасная. А это что такое?
Чортъ! Волосы на бородѣ. Съдые.
Что это значить? И во что опять
Меня переметнули эти бѣсы?
А плащъ каковъ! Узоры расписные.
Мнѣ снилось... Дай Богъ памяти, не помню,
Что снилось мнѣ... Похоже, что корчма,
Изъ полныхъ бочекъ пиво выливалось,
И былъ потопъ, въ потопѣ плыть какъ рыба,
И сталь я глыба, сталь я прямо кить.
Діавольскимъ искусствомъ, въ золотистомъ
Плащѣ левиафанъ съдородный.
Поди-ка, вѣдьма ты моя, ко мнѣ,
Стекло ты диво, Расскажи-ка,
Кто бородой и золотомъ меня
Такъ разукрасилъ,—что со мною стало?

ГОПЛАНА.

Вотъ, сталь король.

ГРАВЕЦЪ (хватается за голову,
находить корону).

Что стало, пусть стоитъ.

Рукою хвать, и ухватилъ корону.

Ну, чудеса...

ГОПЛАНА.

Правдивую корону

Попеловъ носишь ты...

ГРАВЕЦЪ.

Я вижу, людямъ
Для тѣхъ же цѣлей служить, что и шапка:
Скрываетъ уши. Это?

(Показываетъ на деревянный скипетръ).

ГОПЛАНА.

Скипетръ твой.

ГРАВЕЦЪ.

Какъ хочешь, милый угорь, я увѣрю
Себя, что это скипетръ; пусть такъ глянетъ
Взоръ разума, и скажетъ—это скипетръ.
Откуда эту палку взяли вы,
Вѣсенки?

ХОХЛИКЪ.

Тамъ, гдѣ Грабцемъ называли
Тебя.

ГРАВЕЦЪ (съ презрѣніемъ).

Не говорите мнѣ о Грабцѣ!

ХОХЛИКЪ.

Гдѣ былъ вчера ты жителемъ лѣсовъ,
Былъ вербою, и съ древа-короли
Филонъ взялъ вѣтку.

ГРАВЕЦЪ.

Лѣвою рукою

Держу теперь ту самую кору,
Которой обросталъ я, словно шкурой,

И та кора есть скипетръ... Ха, такъ буду
Тѣмъ скипетромъ по спинамъ шастать я.
Ахъ, горе мнѣ, отецъ мой, брадобрѣй,
Ужь въ небѣ, а не то бы эти кудри
На бородѣ онъ живо опросталь.
Скажи-ка, вѣдьма, ты, что, какъ святая,
Все ходишь по водѣ, не можешь ты
Отъ этой бороды меня избавить?
Нѣтъ?.. Баста... Будетъ тамъ какой-нибудь
Цирюльникъ, что себѣ составитъ славу
На этой королевской бородѣ.
Ха! въ руку надо мнѣ еще державу,
Дать яблоко, и съ картою бубновой,
Какъ съ зеркаломъ, по свѣту я пойду.

Искорка.

Для державы королевской
Я въ селѣ сосѣднемъ банку
Изъ-подъ мыла, у мальчишекъ,
Скраль, и солнце такъ некло,
Что въ тотъ катышекъ хрустальный
Сѣвъ съ руками и ногами,
Весь я въ банкѣ помѣстился,
И лечу сюда, лечу...
Золотая эта банка
На лазурной сѣла рѣчкѣ,
И кузнечикъ—вотъ негодный!
Въ часъ, какъ въ радужномъ стеклѣ
Я уснулъ спокойно въ лодкѣ,
Обиль ее крыломъ прозрачнымъ

И бѣжалъ... а я проснулся,—
Пезабудка подо мной.

Грабецъ.

Мой дьявольчикъ, ты, значитъ, ваша милость,
Глупъ какъ сапогъ; вѣдь яблоко, держава,
Есть яблоко, а не миндаля небесный.

(Хохлякъ даетъ ему яблоко).

Покорнѣйше спасибо... не съ виномъ ли?
(Пробуетъ).

Такъ; что король имѣеть, все имѣю.
А гдѣ же свиньи, подданные эти,
Надъ коими царить здѣсь буду я?

Гоплана.

Что власти здѣсь моей подчинено,
Деревья, пташки, росы, каждый цвѣтикъ,
Всѣ радуги, твое, сполна твое.

Грабецъ.

Такъ подати сейчасъ же наложить.
Послушайте... а сводъ законовъ будетъ
Пусть вырѣзанъ на ивѣ на гнилой.
Вратъ въ рекруты лосей и сѣрыхъ зайцевъ,
И зубровъ съ кабанамъ. Если только
Цвѣты хотять въ росѣ купать листочки,
Пусть платятъ, я росу на откупъ дамъ
Жиду; а мнѣ пусть водкой онъ заплатитъ.
Скворцы пускай не мыслятъ въ ту минуту,
Какъ говорить. Чтобъ ласточки сбирались

На сеймъ на вербѣ,—это запретить;
Чтобъ не было у нихъ тамъ кривотолковъ
О разныхъ политическихъ дѣлахъ.
Сеймъ воробьиный разогнать немедля;
Самъ буду вѣшать, самъ и награждать.
Какъ ласточки въ дорогу соберутся,
Давать имъ паспортъ, съ точнымъ означеньемъ
Ногъ, клюва, крыльевъ, хвостика, а также
Родимыхъ пятенъ. Птицы пусть отнынѣ
Дѣтей не посылаютъ къ этимъ Нѣмцамъ,
Учиться тамъ, гдѣ учатъ попугаи;
Одно лишь послабленіе—сорокамъ,
Что развиваютъ такъ родную рѣчь.
Изъ странъ чужихъ особы... канарейки...
Слѣдить. На всѣ товары на чужіе
Пусть пошлина... съ аршина всякихъ радугъ,
Что въ краѣ солнца дѣлаютъ, или въ краѣ
Луны отъ радугъ бѣлыхъ или красныхъ,
Иль синихъ, или шелковыхъ какихъ,
Три золотыхъ монеты... а отъ штуки
Холста изъ наугишъ...

Гоплана.

О чемъ, мой милый,
Ты говоришь?

Грабецъ.

Что? Царствую... Царю...
И штопаю казну, что вся въ заплаткахъ.
Пусть роза платитъ отъ своихъ бутоновъ,
Калина отъ калинь, орѣшникъ платитъ

Орѣхами,—пустой тамъ или полный;
Макъ зернами, не маковками платитъ.
Вѣдь голова на мнѣ не просто знакъ...

Гоплана.

Останется здѣсь съ Искоркою Хохликъ,
Пусть служатъ, рвутъ цвѣты тебѣ, а если
Заснешь, пусть съ розы сыплютъ лепестки.
До вечера, прощай. Я буду ждать
Надъ озеромъ тебя, и буду плакать,
Той пѣсенкой плѣняя соловья.

(Гоплана уходитъ).

Грабецъ.

Какъ этотъ рыбій студень исчезаетъ,
Мнѣ легче...

Эй вы, подданные!

(Къ Хохлику).

Ты

Министромъ будешь, ибо глупъ, а ты
Бѣсенокъ быстроглазый, шугъ мнѣ будешь;
Смѣши меня, мошенникъ, до тѣхъ поръ,
Покуда я отъ радости не лопну.
Министръ, карета гдѣ?

Хохликъ.

Уже четыре

Красивыхъ вороныхъ коня сверкаютъ
Копытами, подкованными луно;
Карета Мефистофельская ждетъ,
Но ничего не говори Гопланѣ.

Гравецъ.
Что такъ?

Хохликъ.
Имѣть не хочетъ съ Адомъ дѣла.

Гравецъ.
Безумная! Безумная! Коль Дьяволъ
Даетъ займы, бери себѣ спокойно,
Карета есть, такъ цѣлы сапоги...

(Къ Искоркѣ).

На козлахъ будешь ты, а изъ министра—
Фореиторъ мой... Ну, ѣхать намъ пора.

Искорка.
Куда король поѣдетъ?

Гравецъ.
Прямо въ замокъ
Къ Киркору, будетъ свадебный тамъ пиръ.
(Все уходитъ).

СЦЕНА 5-я.

Зала въ замкѣ Киркора.—Костринъ одинъ.

Костринъ.
За кельею отшельника укрывшись
Среди деревьевъ, исповѣдь я слышалъ
Той женщины. О, счастье! Теперь я
Властитель этой тайны золотой.
Могу о ней кричать съ дворцовой башни,

Иль господину вѣрно рассказать,
Иль повѣсть ту ужасную по-малу
Могу цѣдить, какъ изъ часовъ песокъ,
Въ тревожный слухъ той пани, и увижу
Въ концѣ-концовъ сокровищницу замка
Голый и чище выси Арарата...
Идетъ назадъ... Какой счастливый часъ!
Могу имѣть ее съ ея богатствомъ.

(Становится къ сторонѣ).

Балладина.

Все знаетъ этотъ старый человѣкъ.
Расскажетъ онъ деревьямъ, а деревья
Другъ съ другомъ ночью будутъ говорить,
И страшная та повѣсть разростется.
О, бѣдныя вы мысли! Слово дѣти,
Бойтесь вы тѣней. Слова мои
Тотъ старецъ сочетаетъ, составляетъ,
И говорить себѣ: Не можетъ быть...
Та молодая женщина—убійства
Не совершала. А коль нѣтъ? Коль онъ
Увѣренъ? Кто жъ въ такую вещь повѣритъ,
Какъ въ святцы... Если жъ онъ въ нее повѣрилъ,
И путнику, который заблудится,
Расскажетъ ужасъ преступленья пани,
Предъ тѣмъ какъ сможетъ имя онъ назвать,
Смутится онъ и побоится пана
Могучаго и мщенія его.
А можетъ быть, коль доброе въ немъ сердце,
Найдетъ въ концѣ совѣтъ онъ милосердный:

Зачѣмъ вредить другимъ! А можетъ, онъ
Уже забылъ, а я тутъ, безъ разсудка,
О томъ стою и думаю, о чемъ
Онъ думать пересталъ. Что я такое,
Чтобъ люди размышляли обо мнѣ,
Слѣдили бы, губить меня хотѣли?
Адъ! Тысячами словъ я не могу
Убить тѣхъ двухъ: *Онъ знаетъ*. Для чего же
Къ нему пошла я? Я сама себѣ
Погибели искала: заблудилась,
Сюда ведома дьявольской рукой.
Подумать только, если бы не этотъ
Приходъ мой, этотъ старецъ былъ бы такъ же,
Какъ миллионы тѣхъ людей, которыхъ
Ни разу я не встрѣтила на свѣтѣ.
Подумать, что вотъ этотъ самый часъ,
Тревожныхъ полный мыслей, былъ бы такъ же
Спокоенъ, какъ вчерашніе часы,
И можетъ быть, спокойнѣе гораздо;
Вѣдь много бѣ страха,—тайною и тишью,—
За день одинъ въ себѣ я усмирила.
Теперь же все рождается опять
Съ лицомъ еще ужаснѣйшимъ, чѣмъ прежде.
Завидно мнѣ на ту, что нынче утромъ
Здѣсь мной была.

(Приближается Костринъ).

Костринъ.

Гонецъ отъ Графа, пани,
Съ дарами—приказаній ожидаетъ.

Балладина.

Дары отъ мужа? Позови гонца,
Пускай ихъ здѣсь положить. Стой... Известенъ
Тебѣ тотъ нищій, что живетъ въ лѣсу здѣсь?

Костринъ.

Отшельникъ?

Балладина.

Я не знаю, почему
На мысль припелъ онъ мнѣ... Покличь гонца!
Дары принесть онъ, вѣрно, дорогіе?

Костринъ.

Панъ Графъ всегда слылъ щедрымъ... и всегда,
Какъ солнце, разсыпалъ живые блески.

Балладина.

Хотѣла бѣ знать я, въ чемъ та будетъ ласка,
Покличь гонца—покличь его скорѣй!

(Костринъ уходитъ).

Когда бы тѣ дары, когда бѣ не мысли
Смущенные!—Зачѣмъ Кострина было
О старцѣ этомъ спрашивать?

(Входитъ Костринъ и Гралонъ).

Гралонъ.

Киркоръ,

Черезъ меня, Гралона, поздравляетъ.

Балладина.

Здоровъ онъ?

Гралонъ.

Какъ малина, онъ здоровъ.

Балладина.

Мужъ приказалъ такой отвѣтъ дать сладкій?

Гралонъ.

Графъ далъ мнѣ порученье, чтобы этотъ
Я сундучокъ съ печатію червонной
Донесъ до замка, и сказалъ женѣ,
Тебѣ, Графиня, чтобы его печати
Не трогала, и ни замка у крышки,
Пока онъ въ замокъ не вернется самъ.

Балладина.

Пусть я помру, коль только понимаю
Я голосъ человѣка, что пришелъ.
Скажи опять.

Гралонъ.

Сказалъ мнѣ графъ Киркоръ...

Балладина.

Я знаю, но окованный сундукъ тотъ,
Что присланъ въ даръ, зачѣмъ онъ мнѣ велѣлъ,
До дня суда велѣлъ хранить замкнутымъ?

Гралонъ.

Панъ молвилъ: Такъ пригазываютъ я...
И больше ничего...

Балладина.

Глупецъ, ты носишь

На шеѣ тѣсно голову свою
Въ желѣзной скорлупѣ, и воробьи въ ней
Должны бы гнѣзда вить себѣ, какъ будто
Въ горшкѣ дырявомъ. Кованный сундукъ тотъ
Не трогать? Ха! ха! ха! Въ такомъ подаркѣ
Киркора недовѣрье вижу я,
Не вѣрную любовь. Холопъ, ты подлый!

(Къ Гралону).

Хоть крѣпкою ты связью связанъ съ паномъ,
Раскрыть сундукъ тотъ ты бы не посмѣлъ?
Хлысть на спинѣ ты чувствуешь, удары...
А я, супруга, если захочу...
Когда бы только муха мнѣ шепнула...
Когда бы голосъ жаворонка тихій
Мнѣ подшепнулъ: Открой, а Сатана
Огнистыми бѣ отталкивалъ крылами,
Такъ знаешь ты, служитель мерзкій, подлый,
Что воля есть моя?..

Костринъ.

Графиня...

Балладина.

Ты,

Напомнить мнѣ, быть можетъ, пожелаешь,
Что мужъ имѣетъ право? Ну, такъ пусть,
Испробуешь. Мнѣ что жъ... Мой Богъ, когда бы,
Была я, какъ другіе, любопытна,

Тогда... Но присягну, что вы меня
Не знаете. Пуглива я настолько,
Что яблоко, которое въ саду,
Падеть, его съ земли не подниму я.
Коли захочетъ мужъ, такъ буду я
На хлѣбѣ жить и на водѣ, и буду
Всегда веселой, какъ ворона, сидя
Днемъ на чужомъ заборѣ. Но теперь я
Въ какой-то злости. Старый, вотъ тебѣ.

(Къ Гралону).

Возьми червонецъ, и его ты можешь
Пропить, иль проиграть, играя въ кости,
И вслѣдъ за паномъ; расскажи ему,
Что съ нетерпѣньемъ жду его, что слезы
По немъ роняю; что златистымъ шелкомъ
Шарфъ для него я вышиваю. Гдѣ же,
Гралонъ, оставилъ нана ты?

Гралонъ.

Надъ Гопломъ,

Въ лѣсу.

Балладина.

Не останавливался онъ
Нигдѣ въ дорогѣ?

Гралонъ.

Въ кельѣ только быть онъ

Отшельника.

Балладина.

Отшельника... О, Боже!

Скажи... За слово каждое тебѣ я

Гореть золота даю; но знать хочу я
Все... понимаешь? Будешь награжденъ ты
Роскошно, лишь открыто говори.
Хотя-бъ и что ужасное тамъ было,
Все говори.

Гралонъ.

Въ лѣсу, черезъ тропинку
Заросшую, панъ ѣхалъ на конѣ,
А мы гуськомъ все ѣхали за паномъ.
Вдругъ конь подъ паномъ прямо на дыбы,
Какъ бы съ огнистымъ встрѣтился Сатанюю.
Панъ Графъ съ коня; сказалъ: Въ лѣсу трупъ чую.

Балладина (пораженная).

И слѣзъ съ коня... и...

Гралонъ.

Крикнулъ: Все за мною,
И мечъ поднявъ подъ вербу подскокилъ.
На мху тамъ трупъ лежалъ, вѣнокъ изъ гадинъ
Желѣзныхъ на груди его крутился.

Балладина.

О!..

Гралонъ.

Графъ сказалъ: То ворожба для дѣла,
Зачѣмъ мы ѣдемъ... Передъ нами былъ
Убитый туръ.

Балладина (переводя духъ).

Ахъ!

Гралонъ.

Добрая примѣта

Для рыцарей, промолвилъ графъ Киркоръ.
Мы крикнули: Ура, и дальше ѣдемъ...

Костринъ.

Трупъ былъ подъ вербой, ты сказалъ Гралонъ?
И гадины желѣзныя лежали
На бѣломъ лонѣ?

Гралонъ.

Это трупъ былъ тура.

Костринъ.

Лань бѣдненькая!

Гралонъ.

Это былъ самецъ.

Костринъ.

Гдѣ верба наклоняется надъ рѣчкой?
И гдѣ растетъ малина? Такъ?

Гралонъ.

Такъ, пане.

Костринъ.

Недалеко отъ хаты старца?

Гралонъ.

Да...

Костринъ.

И говоришь, что туръ лежалъ рогатый
Подъ вербой надъ ручьемъ?

Гралонъ.

Да.

Костринъ.

Присягни!

Гралонъ.

Зачѣмъ?

Костринъ.

Зачѣмъ, что, Сатаной клянуся,
Что былъ не туръ тамъ... Защищай желѣзомъ
Обманъ!

(Къ Балладинѣ, вынимая мечъ).

Его убить необходимо.

БАЛЛАДИНА (въ замѣшательствѣ).

Необходимо.

КОСТРИНЪ (нападая).

Защитайся!

ГРАЛОНЪ (защищаясь).

Что—

Что это значить?

(Бьются.—Балладина снимаетъ мечъ со стѣны и, заходя
сзади, убиваетъ Гралона).

БАЛЛАДИНА.

Вотъ тебѣ!

ГРАЛОНЪ.

О, небо!

Злодѣйство!

(Умираетъ).

Костринъ.

Пани, мы напали разомъ
На старца: знаешь ты, что это значитъ?

Балладина.

О, Боже! Знаю.

Костринъ.

На себя беру я
Всѣхъ тайнъ твоихъ и страховъ половину.

Балладина.

Костринъ, что дѣлать?

Костринъ.

Голову имѣть.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Зала въ замкѣ Киркора.—Пирь.—Черезъ окна видно молни.—Грабецъ, разодѣтый какъ король, сидитъ на первомъ мѣстѣ.—Балладина, Костринъ, шляхта, замковые слуги, Хохликъ и Искорка стоятъ за кресломъ Грабка.

Одинъ изъ шляхты.

Здоровье короля!

Грабецъ (къ Хохлику).

Благодари,

Министръ.

Хохликъ (со смѣшнымъ жестомъ).

Король изволилъ

Благодарить...

Грабецъ.

Мой шутъ, пусть печемейстеръ

Приносить дани новыя...

Искорка.

Ужъ въ замкѣ

У поваренка даже и съ полмиски

Нѣтъ ничего, лишь голова осталась
Телячья, недожаренная, здѣсь
На королевской шеѣ.

Грабецъ.

Тамъ на мызѣ
Я видѣлъ, проходили два павлина,
И жарить и подать сюда на столъ,
Я подожду.

Костринъ.

Предъ яснымъ королемъ
Поставьте, слуги, въ видѣ лучшей дани,
Червоицами наполненный поднось.

Грабецъ (беря съ подноса червоицы, раздаетъ Хохлику, Искоркѣ, и потомъ самъ наполняетъ свой карманъ).

Министръ, за годъ услугъ впередъ плачу,
Не трепещи такъ подданныхъ; шутъ милый,
Тебѣ за сотню шутокъ золотой;
Устрой намъ баню смѣха. И себѣ я
За царствованье трудное плачу.
А то—назавтра спрячьте мнѣ на завтракъ.

Балладина.

Честь для меня, что гость такой достойный
Мой замокъ навѣститъ благоволилъ.
Вина, паны.

(Къ Кострину, который сжимаетъ ей руку, говоритъ тихо).

Сиди спокойно, хлопче.

Молю. Глядятъ, увидятъ, пропадемъ.

(Къ другимъ).

Прошу васъ, пейте. Пане Хрущъ съ Омелы,
Прошу.—Чего панъ Графъ сидитъ нѣмой?
Прошу найти веселую бесѣду.

Первый изъ шляхты.

Мы о гербахъ.

Грабецъ.

Въ моемъ сидитъ король,
Златыя туфли, голова, корона.

Первый изъ шляхты.

Въ моемъ двѣ хворостины.

Второй изъ шляхты.

А въ моемъ

Поль-уля.

Первый изъ шляхты.

А въ твоемъ, графиня?

Балладина.

Я?

Костринъ.

Вѣдь ты-жь была княжною Трапезонда,
О, пани!

Гравецъ.

Пресвятая Матерь-Дѣва!
Ты княжичей-то сколько-жь по землѣ
Гулять пустила? Groшики-то были?

Балладина.

Я?.. О, воспоминаніе! Мой дядя
Немилосердный, щить гербовый мой
Похитивъ, выгналъ вонъ меня изъ панства;
И братьевъ-королевичей убилъ.

Гравецъ.

Прошу покорно, чудеса какія.
Кто-бъ могъ повѣрить!

Балладина.

Мнѣ же вѣры нѣтъ?
Я не прошу жалѣть меня. Счастлива,
Что жизнь свою спасла. Но мать моя...
Замуровали въ нищѣ во дворцовой.

Гравецъ.

Бѣдняга старушенція!

Балладина.

Вамъ скученъ
Разказъ моихъ несчастій. Пить прошу васъ.
Гдѣ кравчій? Стольникъ гдѣ? Вина подать!
Долейте чары! Веселитесь...

Голосъ слуги за сценой.

Мать!

Стой же!

Голосъ вдовы за сценой.
О, пустите!

Балладина.

Спрятаться куда мнѣ?

Вдова (врывается, пробиваясь
черезъ слугъ, и стано-
вится посреди залы, —
кланяясь съ присѣдань-
емъ, въ замѣшательствѣ).

Вамъ кланяюся, рыцари мои.
Ахъ, дочка, обо мнѣ ты позабыла!
Нехорошо.

Балладина.

Что бабѣ этой снится?
Откуда эта старая?

Вдова.

Вы всѣ,
Что молоды, гуляете? Отлично.
Но нужно и о матери подумать...
А то, какъ въ клѣтку заперли меня...
Старуха ждетъ и ждетъ и ждетъ. Хотя бы
Кусочекъ хлѣба мнѣ прислала ты.
А то вѣдь, дочка, голодно! Хотъ каплю
Мнѣ дайте молочка, вѣдь манна съ неба
Не свалится на землю для старушки.

Балладина.

Что это значить? Помѣшалась въ мысляхъ.

Вдова.

А дай-ка, дочка, золотую кружку,
Пить хочет мать.

Балладина.

Зачѣмъ сюда впустили
Ту старую?

Костринъ.

Взять, вывести ее!
Иди же съ Богомъ!—Мой король, лишилась
Она разсудка.

Вдова.

А скажи родимой:
Родная, мать,—а то нельзя же такъ:
Все старая да старая...

Балладина.

Возьмите
Ее отсюда! Выпроводите вонъ!

Грабецъ.

Ха! ха! ха! ха! Вотъ маскарадъ холопскій!
Оставьте вы ее и дайте сѣсть
За столъ.

Вдова.

Вотъ это добрый панъ, онъ добрый.
Дать лавку мнѣ, пусть сяду. Да, такъ нужно,
Мой храбрый рыцарь, нужно мать-старуху
Почтить... А то что? Выпряду я что-ли
Изъ паутины платъ? То вина

Хохлаточки, дочурки, Балладины,
Что я въ лохмотьяхъ, пусть и не хочу.
Пусть изъ господъ никто и не дивится,
Что вотъ—

(показывая на платъ)

не злато, лоскутки всего,
Со старыхъ плечъ на землю упадаютъ;
Прошу, простите дочери моей...

Балладина.

Адъ! Какъ впустили бѣшеную эту?
Какъ нищенка вошла сюда въ покои
Златые? Я тебя совсѣмъ не знаю...

Вдова.

О, ангелы святые! Ты не знаешь?
Ты матери, ты матери не знаешь?

Грабецъ.

Ха! ха! ха! ха! Такая вотъ бесѣда
Какъ разъ для королевскихъ здѣсь ушей.

Вдова.

Дочь, повтори смѣлье, ты не знаешь,
Ты собственную мать свою не знаешь?

Балладина.

Вы знаете ее, паны? Скажите,
Откуда эта вѣдьма?

Вдова.

Ахъ, свѣтите,
Вы, звѣзды неба, вы свѣтите мнѣ!—

Вы, рыцари, свидѣтелями будьте,
Коль кто изъ васъ отецъ... Колдунья ты!
Ужасная! Ты дочь? Тебя не знаю!

Балладина (къ Кострину).

Пусть за ворота выгоняютъ ее.
Чрезмѣрно громко лаетъ.

Вдова.

Породила

Я изъ себя свой гробъ. О, Боже, Боже!
(Служители, по знаку, данному Костриномъ, хватаютъ вдову за руки).

Пустите! Дочь... Подумай только... дочь...
О, дочь! подумай... на дворѣ темно вѣдь,
И дождь идетъ, и молнія подъ тучей
Того лишь ждетъ, чтобъ пасть на сѣдну,
Смотри въ окно... громъ не повѣритъ, если
Одну въ грозу меня увидитъ тамъ,
Я не убійца, чтобъ скитаться ночью...

(Ее вытаскиваютъ по гнѣвному знаку Балладины).

Я тучу попрошу, пусть въ замокъ громомъ
Ударитъ. Не тащите, я пойду
Сама... Теперь мнѣ цѣлый мѣръ пустыня.

Балладина.

Кусокъ ей хлѣба дайте.

Вдова.

О, чтобъ хлѣбъ твой
Сталъ въ горлѣ у тебя, и задавилъ!

Не дергайте, и такъ уже все платъ.
Разорвано... И рубищемъ моимъ
Свистящій вѣтеръ будетъ забавляться.
О, это чорта дочь! Нѣтъ, не моя!

(Выходитъ, выпроваживаемая слугами).

Балладина (послѣ долгаго молчанія).

Что жъ пасмурны вы такъ? Къ концу пирушки
Щебечутъ люди все, что ни придется.
А вы молчите, точно сидя въ замкѣ
У страшнаго злодѣя.

(Слышенъ конскій топотъ).

Что за топотъ?

Слуга.

Гонецъ отъ Графа прибылъ.

Балладина.

Пусть войдетъ.

(Входитъ гонецъ).

Какія вѣсти ты привезъ отъ мужа?

Гонецъ.

Санъ Графъ шлетъ поздравленья...

Балладина.

А когда же

Вернется?

Гонецъ.

Буря въ лѣсѣ задержала,
Недалеко отсюда. Испугавшись

Огней и грома, кони увязали
Въ болотахъ; сосны гнулись какъ лоза,
Съ ужаснымъ гуломъ. Было невозможно
Добраться черезъ ту грозу до замка,
И въ кельѣ у отшельника панъ Графъ
Переживаетъ, чтобъ утихла буря.

Балладина.

Что жъ новаго вы съ паномъ увидали?

Гонецъ.

Панъ Графъ исполнилъ то, что онъ задумалъ.
Едва мы въ Гнѣзно въѣхали, какъ вдругъ
Мы встрѣтили, вблизи воротъ червонныхъ,
Вооруженныхъ рыцарей отрядъ;
А во главѣ Попель былъ, ѣхалъ конно.
Конь гордый у него не разъ взметнулся,
И въ воздухѣ желѣзные копыта
На мигъ надъ головами повисали
Покорно преклоненнаго народа.
Тутъ вдругъ Киркоръ—и кто бъ подумалъ это—
Самъ-третій, руку вытянулъ, хватаетъ
Узду у королевскаго коня,
Крича: Тиранъ, свершивши три убійства,
Дошелъ до трона ты, иди же въ Адъ!
Такъ молвя, онъ разсѣкъ мечемъ подъятымъ
Забрало коронованное, послѣ
Схватилъ его за пышныя одежды,
И трупъ ветрахнулъ, и показалъ народу.
Весь онѣмѣлъ народъ; потомъ огромнымъ

Онъ вскрикомъ небо самое ударилъ,
И невозможно было увидать,
Его онъ славить или порицаетъ.
Вдругъ весь народъ къ намъ ринулся волной,
Минута,—и какъ малыя букашки,
Мы въ немъ, онъ залилъ насъ и охватилъ.
Киркоръ держалъ одной рукою тѣло,
Другую мечъ окровавленный свой.
Мы, рыцари, его вельнѣе помня,
Своихъ не обнажали мы мечей.
Тутъ токъ народа, какъ волна, что вѣтромъ
Подброшена, внезапно ницъ упалъ
Предъ исполинской постатью Киркора,
И крикнулъ: Да живетъ народный мститель!
Киркоръ король нашъ да живетъ во вѣкъ!

Балладина.

Что говоришь? Киркоръ сталъ королемъ?

Гонецъ.

Прослушать соизволь до окончанья.
Когда народъ его провозгласилъ
Своимъ владыкой, мечъ онъ свой лазурный
О королевскій отиралъ уборъ;
И видно было, что глубоко думалъ,
Какъ выразить достойно мысль свою.
И молвилъ наконецъ: О, Ляхи, рыцарь
Безвѣстный я, владѣть народомъ славнымъ
Я не могу; что я свершилъ, свершилъ я
Не для взнесеня головы моей,

Лишь совершилъ для счастья народа.
Я сотворенъ для жизни деревенской,
Для тихой простоты. Мнѣ слишкомъ тяжко
И званье Графа, и его ступенью
Понизилъ я, въ супружество принявши
Не королевну, просто лишь крестьянку:
Съ моимъ гербомъ, взаимнѣ гербовыхъ знаковъ,
Она кувшинъ малины сочтала:
Она на королеву не похожа,
А также и паны не пожелаютъ
Крестьянскимъ дѣтямъ подданными быть.

Балладина.

Какая ложь! Какая ложь! О, ложь!

Гонецъ.

И продолжалъ Киркорь: Безкоролевье
По краю огласить; а кто здѣсь въ замкѣ
Появится увѣнчанный короной,
Правдивою короною Попеловъ,
Въ которой брилліантъ Змѣиный глазъ,
На трехъ лежитъ жемчужинахъ межъ двухъ
Рубиновъ, королемъ тотъ вамъ да будетъ.
Народъ согласнымъ крикомъ мысль одобрилъ,
И ждетъ осиротѣлый, чтобъ явился
Король, наследникъ истинной короны.

Грабецъ (на котораго все гля-
дятъ).

Чего они глазѣютъ какъ грачи?

Шляхта.

Предъ тѣмъ укоронованнымъ склоняся,
Его мы выбираемъ королемъ.

Грабецъ.

Я королемъ? Когда бы пьянъ я не былъ,
Отъ радости напился бъ я сейчасъ.
Судьба глупа какъ дудка. Я бъ изъ шкуры
Своей немедля выпрыгнулъ, когда бы
Не шкурой королевскою была.

Шляхта.

Живи на долги годы!

Грабецъ.

Сотню лѣтъ!

Сто лѣтъ жить буду; шкуру я другую
Надѣлъ какъ змѣй—какъ змѣй, паны, имѣю
Изъ брилліанта око. Я сейчасъ бы
Съ графинею пустился въ плясъ лихой,
Когда бъ мое достоинство—неправда ль—
Не приказало смирно мнѣ сидѣть.
Своимъ я воцареньемъ, въ тронъ златистый
Такъ врѣжусь, что отъ трона человѣка
Не оторвутъ. Что тамъ еще за диво?

Балладина (къ Кострину).

Ты слышишь, какъ тамъ бѣсится гроза?
Звонятъ и стонутъ трубы дождевыя.
Я плачущіе слышу голоса
Въ той страшной бурѣ...

Костринъ.

Это крикъ дозорныхъ.

Балладина.

Нѣтъ, голоса иные это, стоны
Изъ міра отошедшихъ. Лей вина мнѣ.
Такъ все сплелось, что лучше, можетъ быть,
Повѣситъся.

Грабецъ.

Теперь, мы, пообѣдавъ,
Веселую должны найти забаву.
Впустите-ка/ кухонныхъ медвѣдей,
Что дѣйствуютъ рожномъ,—пускай танцуютъ.

Первый изъ слугъ.

Панъ Графъ ихъ подстрѣлили; такъ охромѣли.

Грабецъ (къ Хохлику).

Такъ ты, министръ, бери-ка скипетръ мой
Изъ вербы, и играй на немъ, какъ въ дудку,
А дырки быстро затыкай перстами,
Коль мысль какая новая, что клонить
Ко счастью этихъ подданныхъ грядущихъ,
Изъ головы чрезъ глупыя ворота
Вдругъ вырвется. Всѣ слушайте въ молчаньи.
Играй!

Хохликъ.

А что играть мнѣ, пане?

Грабецъ.

Пальцы

На дырочки клади, тотъ скипетръ сдѣланъ

Изъ собственной моей достойной шкуры,
Онъ вѣдастъ, что я люблю.

Искорка.

Играй!

Я вторить эхо вызову изъ бора,
Что видѣло все дѣло.

(Хохликъ играетъ на флейтѣ грустную деревенскую пѣсню,
и смѣшанные голоса въ вѣтрѣ начинаютъ пѣть).

Напѣвъ.

Обѣихъ любить панъ, и обѣ взяли жбанъ:
Больше кто малинъ сберетъ, панъ женою ту
возьметъ.

Ха! Ха!...

(Пѣснь исчезаетъ какъ эхо).

Балладина.

Что это значитъ? Кто тамъ пѣлъ и кто
Такую пѣсню окончилъ смѣхомъ?

Костринъ.

Тесъ...

То привидѣнье!

Балладина.

Кто-то напѣвалъ...

(Къ Хохлику).

Прошу, играй.

(Къ Кострину).

А ты, Костринъ, всѣмъ въ лица
Смотри, и если ты устережешь,

Кто эту пѣснь поеть, скажи,—обмыслию,
Что будетъ съ человѣкомъ тѣмъ.

(Къ Хохлику).

Волинщикъ,

Балладу деревенскую еще
Сыграй мнѣ, разбуди тѣ звуки эха,
Что въ сводахъ залы виснуть надо мной.
И факелы пускай горять яснѣе!

(Хохликъ играетъ).

Напѣвъ духовъ.

Съ тобой самъ бѣсъ хорошъ, вложилъ онъ въ
руку ножъ;
Сестра твоя малину рветъ. А ты? А ты? Чья
кровь течетъ
Съ тебя червонно? О!...

(Пѣснь кончается ахами стонъ).

Костринъ.

Графиня чувствъ лишается. Пстой.

Балладина.

Нѣтъ, я жива. Еще... мнѣ пойте. Пйте.
И факелы пускай горять свѣтлѣй!

(Хохликъ играетъ).

Напѣвъ духовъ.

На твоей на черной брови, словно капли красной
крови.

Отъ какой бы то причины? отъ малины? иль ка-
лины?

Можетъ... Ха!..

(Пѣснь кончается эхомъ).

Балладина (подастъ рукою знакъ).

Что жъ дальше...

Одинъ изъ пановъ.

Почему въ глазахъ графини

Безуміе такое? Иль простая
Та пѣсенка, которую крестьяне
Во время сѣнокоса напѣвають,
Играя на свирѣли, такъ ее
Вѣдняжечку терзасть нестерпимо?

Балладина.

Что жъ дальше?

Одинъ изъ пановъ.

Эта женщина съ лицомъ,
Въ которомъ нѣтъ кровинки, спитъ съ глазами
Открытыми... Пускай ее разбудятъ...

Костринъ (къ Балладинѣ).

Разбудятъ... Пани!..

Одинъ изъ пановъ.

Прикажи, пускай

Ее въ постель горячую положить,
Какъ дерево, она окостенѣла.

(Ударяетъ раскатъ грома... Балладина пробуждается).

Балладина.

Со мною что-то было... Что случилось?
Ужасные меня терзали сны.

(Къ Кострину).

Послушай, говорила я во снѣ?
Навѣрно, говорила?

Костринь.

Пѣть...

Балладина.

О, слава

Всевышнему! По вѣрно вы, когда я
Спала, о чемъ-то громко говорили
Ужасномъ?

(Къ гостямъ).

Пить прошу васъ. Вижу, лучше
За красками сидѣть мнѣ, чѣмъ предъ кубкомъ.

Грабецъ (пробуждался).

Прошу, наны, прощенья.

Пирующіе.

За что?

Грабецъ.

Прошу прощенья и весьма стыжуся,
Что чуть было я вовсе не заснулъ.

(Пѣть).

Здоровье нана замка!

Пирующіе.

За здоровье

Киркора!

Грабецъ.

Онъ почтенный! онъ почтенный!

Взамѣнь того, чтобъ напомять быть, онъ хочетъ

Малину ѣсть. Велите, чтобъ какой
Лѣсникъ или охотникъ, въ боръ сходявши,
Принесъ малины.

Балладина.

Страшное желанье!

Грабецъ.

Въ лѣсу подъ замкомъ, вѣрно, есть малина
Такая, что особенно сладка,
Вкусна, крупна,—коль жбанъ такой малины
Киркоръ имѣть возжаждалъ, больше, чѣмъ
Плащъ королевскій на себя накинуть.
Скажи, чтобъ столъникъ жбанъ малины подалъ
Намъ на закуску.

Балладина.

Посмѣлѣй! Что жъ можетъ

Горчайшаго случиться? Отзвукъ эхо
Я слышала въ развалинахъ гробовыхъ,—
Посмотримъ, возмущенные гроба
Возмогутъ ли, сверхъ словъ, извергнуть что-то.
Малины! Дайте намъ сюда малины!

(Показывается бѣлая тѣнь Алины съ кувшинчикомъ малины
на головѣ).

Тебя давно я чуяла, весь воздухъ
Тобой былъ полонъ, а теперь я вижу.
Какъ искрятся глаза твои, горять.
О, бѣлая, тебя я не боюся!
Ты видишь; но ко мнѣ не подходи.

Одинъ изъ шляхты.
О чемъ ея слова?

Балладина.
Коли со мною
Ты хочешь говорить, такъ черезъ столъ.
Пусть кто-нибудь мнѣ руку дастъ, боюсь я.

Одинъ изъ шляхты.
Вы слышите, какъ зубъ у ней о зубъ
Отъ ужаса звенить?

Балладина.
Иди, иди,
Погибшая, и отнеси тотъ жбанчикъ
Туда, откуда вынесла его,
Въ немъ движется—то, что въ гробахъ бываетъ.
Быть можетъ, тѣнь того, кто былъ повѣшенъ
На башнѣ замка, много лѣтъ назадъ,
Упала внизъ и встала въ этой залѣ,
И на ногахъ стоитъ не отдыхая.
Прочь, бѣлое видѣнне убитой!
(Тѣнь исчезаетъ).

Первый изъ шляхты.
Вы слышите, какъ здѣсь малиной пахнетъ?

Второй изъ шляхты.
Весь воздухъ полонъ запаха малины!
Вездѣ кругомъ малина.

Балладина (падая).
Умираю!

Костринъ.
Воды, воды! Я платье разорву ей.
Сюда на грудь! Пускай войдутъ служанки.
(Входятъ женщины).
Взять пани, унести ее отсюда!
(Балладину выносить).

Встать отъ стола, прошу васъ, соизвольте,
Ужъ погасаютъ факелы. И столъ
Запятнанный исполненъ отвращенья,
Объѣдками говядины и хлѣба.
Или хотите вы швырять другъ въ друга
Обглоданныя кости! Я прошу васъ
Во внутреннія комнаты. Столы
Всѣ вынести; предъ королемъ идите
И факелы несите передъ нимъ;
Пуховая ему постель готова
Здѣсь въ башнѣ боковой. На утро замокъ
Развеселится, и опять все глянетъ—
Какъ было и вчера; на нынче жъ будетъ.
Паны, ужъ спать пора! Прошу васъ, бросьте
Бокалы!—Ляховъ отогнать отъ яства
И отъ напитковъ очень-очень трудно.
Подъ музыку шоты, какъ пѣвки,
Надъ жбаномъ нависаютъ, и сосутъ.
(Во время этой рѣчи выносить столы.—Грабещъ выходитъ,
сопровождаемый слугами съ факелами, за нимъ всѣ со-
участники ширшества, и Костринъ выходитъ послѣднимъ).

СЦЕНА 2-я.

Лѣсъ передъ кельей отшельника.—Буря дѣлится.—Отшельникъ
и Киркоръ.

КИРКОРЪ.

Укройся въ келью, старче, а не то
Твои сѣдые волосы своруетъ
Гроза. Событья крадутъ какъ и люди...
Воръ плащъ сорветъ, нужда рубаху сниметъ.
На все потребно отвѣчать рукой
Вооруженной. Но грустишь ты рано,
Тебѣ я присягаю, что погибну
Иль отыщу корону, что пропала.
Вотъ, хоть и близко домъ мой, и хоть могъ бы
Я тысячу взять на устахъ жены
Счастливыхъ поцѣлуевъ, и нанитъ
Какъ пташка, въ чашѣ розовой, клюя
Росинки,—я хочу отъ наслажденья
На время отказаться, и до Гнѣзна
Домчавшись ночью, людъ собрать, и всѣхъ
Оповѣстить, что ты, наслѣдникъ правый,
Отъ кражи отъ безчестной пострадалъ.
Потомъ велю, по городу и краю,
Я огласить, чрезъ голосъ трубачей,
Что, если кто придетъ, увѣнчанъ вѣрной
Короною Пенеловъ, притязая
На тронъ законный Ляховъ, я ему
Въ лицо бросаю зовъ, что онъ обманщикъ;
Ему на лбу я вышину мечомъ
Заслуженное слово: *Воръ*. Молись же,

О, старче, чтобъ въ бою я побѣдилъ,
И жди меня, чтобъ я къ тебѣ вернулся.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Да непошлетъ тебѣ благословенье
Господь!

КИРКОРЪ (хлопаетъ въ ладоши,
входитъ солдатъ).

Всѣ на коней! Намъ нужно въ Гнѣзно,
И спѣшно!

(Рыцарь уходитъ).

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Слушай, дамъ тебѣ совѣтъ я,
Вернись въ свой замокъ, отдохни, а послѣ,
Размысливъ, самъ рѣши, что предпринять.

КИРКОРЪ.

Я, старче, знаешь, человекъ лѣнивый,
Всю барщину хочу отбыть сегодня;
А цѣликомъ отбивши, жить счастливымъ
Съ своей женою милою. Всю отчизну
Сложу тебѣ на плечи; а когда
Вещами и людьми ты будешь двигать,
Спокойный въ замкѣ я замкнусь своимъ.
Лишь былъ бы у меня свой садъ плодовый,
Да малаго бѣ мальченку я качалъ,
Родимое дитя, о томъ молюсь я.
А ты съ престола въ хату каждый годъ
Письмо писать мнѣ будешь. Пусть, какъ съ неба,

Ко мнѣ, разъ въ годъ, примчится голубъ бѣлый,
Что принесетъ подъ крылышками повѣсть,
Исполненную тѣхъ величій громкихъ,
Что будятъ смѣхъ, и сонъ даютъ спокойный
Подъ липами... Завидовать мнѣ будетъ
Король, затѣмъ что у меня жена,
Ребенокъ, липы, холодокъ привѣтный,
И сны подъ липой, и златистый медъ.
Прощай! Прощай! Предъ тѣмъ какъ вспыхнетъ
солнце,

Въ столицѣ буду. На коней! Гонь! гонь!
(Киркоръ уходитъ.—Слышенъ топотъ удаляющихся).

Отшельникъ (одинъ).

О, Боже, Боже! Пусть вернется въ Гнѣзно
Скорѣе, чѣмъ прижать къ своей груди
Кровавую жезу свою. О, если бѣ,
Ты никогда не зналъ, Киркоръ, кака
Мать будетъ у дѣтей твоихъ! Когда бы
Какъ первую награду Богъ тебѣ
Послалъ вдовство скорѣе, чѣмъ отцовство!

(Слышенъ голосъ вдовы).

Вдова (за сценой).

О, бѣдная я, бѣдная!

Отшельникъ.

Какой тамъ

Печальный голосъ, полный горькихъ слезъ?

Вдова (за сценой).

О, бѣдная я, бѣдная!

(Вдова входитъ какъ слѣпая, ища дороги рукой).

Отшельникъ.

Идетъ

Какая-то тамъ женщина слѣпая,
Какъ будто бы лоскутъ, и въ лоскутъ;
Совсѣмъ одна.

(Къ вдовѣ).

Откуда, мать, идешь ты?

Вдова.

Мать говоришь? Нѣтъ, нѣтъ! О, ради Бога,
Дурная дочь, меня такъ не зови.
Собачья мать!

Отшельникъ.

Откуда ты, бѣдняга?

Вдова.

Я не бѣдняга... Я сѣда, сѣда,
Какъ голубочекъ бѣлый, я сѣдая.—
Не знаешь, что случилось? Дочь моя,
Графиня, пани важная, а я
Подъ вѣтромъ, съ головой такою бѣлой,
Перунамъ говорю: Въ меня, въ меня!
И слушать не хотять... А въ замкѣ панскомъ
Пьянчужки собрались, и пьютъ себѣ,
Другъ друга поздравляютъ, потому что
Пьетъ дочь моя, что важная есть пани...

Ты разумѣешь?.. Замокъ тамъ и башни...
Графиня...

Отшельникъ.

Какъ зовется дочь твоя?

Вдова.

Зовется дочь. Но только я не вѣрю,
Чтобъ очи въ головѣ она имѣла,
Что плачутъ, очи.—Въ эту непогоду!
Въ такіе громы-молніи, на дождь,
Родную выгнать мать! Ее кормила,
Надъ ней свои я груди засушила,
Отъ старости суха, и волосъ бѣлый,
Какъ что-то, что святое!

Отшельникъ.

Заходи

Въ мой малый домикъ, ты совсѣмъ издрогла.

Вдова.

И замокъ цѣлый ей принадлежить,
Огромный замокъ, словно бы полміра...
Графиня, видишь...

Отшельникъ.

Ну, иди сюда.

Вдова.

Здѣсь буду ждать,—что, знаетъ дочь моя,
Гдѣ домикъ твой? Кто знаетъ, вѣдь быть можетъ,
Какъ песь залазетъ на какой лоскутъ,

Она вотъ тутъ о матери и вспомнить,
Велитъ меня искать по бѣлу свѣту...
Быть можетъ. Богъ вѣдь знаетъ милосердые?

Отшельникъ.

Иди, ночь бури въ хатѣ переключешь,
Когда жъ на небѣ заблеститъ зоря,
Я къ королю тебя сведу, немедля,
Ему ты въ ноги бросишься, и будешь
О милости просить.

Вдова.

Скажу ему...

Я мать-бѣдняга... Въ ноги тотчасъ брошусь...

(Становится на колѣни).

Король! панъ золотой! скажи ты дочкѣ,
Которая въ обильи золотомъ,
Вели ей, чтобъ она меня любила.

(Встаетъ).

Король съ престола встанетъ и проводить
Меня до сердца дочери. О! о!

(Плачетъ).

Ты знаешь, я наплечникъ свой сняла,
Шнурокъ его вокругъ шеи обмотала,
Повѣсилася на соснѣ скрипящей,
А дерево сломилось...
Глупа, слѣпа, гнилой сучекъ избрала,
Гнилая вѣтка, злая дочь сосны.
О, гадина, надъ матерью-вдовою
Не сжалилась! А я бы крошкой хлѣба

Жила въ твоихъ палатахъ. Пусть твоя
Рука, крупной въ травѣ кормя голубокъ,
Не отгоняла бѣ только и родимой
Отъ зернышекъ. — Въ лѣсъ выгнать! Въ бурю

выгнать!

Мать выголкай!.. Упала въ лужу я,
И громъ червонный съѣлъ въ рѣсницахъ очи,
Ихъ выгрызъ до конца...

Отшельникъ.

Ослѣпла ты?

Вдова.

Мозгъ въ страхахъ мрака, точить тьма его.
Еще въ послѣдній вечеръ столько свѣта
Имѣла я, что тамъ могла за лѣсомъ
Такъ ясно различить, гдѣ солнце свѣтитъ,
Гдѣ мѣсяцъ, а теперь...

(Блескъ молніи).

Отшельникъ.

Теперь и свѣтъ

Той молніи не свѣтитъ?

Вдова.

Взоръ людей

Устережетъ ли отъ руки Господней?
И что мнѣ въ томъ, что затемненъ мой взоръ?
А знаешь, знаешь ты, теперь я вѣрю,
Во что я вѣрить раньше не могла,
Что ласточки, что пташки, ежегодно,

Предъ тѣмъ какъ улетаютъ за моря,
Своихъ ослабшихъ матокъ удушаютъ.
Такъ, такъ, такъ... Люди правду говорятъ.
Какъ по міру пойду за коркой хлѣба,
Я пѣсенку грошовую сложу,
О ласточкахъ, о черныхъ, о касаткахъ,
Что душатъ матерей... Прошу покорно.
Безжалостность такая въ малыхъ пташкахъ.
Мать старую, голодную, швырнуть
На всѣ четыре вѣтра, пусть терзаютъ
За волосы сѣдые.

Отшельникъ.

Въ этомъ мірѣ

И тысячи почтенныхъ упадаютъ
Какъ жертва злыхъ. Когда бѣ тебя я взялъ
Въ свидѣтели несчастій?

Вдова.

Мать и ты?

Ты тоже мать? Такъ не пойду съ тобою,
Не то мы будемъ ссориться и спорить,
Кто лучше называется, моя ли,
Твоя ли дочь... Моя... Ахъ, коль изъ гроба
Мени ты вызывалъ бы, восклицай
Яснѣе: Балладина. Ну, пойду,
Теперь пойду, ручей найду, и буду
Какъ воробей въ немъ пить, все задирая
До пана Бога голову: Спасибо.
Даль мнѣ воды.

(Пацѣваетъ, бормоча).

Была одна у старой
Коровка, хата, садъ,
Двѣ дочери...

(Уходить въ лѣсъ).

Отшельникъ.

По всей странѣ ту мать искать велю я,
И страшный судъ осудить дочь ся.

(Уходить въ келью).

СЦЕНА 3-я.

Ночь.— Блескъ молній.— Зала безъ освѣщенія въ замкѣ
Киркора, Искорка и Хохликъ выходятъ изъ дверей, черезъ
которыя послѣ пира проводили Грабка.

Искорка.

Пашъ панъ уснулъ на башнѣ,
Глубоко спить; лечу я,
Предъ тѣмъ какъ буря стихнетъ,
Купаться въ блескъ молній.

Хохликъ.

А я лечу въ конюшню,
Охотиться въ конюшнѣ,
Гдѣ нѣтъ сороки мертвой,
Прибитой у воротъ.
Ты знаешь, одноглазый
На башнѣ сычъ есть сѣрый,
Просилъ меня на пиръ онъ,
Я долженъ поспѣшить,

А то, коль возгнушаюсь
Заклеванною мышью,
Обиженъ будетъ филинъ,
Посмотрить криво онъ.

Искорка.

Мать аиста съдую
Лечу я накормить;
Глуха на право ухо,
Притомъ же и слѣпа;
Вчера я спасъ бѣднику
Отъ хлопскаго цѣпа.
Пельзя мнѣ больше медлить,
А то въ такую ночь,
Быть можетъ, такъ ей страшно,
Что духъ изъ старой прочь.

Хохликъ.

Что тамъ за стукъ?

Искорка.

То буря

Всѣ двери заперла.

Хохликъ.

Тсс... Чу, подходитъ кто-то...

Искорка.

Вся въ бѣломъ... тѣнь пришла...
Лечу черезъ окошко...

(Вылетаетъ черезъ окно).

Хохликъ.

За нимъ. Скорѣй, за нимъ.
Туда, гдѣ кони замка,
Тамъ травлю учинимъ.
(Вылетаетъ).

СЦЕНА 4-я.

Та же самая зала.—Балладина, одна, входитъ въ ночномъ уборѣ, съ пожомъ въ рукѣ.

Балладина.

Спать не могла, ножъ близъ меня лежалъ,
Взяла. Въ рубахѣ—стыдъ. Какъ увидала бы
Тебя съ ножомъ въ рубахѣ кто-нибудь?
Какъ здѣсь темно!..

(Идетъ къ башнѣ).

Тсс!.. Что за шорохъ тутъ?

Ворвался вѣтеръ, и свѣча потухла...
То привидѣнье... ничего не слышно...
Весь замокъ спитъ глубоко... Но коль спитъ онъ,
Тотъ человѣкъ, съ открытыми глазами,—
То чтб, то чтб? Коль нынче не свершу,
Жалѣть я буду завтра, мнѣ извѣстно,
Жалѣть я буду завтра. Дверь за мною
Отъ вѣтра затворилась, мнѣ жъ казалось,
Что темный духъ дверь замыкалъ за мной;
И въ сторону я ту не посмотрѣла,
Ужасное боясь тамъ увидать.

(Оглядывается).

Вѣдь видишь, ничего нѣтъ, ничего нѣтъ.
Лишь темный воздухъ; никакихъ нѣтъ духовъ.

(Блескъ молній).

Да хвалить Бога всякій духъ. Какая
То молнія червонная была!
Я бѣлыми всѣ стѣны увидала...
Тсс... Ничего не слышно... Поспѣши...
Но ежели то зарево отъ молній
Падетъ мнѣ на лицо, когда я буду
Стоять надъ нимъ съ ножомъ,—ну, что жъ тогда?
Огонь покажетъ мѣсто, гдѣ ударить.—
О, молніи, день красный сотворите
На лонѣ ночи; моего дѣянья
Вы будьте солнцемъ искристымъ.—Иду.
(Выходитъ на башню).

СЦЕНА 5-я.

Та же самая зала.—Костринъ, входитъ вооруженный, съ
обнаженнымъ мечемъ.

Костринъ.

Открыты двери. Проводи жъ, фортуна,
Меня туда, и помоги съ златого
Тельца руно мнѣ срѣзать, какъ Язонъ,
И присягну, хоть висѣльника сынъ я,
Взойду на тронъ какъ княжичъ; нынче я
Служитель худшихъ, завтра же владыка
Надъ тысячами лучшихъ предо мной...
Тссъ. Это сычъ на башнѣ замка, филинъ.

Готово все. На лѣстницу взойдемъ...
Вотъ пукъ ключей отъ замка, и ворота
Раскрыты будутъ. Обовью подковы
Коню, и съ той короной въ темной ночи
Какъ черный духъ исчезну; и съ женою
Прелюбодѣйной—конченъ счетъ навѣкъ.
Веди же, Сатана!

(Хочетъ идти на башню, и въ дверяхъ наталкивается на
возвращающуюся Балладину).

Кто тутъ?

(Отступаетъ въ страхѣ).

Балладина.

Я!

Костринъ.

Ты...

Одна и въ темнотѣ... что это значить?
Я слышала стонъ какой-то, шелъ спасать.

Балладина.

Пусть свѣтъ увижу; принеси мнѣ свѣта,
Какъ, вѣрно, я чудовищно красна.
Покончила... Кого спасать хотѣлъ ты?
Сдается мнѣ, что кончилась гроза,
Сверкать устала.—Такъ и ты услышалъ
Тотъ стонъ ужасный?.. Было слышно здѣсь?
То дивно. Какъ дышать переставалъ онъ,
Вдругъ разъ вздохнулъ... Костринъ, иди за
свѣтомъ,

Внизъ, внизъ!

(Костринъ выходитъ).

Какъ дивно пахну кровью я!..
Свершилось, стало; и теперь напрасно
Жалѣть о томъ. Свершилося... пройдетъ.
Когда-нибудь все трупамъ мы будемъ...
Свѣчу... мой замокъ весь за свѣтъ свѣчи!

(Костринъ входитъ безъ свѣта).

Костринъ.

Въ кирпичной нашей крѣпости все спитъ,
Погасли даже факелы, что тлѣли
При входѣ въ замокъ. Разбудить прислугу?

Балладина.

Нѣтъ, не буди... не надо... никого.
По локоть я должно быть загрязнилась.
И пахну страннымъ запахомъ.

Костринъ.

Корону

Взяла?

Балладина.

Нѣтъ... стой. Здѣсь жди. Пойду за нею,
Я не боюсь... Я знаю, гдѣ постель.

(Балладина уходитъ на башню).

Костринъ.

Какая храбрость страшная. Почти я,
Готовъ тебя благодарить, о, Боже,
Что крадетъ у меня она тотъ ужасъ
Дѣянiя... Хотѣлъ бы лобъ ей
Узрѣть,—какой блѣднѣетъ лъвица краской.

(Балладина возвращается безъ короны).

Балладина.

Ощупывала столъ во тѣмѣ напрасно,
На немъ черты холоднаго лица.
Быть можетъ, то не столъ быть...

Костринъ.

Стой на стражѣ,
А я пойду искать...

Балладина.

Стой, не ходи...

Я, впрочемъ, не боюсь... И не жалѣю...

(Костринъ уходитъ на башню).

Я знаю, что у Ляховъ постоянно
За часомъ сожалѣнье наступаетъ,
И голова кружится, сонъ отравленъ.
Сейчасъ, быть можетъ, бродитъ красный трупъ
Передъ очами спящихъ, и въ дремотѣ
Прощаются они съ безгласной тѣнью,
И знаменіе крестное творять.
Спускается по лѣстницѣ... все ближе...
О, какъ скрипятъ тѣ старыя ступени...

(Къ Кострину, который входитъ съ короной).

Нашель?... Ты что-то тамъ въ рукѣ сжимаешь?

Костринъ (пасмурно).

Да.

Балладина.

Дай!... Нѣтъ, нѣтъ, ко мнѣ не приближайся,
Не то я людямъ закричу: Спасите!...
Стой тамъ!...

Костринъ.

Что это значить? Говоришь ты
Въ безпамятствѣ.

Балладина.

Стой тамъ! не то я крикну,
Проснется замокъ... Стой вдали, пока
Та мысль въ тебѣ не кончится, не минеть.
Здѣсь въ воздухѣ она... ее я чую...
Костринъ, вѣдь ты меня хотѣлъ убить,
И сердце у тебя такъ громко билось,
Какъ у меня, когда я убиваю.

Костринъ.

Коль мыслилъ такъ, навѣкъ я проклинаяю
Тотъ уголъ мозга, гдѣ сейчасъ родилось
Такое сумасшедшее дитя.

Балладина.

Пойдемъ въ покои; въ горницахъ тихонько
Договоримся, что намъ дѣлать завтра.

(Немного разсвѣтаетъ).

Костринъ.

Киркоръ, какъ донесли мнѣ часовые,
Вернулся въ Гнѣзно, и грозилъ желѣзомъ
Тому, кто говорить о тронѣ сталь бы
Съ короной.

Балладина.

Ничего не значить это.
Людей имѣть я буду, и мечи;

И за меня вся эта толща встанетъ
Людей, которыхъ я кормлю здѣсь въ замкѣ.
Киркоръ не обезсилить дождь златой.
Тсс!

Костринъ.

На дворѣ—то воробьи щебечуть.

Балладина.

Какъ, уже день? О, Боже! Свѣтъ такъ бѣлъ.
Я млѣю, обмираю, дурно мнѣ.

Костринъ.

Иди, просни тотъ сѣрый часъ разсвѣта,
А солнце встанетъ, разбужу тебя.
Средь рыцарей вооруженныхъ встанешь.
Ужъ какъ никакъ, а войско мы склеимъ.
Дай ключъ мнѣ отъ сокровищницы, смѣрю
Я гарнцемъ злато, купимъ златомъ все.

Балладина.

Покончи и со старцемъ тѣмъ, что въ кельѣ,
И тайну будемъ знать лишь двое мы.

Костринъ.

Нѣтъ, тросъ, вѣдь беременная ты.

Балладина.

Какъ, и ребенокъ, что ношу въ утробѣ,
Онъ тоже будетъ знать? Поди ты. Тайна
Такая—въ нерожденномъ существѣ.

Смѣешься падо мной? Когда бъ такъ было,
Какъ говоришь! Да развѣ я шальная,
Чтобы родить живого? Нѣтъ не будетъ
Ребенокъ жить, и ничего не знаетъ.

Костринъ.

Пусть львица ляжетъ спать, проснется свѣжей
Для дѣлъ грядущихъ въ рыцарскомъ забралѣ.

(Выходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Раннее утро на лѣсной лужайкѣ.—Искорка и Хохликъ.

Искорка.

Какъ свѣжо за бурей, утромъ.
Былъ у анста я въ домѣ,
Налитался.

Хохликъ.

Я же въ замкѣ
Былъ на башнѣ у сыча.
Гдѣ же пани, гдѣ Гоплана?

Искорка.

Полечу опять я полемъ,
Полечу я лугомъ, боромъ,
И цвѣточки подниму;
Расчешу на грядахъ жито,
И надъ озеромъ замедлю,
Покричу: Мой лебедь, лебедь.

Пара бѣлыхъ лебедей,
Два любимчика Гопланы,
Вдоль по скатерти лазурной,
Приплывутъ ко мнѣ качаясь,
Бросивъ аиръ, заскользятъ;
Горсть золотыхъ я зеренъ брошу
Этимъ птицамъ, тѣмъ свѣжистымъ,
И въ орѣшину укроюсь,
Тамъ гдѣ лани листья рвутъ,
Мостикъ радуги повѣшу,
Цвѣтикъ розы разутѣшу,
И все дальше я, все дальше
На кузнечикѣ помчусь.

(Приливаетъ туманъ утренней мглы, освѣщенный радугой;
изъ подъ цвѣтныхъ вратъ выходитъ Гоплана).

Гоплана.

Обнимите меня, ангелочки,
Исчезаетъ Гоплана отъ васъ,
Навсегда. О, фіалки-цвѣточки,
Веселитесь свой часъ.

Искорка.

Что ты поешь?

Гоплана.

О, горе мнѣ, о, горе!

Я пѣсенку прощальную пою.

Искорка.

Еще камышъ растетъ на озерномъ просторѣ,
Отъ ласточекъ не гнетъ тростиночку свою.

Гоплана.

Я полечу въ ужасную краину,
Гдѣ боръ сосновый синь и старь,
Гдѣ солнце свѣтитъ какъ пожарь,
А мѣсяцъ, выходя въ небесную долину,
Глядитъ какъ бы одно изъ лицъ,
Что возникаютъ изъ гробницъ.
И ангелъ каръ за мной помчится,
Крича въ душѣ: *Скажи: что, снится
Край розъ тебѣ? Калины свѣтлый край?*
Здоровы будьте. Искорка, прощай.
Прощай, мой Хохликъ. Я дѣла людскія
Такъ спутала, что мститель-Богъ скорѣй
Взять долженъ громъ, и тучи грозовыя
Обрушить на вину людей.

Искорка.

Тебя не отпустимъ, Гоплана.
Гоплана! Гоплана! Постой!

Гоплана.

Я изгнана въ область тумана,
Я въ край ухожу снѣговой.
Когда-нибудь иташка чужая
Вамъ грустно споетъ обо мнѣ,
На Сѣверъ спѣшу, улетаю,
Лечу по моей же винѣ.

Хохликъ.

Въ дорогѣ тебѣ посвячу я,
Какъ свѣтитъ свѣтящійся жукъ,

Смотри, предъ тобой ужъ лечу я,
Съ фонарикомъ твой я гайдукъ.

Гоплана.

Сегодня продольнымъ отрядомъ
На Сѣверъ летятъ журавли,
Я къ нимъ прицѣплюсь, буду рядомъ,
И съ ними исчезну вдали.
Такъ дѣвушки въ водномъ просторѣ
Свой бѣдненькій топятъ вѣнокъ.

Искорка.

О, горе намъ! Горе намъ! Горе!

Гоплана.

Не плачьте. Напрасенъ упрекъ.

(Показываетъ въ глубь лѣса).

Тамъ шарфъ журавлей ниспадаетъ
На лугъ, что блистаетъ росой;
Когда онъ опять замелькаетъ,
За шарфъ ухвачусь я рукой,
въ высь полечу я, блѣднѣя,
Какъ утромъ при солнцѣ луна,
Какъ листъ, что срывается, рѣя,
Какъ листъ, межъ крылатыхъ, одна
Надъ Гнѣзномъ летя, надъ стѣнами,
Я все же замедлю во мглѣ,
И пѣснь залюю съ журавлями,
Прощальную пѣсню землѣ.

(Выходитъ, Искорка и Хохликъ летятъ за ней).

СЦЕНА 2-я.

Валь подь стѣнами Гнѣзна.—Киркорь съ обнаженнымъ мечомъ, съ орлиными крыльями на плечахъ, входитъ, предводительствуя войскомъ,—вьются хсругви—играють трубы.

Киркорь (къ рыцарямъ).

Тотъ человекъ, что о коронѣ Ляховъ
Упоминаеть, выйти не хотѣлъ,
Скрывается, какъ гадина какая,
И, золотомъ и лестью обѣщаній
Сторонниковъ себѣ купивши многихъ,
Тотъ подлый... этотъ рыцарь съ неизвѣстнымъ
Девизомъ хочеть тронъ добыть борьбою,
Сраженьемъ, гробъ мой выбравши себѣ
Какъ первую ступень до королевства.
Изъ рыцарей ужь многие (пусть Богъ
Насъ сохранить отъ слѣпоты подобной
И безразсудства) многіе къ шатрамъ
Обманщика ушли, но Богъ взираеть
Въ сердца людей съ небесъ; намъ не потребны
Измѣнники продажны. И скоро
Попель прибудеть, въ лѣсъ за нимъ послать я
Трехъ рыцарей, мы съ клеткотомъ орлинымъ
На лагерь самозванца золотой
Обрушимся.

(Къ рыцарямъ, стоящимъ на стѣнахъ).

Ворота замыкайте.

Съ окоповъ пусть на поле битвы смотрять,
И мѣтко, самострѣлы. Если бъ я

Бой проигралъ, погибъ, такъ еще долго
Валы васъ эти будутъ охранять.

Пусть головы сѣдья вамъ напомнятъ
Въ минуту страха, что стѣна на югъ
Слабѣе всѣхъ, тамъ надобно поставить
Стѣну людей. Но, если Богъ позволитъ,
Проснется городъ завтра вовсе вольнымъ
Отъ стая негодяевъ.

Рыцари.

Побѣдишь,

Киркорь.

Киркорь.

Коли Господь пошлетъ побѣду...

Когда-то я сложу свое забрало,
Когда я ворочусь къ моей женѣ!
Когда конецъ увижу всѣмъ кровавымъ
Разбоямъ и борьбѣ за королевство!

Одинъ изъ рыцарей.

Гонецъ.

(Входитъ гонецъ, покрытый пылью).

Киркорь.

Трехъ отправилъ я васъ въ боръ,
И что жъ вы—безъ отшельника Попела?

Гонецъ.

Ужасность!

Киркорь.

Или въ хатѣ не нашли
Вы старца? говори... Насъ битва ждетъ.

Гонецъ.

Онъ не былъ въ кельѣ, старшій человекъ тотъ;
По на скрипящей вѣткѣ передъ хатой
Безгласный, въ петлѣ трупъ его висѣлъ.
Съдыми волосами и одеждой
Разорванной лишь вѣтеръ забавлялся,
И словно нянька трупъ баюкала тотъ.

Киркорь.

Трубить по стану къ битвѣ. Такъ хотѣла
Судьба, до смерти горемъ былъ гонимъ,
И былъ убитъ безвѣстною рукою...
Ослабилъ сердце мнѣ разказомъ этимъ,
Въ бою отважнымъ будь... Такъ говоришь ты,
Висѣлъ онъ?

Гонецъ.

Да, висѣлъ въ своемъ уборѣ
Отшельника, предъ хатой. И ворона
Сидѣла тамъ и каркала на вѣткѣ...

Киркорь.

Идемте. Пусть хоругви пляшутъ въ вѣтрѣ...
Тѣснѣй ряды. Идемъ. Надежда наша
Въ безстрашии. Пускай начнутъ стрѣлки.
(Выходитъ съ войскомъ).

СЦЕНА 3-я.

Шатеръ Балладины.—Костринъ и Балладина, въ достѣхахъ,
со шлемами и опущенными забралами, входятъ на сцену.

Костринъ.

Въ шатрѣ останься, и не выходи,
Предчувствую, что вскорѣ все отряды
Киркора бой начнутъ. Внизу стоитъ онъ
Военнымъ станомъ, мы же наверху,
Нашъ лагерь какъ гнѣздо орлицы горной.

Балладина.

Черезъ мигъ предъ Богомъ много встанетъ душъ.

Костринъ.

Гдѣ хлѣбъ молотятъ, тамъ летитъ мякина
Подъ небо. Стой подальше отъ гумна,
Не расплетай на прядкѣ то, что было
Въ минувшемъ дивно такъ заплетено.

(Входитъ солдатъ).

Солдатъ.

Идутъ на приступъ все ряды Киркора,
Съ ужаснымъ крикомъ.

Костринъ.

Ну, мой королевичъ,
Прощай.

Балладина.

Мы побѣдимъ?

Костринъ.

Сиди въ наметѣ,

Не выходи, о, пани, изъ шатра.
И суетность тебя да не выводитъ
Въ златой одеждѣ къ солнечнымъ очамъ
И къ жаламъ стрѣлъ. Пусть, тихо напѣвая,
Ты будешь королевскій прясть уборъ,
Иль саванъ смерти: то или другое,
Тебѣ къ лицу... Ха! ха! пращой взметнута,
Свинцовыя сюда летять къ намъ пули.
Взгляни, они кольчаты... Гей, мой вѣрный
Оруженосецъ, гдѣ мое копье
И щитъ мой?
(Береть щитъ и копье изъ рукъ оруженосца и выходитъ).

Балладина (одна).

Если ждетъ его побѣда,
Какъ наградить его? Во всей землѣ
Металла столько въ нѣдрахъ не найду я,
Чтобъ горло Нѣмцу этому залить.
А если проиграетъ? Проиграетъ,
Такъ все минутой кончится ужасной,
Развязкой, словно сказка чаровницы:
Разъ проиграла, въ грудь себя ножомъ
Ударила, а ножъ тотъ былъ отравленъ,
Ядъ гадины всочился въ остріе.
Гдѣ женщина, которую въ лѣсу я
Увидѣла, похожую на дубъ,
Грозой разбитый... Вѣдмѣ приказала
Я гнаться вмѣстѣ съ воронами смерти

Вослѣдъ обозу; принести мнѣ яду,
И этотъ ядъ чтобъ взять былъ у змѣи.

(Входитъ старая женщина въ лохмотьяхъ, поднимая занавѣсъ намета).

Здѣсь?

Старая.

Принесла рожокъ я людомора.

Балладина.

Дай... и бѣги скорѣе въ чащу бора,
Бѣги скорѣе, вѣдьма, говорю;
На комъ-нибудь испробовавши ядъ твой,
Я заплачу тебѣ... Прочь, а иначе
Тебя здѣсь схватятъ рыцари мои,
И сплавятъ по рѣкѣ.

(Старая женщина убѣгаетъ).

Какая вѣдьма!

Страшилище... На головѣ какъ будто
Висятъ шпурки змѣинаго гнѣзда,
Кровавятся глаза, какъ зубы волчьи,
Обмоченные въ падали лѣсной.
Отравленный тотъ ножъ грудь разорветъ мнѣ,
Коль въ руки мужа попаду живой,
Осиннымъ жаломъ онъ меня укуситъ
Здѣсь, въ бьющееся сердце. Вотъ, съ одной
Онъ стороны помазанъ, и ужасно
Вдругъ почернѣлъ, и ржавчиной краснѣетъ,
Позеленѣлъ; а сторона другая,
Слюной змѣи не тронута, чиста,

Какъ лезвіе, что только отточили.
Что слышно?

(Входитъ солдатъ).

Солдатъ.

Пане! все на полѣ битвы,
Какъ въ тучѣ грозовой, и тьма и вихрь.

Балладина.

Теряемъ мы?

Солдатъ.

Гдѣ холмъ и гдѣ окопы,
Ростутъ березы надъ ключомъ, я видѣлъ,
Весь валомъ окруженъ людей убитыхъ,
Упорно бьется графъ Киркоръ, и свѣтлой
Сѣкирою сбъчетъ своихъ враговъ.

Балладина.

А съ чѣмъ же, человѣче, ты былъ присланъ
Ко мнѣ?

Солдатъ.

Князь, доношу тебѣ, что двѣсти
Людей, что подкупили мы вчера,
На подѣ битвы, изъ рядовъ Киркора,
Къ намъ перешли. И если разметнется
Стрѣльцовъ громада на крылѣ на лѣвомъ,
Подкупленная золотомъ,—день нашъ.

Балладина.

Еще не перешли. Когда въ измѣнѣ
Затяжка, это хуже есть, чѣмъ вѣрность...

Ступай съ желѣзной ложкой въ кашу боя,
И если голова вождя какого
Въ ней будетъ, будешь паномъ... Разумѣешь?
Изъ-за горы легко подкрасться, сзади—
Вскочить на плечи—въ лобъ стальной ударить
Чеканомъ тяжкимъ... Въ бой... чтобъ убивать.

(Входитъ другой гонецъ).

Гонецъ.

Ужъ лѣвое крыло дрожить, рѣдѣя,
И убѣгаетъ въ Гивзно... Вскорѣ битва
Окончена... Побѣда будетъ наша...

Балладина.

Гонецъ счастливой вѣсти, вотъ награда...

(Даетъ ему денегъ).

Что, вождь враговъ взять въ плѣнъ?

Гонецъ.

На маломъ взгорьи

Я видѣлъ, стигъ Киркора воткнуть былъ,
Тамъ, на холмѣ, гдѣ три растутъ березы;
А валъ убитыхъ выросъ такъ высоко,
Вокругъ него, что, ужаса полны,
Ни окомъ взять вождя мы не могли,
Ни преступить чрезъ этотъ валъ умершій.

Балладина.

Коль мужества ты полонъ и огня,
Коль хочешь серебра кошель, весь полный,
Иди на это взгорье; и по ребрамъ

Убитыхъ, какъ по лѣстницѣ, входи,
Ихъ волосы пускай веревкой будутъ.
Иди и убивай...

(Слыши радостные крики).

Что тамъ за вскрики?

(Входитъ Костринъ вооруженный и покрытый кровью).

А что-жь Киркоръ?

Костринъ.

Погибъ.

Балладина (пряча ножъ, отравленный съ одной стороны).

Ужь ножъ готовъ
быль...

Обязана я жизнью тебѣ.

Пусть головы начальниковъ посниметъ

Палачъ. Распоряженія отдай...

(Костринъ выходитъ).

Голоса за наметомъ.

Нашъ вождь, Фонъ Костринъ, да живетъ вѣка!

Балладина.

Нашъ вождь, Фонъ Костринъ, да живетъ вѣка!..

Какъ глупая сорока, повторяю...

На шею къ Нѣмцу брошусь поскорѣе

И петлей поцѣдуевъ задушу.

(Костринъ вводитъ посольство изъ столицы.—Одинъ изъ обывателей несетъ на золотомъ подносѣ хлѣбъ и соль).

Костринъ.

Посольство изъ столицы подчиненной.

Балладина.

А вѣшать ты велѣлъ?

Костринъ.

Уже столпились

Зачинщики мятежниковъ подъ грушей,

И тѣшится она, что дважды въ этомъ

Году плодами уберется вся.

Балладина (къ посольству города).

Чего хотите вы?

(Послы преклоняють колѣни).

Посольъ города.

О, ангель съ неба!

Къ тебѣ сердца народа-сироты

Возносятся, будь господиномъ крал.

Столица, преклонивъ свои колѣна,

Съ раскрытыми вратами ждетъ тебя.

Привѣтъ тебѣ, любезный господинъ нашъ.

Сокровища, сердца, и все, что есть,

Къ твоимъ ногамъ ручьемъ, кипитъ, польется,

Ужь заслужилъ признательность народа,

Достоинно коповодовъ покарать,

Что соблазнили насъ. Они держали

Насъ въ городѣ мученьемъ, и мечомъ,

И голодомъ; а мы тебя искали.

О, если бы намъ зпать, что между нами,
Великій пане, ни одинъ измѣнникъ
Не есть достойнъ гнѣва твоего,
О, если-бъ жилъ ты долго, и сокровищъ
Взялъ полною рукою, и несчастныхъ,
Недолей притѣсненныхъ, предъ тобою
Лежащихъ въ прахѣ, съ ласкою пріяль.
Привѣтствуемъ тебя хлѣбъ-солью, пане.

Балладина (къ Кострицу).

Что, ни одинъ изъ этого вотъ сброда
Не поднималъ оружья на меня?

Костринъ.

Здѣсь двое есть, что въ городъ на битву
Народъ вели своими языками.

Балладина.

Гдѣ?

Костринъ (показывая).

Панъ бурмистръ „Курьеръ“, и тотъ, „Письмо“.

Балладина.

На башнѣ колокольной тѣхъ бурмистровъ
Обоихъ вздернуть.

Первый изъ пословъ.

Пане, иль въ груди

Хранишь изъ камня сердце?

Балладина.

Нѣтъ же, нѣтъ же,

Вы просите,—обоимъ ласка вамъ.

Имъ зубы выбить, челюсти сломать,
Пусть не вступаютъ въ бой.

Первый изъ пословъ.

Такъ невозможно

Тебя ни стономъ тронуть, ни слезою,
Желѣзный панъ панъ?

Балладина.

Женщина, не панъ я.

(Видя, что они отступаютъ съ ужасомъ).

Что-жь? отступили словно отъ заразы,
И снова, какъ подъ вѣтромъ нива бьется,
Бьютъ головами?

Первый изъ пословъ.

Ждемъ твоихъ приказовъ,

Владычица, правь съ волею народа.

Балладина.

Не съ волею народа, безъ нея...
Дать хлѣбъ и соль. Послы, я довѣряю
И тѣсту и дрожжамъ, что въ этомъ тѣстѣ.
Иди сюда, Костринъ. Тебѣ такъ много
Обязана я нынѣ, что по праву
Поль-города тебѣ принадлежить,
Добытаго, и половина края,
И хлѣба половина....

(Вынимаетъ польъ, отравленный съ одной стороны, и раз-
рѣзаетъ хлѣбъ на-двое).

Всѣмъ дѣлюсь я...

А сердце ты получишь цѣликомъ.

О, королева!
Костринъ (преклоня колѣно).

Балладина (пробуя хлѣбъ, видитъ, что Костринъ ѣсть поданную ему половину).

Поступай какъ я.

Хлѣбъ поданныхъ беру безъ страха яда.
Хотя бы вмѣсто жита, струнья гада
Желѣзнаго они смѣсили, ѣшь
И вкусенъ будетъ хлѣбъ, желѣзомъ взятый...
Ѣшь, ѣшь, прошу... Намъ нужно людямъ вѣрить.
Теперь велите въ трубы затрубить
Побѣдныя. Воители, идемте,
Въ столицу, гдѣ открыть желѣзомъ входъ.
(Выходить, опершись на Кострина, за нею послы и народъ).

СЦЕНА 4-я.

(Королевская зала въ Гизвѣ.—Въ глубинѣ тронъ.—У подножя трона канцлеръ. — Паны панства. — Вавель лѣтописецъ.—Пажь.—Придворные.

Канцлеръ.

Готово все къ принятію владыки.
Теперь на лавкахъ сядьте по порядку,
Вожди и судьи передъ самымъ трономъ,
И ключники, и кравчіе при нихъ.
Король пусть новый разомъ всѣхъ увидитъ.

(Входитъ гонецъ).

Гонецъ.

Сановники пресвѣтлые, несу я
Вѣсть важную. Король нашъ, господинъ нашъ,
Владыка новый: женщина.

Канцлеръ.

Владыка

Есть женщина?

Всѣ.

Есть женщина король!

Канцлеръ.

Какъ Ванда, пусть отважной будетъ, доброй,
Но пусть счастливѣй будетъ.

(Входитъ другой гонецъ).

Гонецъ.

Возвѣщаю

Сановникамъ пресвѣтлымъ: Королева
Уже вступила во врата столицы.

Канцлеръ.

Велите, пусть звонятъ въ колокола,
На баниѣ цѣлый день пусть звоны бьются,
Какъ у народа—сердце.

Первый изъ пановъ.

Прорицатель

Не можетъ чудо изъяснить, что нынѣ
Явилось народу. Всѣ въ тревогѣ.

КАНЦЛЕРЪ.

Какое чудо?

ПЕРВЫЙ ИЗЪ ПАНОВЪ.

Свыше описанья.

Коли хотите, вамъ его разкажетъ,
И въ книги впишетъ лѣтописецъ мудрый,
О Гибзиенскихъ гласящій короляхъ.

КАНЦЛЕРЪ.

Вавель премудрый, самъ ли видѣлъ чудо?

ВАВЕЛЬ.

Свидѣтельствую то, какъ очевидно,
Что многіе увидѣли. Сегодня
Былъ сумракъ утромъ, справа, какъ и слѣва,
Но прояснилось на восходѣ солнца.
И вдругъ увидѣлъ въ точности я самъ...
Изъ глубины небесъ, откуда свѣтитъ
Блестящій Орионъ, лети явился
Шнуръ бѣлоцвѣтный быстрыхъ журавлей,
На немъ повисши бѣлыми руками,
Летѣла въ небѣ млкстая жена.

КАНЦЛЕРЪ.

Все собственными видѣлъ ты очами,
Вавель премудрый?

ВАВЕЛЬ.

И не только я,
Но многіе; свидѣтельствую твердо.

ПАЖЪ.

Я видѣлъ самъ изъ лѣса, что надъ Гопломъ,
Дѣвица съ журавлями улетала.
Упавши на послѣдняго изъ стаи,
Вкругъ шеи птицы ручки увязала,
А съ головы разсыпала волною,
Какъ солнце, кольца искристыхъ волосъ,
И на волнѣ волосъ, что развѣвались
Златистые, лежала и плыла.

КАНЦЛЕРЪ.

Ребенка нужно очи, чтобъ увидѣть
На лоскуткахъ небснаго холста
Лишь четкій.

(Темнѣетъ какъ передъ грозой).

ПЕРВЫЙ ИЗЪ ПАНОВЪ.

Что такое? Мракъ печальный
Упалъ на лица наши и на тронъ,
Какъ будто бы позеленѣлость солнца,
Объятаго затмѣнїемъ; предъ нами
Мы блѣдными предстанемъ.

Нѣкоторые.

Мракъ ужасный!

(Входитъ стражникъ съ башни).

СТРАЖНИКЪ.

Надъ куполами замковъ королевскихъ,
Откуда золоченая игла

Восходить въ небо, туча, чудо-туча
Вкруг той иглы вѣнкомъ свилася чернымъ,
Все тяжелѣ виснетъ надъ крыльцомъ,
Гдѣ музыка придворная. И небо,
Вся темная небесная равнина,
Какъ бы одною тучею смѣется
И угрожаетъ.

Канцлеръ.

Бить въ колокола!

Стражникъ.

Огнистый пурпуръ—лоно тучи той...

Канцлеръ.

Дождь нуженъ, пусть идетъ.

Стражникъ.

На черномъ возѣ

Ста журавлями мчимая изъ Ада,
Явилась блѣднолицая колдунья,
И стадо журавлей змѣями сѣкла,
И направлялась къ тучѣ, что надъ замкомъ.
Теперь она во мглѣ, но стонъ угрюмый
Тѣхъ адскихъ птицъ исходитъ изъ тьмы.
Вы слышите?

(Слышеть стонъ съ башни).

Канцлеръ.

Какой-то стонъ безвѣстный.

Ужасно!

Паны (стремясь съ лавокъ).

Канцлеръ.

Съ лавокъ пусть никто не рвется.
А ты должно быть, стражникъ, просто пьянъ,
И выдумалъ ту вѣсть о чаровницѣ.

Стражникъ.

Я видѣлъ самъ, народъ окольный видѣлъ,
И Гибзненскій народъ весь.

Привѣтственные крики (за сценой).

Королева

Да здравствуетъ!

(Входитъ Балладина въ королевскомъ уборѣ, король.—Король
стричь въ латахъ.—Народъ).

Канцлеръ.

Да освятится голова, о, пани,
Что принесла корону намъ Поселовъ.
Привѣтъ тебѣ, владычествуй такъ мудро
И изобильно, чтобъ къ святѣйшимъ цѣлямъ
Ты съ Богомъ проводила свой народъ.
Одежду чистоты надѣнь на бедра,
И къ небу вознеси чело. Виновнымъ
Прощенье даруй, алчущимъ дай хлѣба,
И всемъ да управляетъ справедливость.

Балладина (съ трона).

Что жь дѣлать я должна?

Канцлеръ.

Законовъ нашихъ

Обычная заботливость о благѣ

Народа съ давнихъ лѣтъ установила,
Чтобы король, предъ тѣмъ какъ онъ впервые
За столъ свой сядетъ, передъ тѣмъ какъ отдохъ
Нахмуренному дать челу, что носить
Преславленную, но тяжкую корону,
Возсѣлъ на лавку суди, рѣшая,
Какъ преступленій узелъ развязать.

Балладина.

Какъ вашъ уставъ велить, пусть такъ и будетъ...
(Костринъ шатается и падаетъ).

Первый изъ пановъ.

Что это значить? Вождь упалъ, блѣднѣетъ!

Балладина (подступая къ лежа-
щему Кострину).

Что это значить?... слабость?

Костринъ.

Умираю.

Балладина.

Мой господинъ! мой милый!

Костринъ.

Прочь, колдунья

Отравная! Ее съ престола сбросьте!

Я первый отворю рядъ гробовъ

Для тысячъ тѣхъ, что власть ея узнаютъ.

Балладина.

Въ горячкѣ онъ! Отсюда унесите!
Онъ стынетъ. Лѣкарь пусть какой-нибудь
Ему вернуть здоровье, я жъ за это
Въ награду половину дамъ страны.

Лѣкарь.

Ужъ умеръ.

(Выносить тѣло Кострина, лѣкарь идетъ за нимъ).

Канцлеръ.

Пани, страшную утратой
Смущенная, снеси ее съ терпѣньемъ.
При самомъ вхождѣ на златой престоль
Богъ показаль тебѣ, что призракъ смерти
При этихъ ступеняхъ стоитъ—и ждетъ насъ.

Балладина (къ самой себѣ).

Ужъ прошлое замкнулося въ гробахъ.
И я одна моею владѣю тайной.

(Громко).

Военноплѣннымъ расковать оковы,
На площадяхъ вездѣ столы разставить,
И нищимъ каждый день давать ѣду.

Канцлеръ.

Тебѣ благодаренія и слава!

Балладина.

О славу не забочусь, и отнынѣ,
Взнесся надъ сужденіемъ людей,

Я буду тѣмъ, чѣмъ и давно была бы,
Когда бь родилась подъ иной звѣздой
Жизнь полная труда, короной нынѣ
Пресѣчена, двѣ половины въ ней.
Минувшее отпало, какъ отъ стали,
Которую на сторонѣ одной
Слюна змѣи отравой напоила,—
И половина яблока летитъ,
Гнилая, почернѣлая отъ яда.
Меня не знали бы такой, какою
Была я; такъ пускай народъ не смотритъ
Въ минувшее мое. Что я сказала,
То знаете вы всѣ. Пусть остальное
На исповѣди знаетъ духовникъ.
А, вотъ еще! Найдите тѣло графа
Киркора въ той громадѣ мертвыхъ тѣлъ,
На взгорьи, гдѣ теперь одни березы
Бѣлѣются, обрублены мечами,
Взнести носилки съ шелковой постелью,
И снащѣ снесите такъ останки
Киркора... Предъ носилками пусть плачутъ
Толпы народа, тысячи, жалѣя
О томъ, кто палъ моимъ врагомъ съ оружьемъ...
И мужемъ былъ моимъ; я правду молвлю,
Что Графа я умершаго вдова.
Но пересказовъ пусть въ толпѣ не будетъ;
Что нужно было молвить королевѣ,
Промолвила она. Пусть остальное
На исповѣди знаетъ духовникъ.
Теперь же, канцлеръ, предо мной исчисли

Дѣянья злыя—будетъ первый судъ мой,
Коль ложный приговоръ произнесу,
Пусть изъ меня гнѣздо червей возникнетъ!
Пусть я сгорю въ огнѣ! Меня не сдержитъ
Ни доброта, ни слабая тревога,
Не заблудять—ни бѣсъ, ни человекъ,
Себѣ я присягаю, въ зрѣньи Бога,
Быть справедливой.

Канцлеръ.

Вѣстникъ!

Судебный вѣстникъ.

Судъ открыть.

Канцлеръ.

Вотъ здѣсь законовъ книга, вотъ Спаситель
На древѣ на изсохшемъ распростертый.
Цѣлуй и крестъ и книгу.

Вѣстникъ.

Обвинитель!

(Предстаетъ лѣкаръ замка).

Канцлеръ.

Кто ты?

Лѣкаръ.

Я лѣкаръ королевскій.

Канцлеръ.

Дѣло?

ЛѢКАРЬ.

Объ отравленьи ядомъ.

КАНЦЛЕРЬ.

Кто отравленъ?

ЛѢКАРЬ.

Костринъ. Твой вождь, о, ласковая пани,
И мощная, отравленный скончался;
Великій рыцарь ядомъ умерщвленъ,
Который носить имя людомора.
На тѣлѣ у него желѣзнымъ цвѣтомъ
Явились пятна, тысяча; онъ мертвъ.

КАНЦЛЕРЬ.

Кого винишь?

ЛѢКАРЬ.

Пусть судъ виновныхъ ищетъ.

БАЛЛАДИНА.

Преступникъ неизвѣстень? Отложить
До новаго суда то преступленье.
Пусть знаетъ онъ раскаянiя часъ.

КАНЦЛЕРЬ.

Обычай края, пани королева,
Хотя бь надъ неизвѣстнымъ, приговоръ
Произносить, и мечъ держать подъятый
Надъ тайнымъ злодѣяниемъ, пока
Уловленный злодѣи не дастъ намъ горло.

БАЛЛАДИНА.

Однако есть преступники, что выше
Словъ приговора, святы какъ алтарь,
Педосажимы...

КАНЦЛЕРЬ.

Богъ такихъ караетъ.

Ты приговоръ земной должна промолвить,
По совѣсти.

БАЛЛАДИНА.

И что жь гласятъ законы?

КАНЦЛЕРЬ.

Коль кто-нибудь изъ рыцарей и шляхты
Направить ядъ на жизнь того, кто равенъ
Ему по сану, и свершить дѣянье,
То кара—мечъ. А изъ простолюдиновъ
Коль отравленье кто свершить...

БАЛЛАДИНА.

Довольно!...

КАНЦЛЕРЬ.

Суди же, королева, пусть не столько
Передъ тобою вѣситъ звукъ закона,
Какъ четкій голосъ совѣсти.

БАЛЛАДИНА.

Окончимъ!

Заслуживаетъ смерти отравитель.

Канцлеръ.

На замковомъ порогѣ протрубить
Тотъ приговоръ. А коль палачъ-отмститель
Не выполнить, мы оставляемъ Богу.

(Слышны трубы).

Теперь другой пусть встанетъ обвинитель.
(Входитъ Филонъ съ ножомъ и съ кувшинчикомъ малины,
убравный въ цвѣты).

Кто ты?

Филонъ.

Я тѣнь того, чѣмъ былъ я. Горе!
Ты, память муча, память у меня
Похитило навѣкъ. Какъ незабудки,
Всегда волной колышимы, находятъ
Въ томъ колыханьи синей влаги радость,
Такъ я, кого всегда бьютъ волны горя,
Въ бессонницѣ отраду нахожу,
И въ плачѣ.

Канцлеръ.

На вѣсахъ закона точныхъ
Не взвѣсить рѣчь его. Толкуй яснѣе.

Филонъ.

Кувшинчикъ вотъ, съ малиной, вотъ и ножъ...
Малина та была подъ головою
Дѣвчины умерщвленной, ножъ въ груди.
Пусть изъ того кувшинчика возникнетъ
Эвротъ рыданій новый, пусть проводитъ
Печального любовника волной
Прозрачною къ возлюбленной умершей,

А я ему скажу: ручей бродящій,
Благодаренье вѣчное тебѣ,
Что въ гробѣ будетъ отдыхъ для обоихъ
И море тишины. Я Аполлона
Молю, прости меня, лучистый богъ,
Что слезы предъ людьми я проливаю,
Я преломляю съ ними грусть, какъ хлѣбъ.
Пропѣть хочу я людямъ пѣснь печали,
И какъ Орфей въ Эребѣ просить Плутона
Пришелъ, чтобы жену мнѣ воротилъ.
Послушайте, женой она была мнѣ,
Женой моей души; одна могила
Теперь владѣетъ этимъ бѣлымъ тѣломъ,
Что окровавилъ... гляньте... этотъ ножъ.
На жбанчикѣ ее нашель я мертвой,
Въ лѣсу, весной, убитую ножомъ.

Канцлеръ.

Въ той жалобѣ запутанной есть что-то,
Въ ней запахъ преступленья.

Балладина.

Канцлеръ, я
Гнушаюсь обвиненьями безумныхъ.

Канцлеръ.

Владычица, судъ долженъ до остатка
Слѣдить, и не гнушаться даже лаемъ
Собаки на кого-нибудь. Итакъ,
Твоя жена, пастухъ, разсталась съ жизнью?

И тѣло ты нашель ея, ножомъ
Пробитое? Когда случилось это?

Филонъ.

Три раза мѣсяць поблѣднѣль и звѣзды
Предъ Аполлономъ.

Канцлеръ.

Ты подозрѣваешь
Кого, скажи, въ кровавомъ преступленнѣи?

Филонъ.

Ахъ! Парки! Парки! Парки жесткосердо
Порвали нить серебряную жизни
Едва начатой; можетъ также, съ неба
Звѣзда золотая завистью дохнула,
Увидѣвъ блескъ въ очахъ моей любимой,
Потухнуть повелѣла тѣмъ очамъ.

Канцлеръ.

Гдѣ жь ты ее нашель?

Филонъ.

Подъ тѣнюю вербы
Заплаканной, въ задумчивомъ лѣску,
Спала она, и сномъ непробудимымъ.

Канцлеръ.

Запутанное дѣло. Королева,
Скажи свой приговоръ о неизвѣстныхъ,
Совѣтъ дастъ—совѣсть.

Балладина.

Какъ законы судять?

Канцлеръ.

За смерть желаютъ смерти.

Балладина.

Съ тѣхъ убитыхъ

И горсточки не будетъ праха намъ.

Канцлеръ.

Судь совѣсти.

Балладина.

Заслуживаетъ смерти

Она.

Канцлеръ.

Она... Такъ судишь, что убійца
Есть женщина?

Балладина.

Сужу, какъ я сужу...

Канцлеръ.

Тотъ приговоръ народу городскому
Съ порога замка голосомъ трубы
Да возгласятъ. Местъ палача... иль Бога.
(Трубы).

Теперь пусть встанетъ третій обвинитель.
(Входитъ слѣпая вдова, мать Балладины).

Кто ты?

Вдова

Вдова.

Канцлеръ.
Кого вишишь?

Вдова.

Дѣтей...

Мнѣ говорятъ, красива королева,
Какъ ангелъ, пусть же судить... Двухъ имѣла
Я дочерей, кормила ихъ обѣихъ.
Какъ часто въ заблужденнй челоуѣкъ,
Когда утѣхи ищетъ онъ... Та дочь,
Что младшею была, изъ-подъ застрѣхи
Бѣжала материнской, злая дѣтка.
Другая же... О, Боже! Королева,
Какъ ангелъ ты бѣла, суди же сама...
Другая въ пышный, къ Графу, домъ вступила,
Пріяла ложе Графа... Пусть умру,
Когда я лгу; Графъ взялъ ее женою.
Богъ далъ тебѣ корону, Королева,
Да сохранить на мудрой онъ головкѣ
Ее навѣкъ... Суди! Въ моей другой
Той дочери ума-то было столько,
Какъ въ маковой головкѣ. Графъ ее
Любилъ весьма, но мать—какъ мать любила.
А тутъ вдругъ въ замкѣ собственные слуги
Ея—меня, старушку, презирають;
Презрѣнны слугъ терплю я до конца,
Могила близко; вдругъ, разъ какъ-то ночью,
Дочь отъ меня на людяхъ отрелась...
А, дочка, говорю, будь милосердна
Для матери-старухи, близокъ гробъ.

Ночь страшная была, дождь и перуны,
Перуны, дождь, и вой грозы, и тьма.
Дочь со двора меня прогнать велѣла,
Меня, старуху-мать, на вихрь и дождь,
Въ ночь, въ молніи, въ грозу, притомъ голодной...
О, пусть проститъ ей Богъ Создатель нашъ!
Голодной, со двора, прогнали въ дѣсь...
Меня схватили вѣтры за лохмотья,
И молнія глаза мои сожгла.
О, розовый король мой! Панъ златой мой!
Поцады! Милосердыя!

Канцлеръ.

Ты молчишь,

Владычица? Неправоту такую
Законы наши страшно отомщають.

Балладина.

Не смертью все жь?

Канцлеръ.

Лехитовъ уложенъе

Неблагодарнымъ дѣтямъ смерть велить.
Законовъ нашихъ книга пусть покажетъ
Тебѣ... Читай... и въ совѣсти читай.
А ты, старушка, назови намъ имя
Той дочери, и выродка накажетъ
Палачъ, хотя бы съ первымъ графомъ панства
Судьбой она обвинена была...
Помѣстье Графа назови и имя

Той дочери, законъ у ней достанеть
Черезъ стѣны замка—голову и сердце.

Вдова.

Что? дочь казнить?.. Прощай, почтенный пане,
Прощай и королева, въ лѣсъ иду,
Росою буду жить...

Канцлеръ.

Уставъ закона
Гласить, что тотъ, кто жалобу принесъ,
Ужъ отступить не можетъ. Такъ скажи намъ...

Вдова.

Нѣтъ! нѣтъ!

Канцлеръ.

На ложе пытокъ взять ее,
Въ желѣзныя клещи взять всѣ суставы!
Ну, старая, скажи...

Вдова.

Нѣтъ!

Канцлеръ.

Разъ еще

Злой дочери я ими вопрошаю.

Вдова.

Она невинна!

Канцлеръ.

Взять ее на пытку!

Вдова (вырываясь у стражи).

Я старая, о, королева, сжался!
Я матерью твоею быть могла бы...
О, Боже! Ничего не говоришь?
Ни слова!.. Призракъ страшный здѣсь на тронѣ,
Такъ лягу я пойду на то желѣзо,
Скончаюсь, Богъ вамъ въ небѣ да отпустить!

Канцлеръ.

Въ мученьяхъ скажешь.

Вдова.

Пане, ясный пане,
И у тебя желѣзное, знать, сердце...
(Уходитъ подъ стражей).

Канцлеръ.

Держусь я строгой сущности закона.
За то пусть обвинить меня Господь,
Иль оправдасть... Ты же, королева,
Знай, сердце у меня рыданій полно,
И горечи, и ужаса.

(Слышенъ стонъ).

Что тамъ?

Солдатъ.

То старая кричитъ.

Канцлеръ.

И не призналась?

Солдатъ.
Ни въ чемъ...

Канцлеръ.
Помедлимъ.

Балладина.
Вотъ, теперь палачъ,
Для пытки сердца, тѣло рветъ мое...
Растягиваешь... А! воды!..
(Ей подають пить).

Солдатъ.
Ужъ сняли
Съ желѣзной пытки.

Балладина.
Ужъ... и что жъ въ мученьяхъ
Она сказала?

Солдатъ.
Умерла.

Балладина.
Сказалъ ты,
Что умерла?

Солдатъ.
Чуть положилъ палачъ
Ее въ клещи, у ней закрылись очи;
Ее увидя, побожился бѣ всякій
Что костяной Христосъ то былъ безъ духа.
Всѣ косточки изсохли и увяли,

Черезъ хруснувшую кожу прободаясь,
О жалости молили...

Канцлеръ.
И ни слова
Не молвила?

Солдатъ.
Нѣтъ, тихо умерла.
А на лицѣ изсохшемъ двѣ долинки
Смерть выкопала костная, и слезы
Стоять въ обѣихъ.

Балладина.
Съ самаго утра
Сижу въ судѣ, и ни одинъ изъ нищихъ
Такъ долго не работаетъ, такъ знойно.
Ужъ ночь, паны!

Канцлеръ.
Нѣтъ, это только туча
Виситъ надъ замкомъ, черная. Спроси
У совѣсти совѣта потихоньку,
Чего достойна дочь, изъ-за которой
Такою смертию умираетъ мать?

Балладина.
Вы осудите.

Канцлеръ.
Пусть твоя корона
Блескъ приметъ справедливаго суда.
Воистину, живымъ огнемъ достойна,

Быть въ уголь обращенной, въ адскій уголь.
Суди ее!..

Всѣ.

Суди!

КАНЦЛЕРЬ.

Какъ Богъ безсмертенъ,
Заслуживаетъ точнаго суда.

Всѣ.

Четверговать ее!

КАНЦЛЕРЬ.

Взглянувши въ совѣсть,
Суди ее!

БАЛЛАДИНА (послѣ долгаго мол-
чанія).

Заслуживаетъ смерти.

(Ниспадаетъ молнія и убиваетъ королеву. — Всѣ поражены
ужасомъ).

КАНЦЛЕРЬ.

Перуномъ Божьимъ женщина-король
Застрѣлена. Взамѣнъ вѣчныхъ звоновъ,
Пусть раздадутся звоны похоронъ.

ЛИЛЛЯ ВЕНЕДА.

О „ЛИЛЛЪ ВЕНЕДЪ“.

Польская „романтическая Троица“—Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій—неразрывно слилась воедино, яркими свойствами, въ разной степени, но въ одиноковой неподдѣльности, составляющими отличительность и неотъемлемость трехъ этихъ гениальныхъ поэтовъ. Каждый изъ нихъ—пророкъ своего народа, вѣщая душа, видящая и въ прошломъ и въ будущемъ всѣ судьбы родной страны, каждый изъ нихъ—Сибилла, съ которой говорятъ Демоны, Ангелы, Судьбы, и Созвѣздія, каждый изъ нихъ, всей своей личностью и всѣмъ своимъ творчествомъ, создалъ новый, Славянскій, исполненный щемящей красоты, Апокалипсисъ.

Съ необычайною мѣткостью опредѣлили каждого изъ этихъ трехъ вѣщихъ пѣвцовъ Польскій писатель, Артуръ Гурскій, въ своей книгѣ „Монсальватъ“, (Artur Górski, Monsalwat. Kraków. 1908, стр. 225);—„Мицкевичъ, среди этихъ трехъ, есть ихъ сердце, чело, и громъ.—Красинскій есть рыцарь, овѣянный знаменемъ вѣковъ, заслушав-

шійся въ слово возстанья изъ мертвыхъ, которое ему повѣдалъ Христосъ, и такъ окаменѣвшій на стражѣ гетманства духа.—Словацкій сынъ степи и душа степи, гдѣ мѣсяць всходитъ черезъ кресты, а лазурь, какъ око Бога, налитое свѣтомъ по берега, лелѣеть, качая, летъ мыслей орлиныхъ и думу—натура ангеллическая, какъ лира въ рукѣ Бога, вся звенящая гудомъ—свѣтолетная и прозрачная какъ эфиръ—гордая и одинокая въ жизни и смерти, какъ умирающій левъ въ пустынѣ—одновременно люциферическая и сыновствомъ Божьимъ наполненная“.

Словацкій писалъ лирическіе стихи, поэмы, драмы, и напѣвную прозой рассказанная повѣсти души—видѣнія. Наибольше замѣчательныя его созданія: драмы, „Лилля Венета (впервые появляясь на Русскомъ языкѣ была напечатана въ „Русской Мысли“, 1909, № 9), „Балладина“ (появляется нынѣ на Русскомъ языкѣ впервые), „Серебряный сонъ Саломеи“ (отрывки изъ этой драмы переведены мною въ приложеніи къ переводу „Саломеи“ Оскара Уайльда, изданіе „Пантеона“); видѣніе, „Ангелли“; и поразительной силы видѣніе-молитва, „Происхожденіе изъ Духа“ (см. отрывки и изложеніе въ моемъ очеркѣ „Преображеніе Жертвы“, въ книгѣ „Змѣиные Цвѣты“, изд. „Скорпіона“). Есть и еще цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній Словацкаго, которыя, частью въ отрывкахъ, частью цѣликомъ, будутъ переведены мною на Русскій языкъ.

Посвящая „Лиллю Венету“ Красинскому, какъ автору драмы „Иридіонъ“, Словацкій говоритъ:—

„Возлюбленный Эндиміонъ поэзіи, дремлющій въ тѣни лѣсовъ лавровыхъ, — съ легкостью и тишью лѣтней зарницы проскальзываю я черезъ черные листья безсмертныхъ деревьевъ и тремя блесками бужу тебя отъ сновъ беспокойныхъ. Встань! встань, Эндиміонъ мой, любовникъ Музы потаемной, и ступи на шагъ ко мнѣ,—ты встрѣтишь новый лѣсъ фантазиі, зеленый соснами театръ; ибо вотъ, для тебя единственно, дорогой мой, выстроилъ я новую сцену, привелъ актеровъ-духовъ, и разложилъ на лѣсной муравѣ все малое богатство бѣгающаго по бѣлу свѣту ходебщика. Дай уйти мнѣ съ новымъ барышномъ пріязни, со слезой, ежели можно, съ похвалой, ежели можно; и вѣчность я буду спокойный.—Пробудись! пробудись, Римскій воинъ, въ золотыхъ доспѣхахъ, съ панциремъ огнистымъ. Новыя стоятъ предъ тобою видѣнія; вотъ взгорье, покрытое зеленой муравой, на взгорьи стоитъ двѣнадцать друидическихъ камней и тринадцатый—тронъ изъ покрытаго мохомъ гранита; вотъ взгорье, увѣчанное короной двѣнадцати бѣлоголовыхъ бардовъ, ото всюду какъ моремъ червоннаго блеска облитое... то страшное зеркало взгорья есть кровь народа. Напѣвъ двѣнадцати арфъ распространяется надъ людомъ умершихъ, и, вбѣгая въ пустыя шумящія чащи сосновыя, вызываетъ къ новымъ рыцарямъ мести“.

Словацкій видитъ всѣхъ своихъ героевъ какъ тѣни, какъ привидѣнія. Въ магическомъ зеркалѣ предстаютъ они передъ нимъ, и молятъ его тѣневымъ голосомъ: — „Mów o nas prosto i z krzykiem“. Говори о насъ просто и съ крикомъ. Говори о насъ прямо и съ воплемъ. И съ простою утонченной, и съ прямою сердечной, Словацкій говоритъ о нихъ.

Драматическая, или точнѣе—трагическая, поэма „Лилля Венета“, во всей своей переливчатой радугѣ настроеній, есть поэма историческихъ судебъ великаго Народа, погибшаго въ своемъ установленномъ лигѣ, но навѣки безсмертнаго въ зеркалѣ созерцанія и въ своихъ отображенныхъ вліаніяхъ.

Въ стихотвореніи „Мой завѣтъ“, Словацкій самъ опредѣляетъ себя какъ кормчаго ладьи, наполненной духами. Это именно такъ. Съ духовной высоты взглянувъ на судьбы великаго Народа, онъ создалъ для него незабываемую Перунную Симфонію, всю озаренную голубыми и алыми молніями.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лехъ.
Гвинона, жена Леха.
Лехонъ, }
Кракъ, } сыновья Леха.
Арфонъ, }
Дервидъ, король Венетовъ.
Лилля Венета, }
Ружа Венета, } дочери Дервида.
Полелюмъ, }
Лелюмъ, } сыновья Дервида.
Сыгонъ, }
Грифъ, } Лехиты.
Святой Гвальбертъ.
Слязъ, его слуга.
Двѣнадцать бардовъ, }
Двѣнадцать вождей, } Венеты.

Свита дѣвушекъ Гвиноны.—Рыцари Лехиты.
Изъ времени сказочныхъ.—Близъ Гола.

160

ПРОЛОГЪ.

Обширная пещера вoroжен, выкопанная въ землѣ; въ стѣнахъ круглыя отверстія, черезъ которыя видны раскинувшіяся поля и далекій край-образъ. Свѣтъ заходящаго солнца.—

Ружа Венета и Лилля Венета.

Лилля Венета.

О, какъ же ты задумчива, сестра!
Взгляни на бой и зачаруй побѣду.

Ружа Венета.

Здѣсь бесполезны чары Сатаны.
Проклятіе! Проклятіе! Проклятіе!
Отчизна наша гибнетъ и навѣки...
Ужь вижу мертвой...
И мертвая ты тоже... Я закрою
Тебѣ глаза, въ уста песку насыплю
Холоднаго, набью проклятіи въ горло,
Которыя ты понесешь съ собою
Въ далекій край... несчастная... въ тотъ міръ!

Лилля Венета.

Ты говоришь, и вихрь, сорвавшись, плачеть
Надъ бѣдной мной. Такъ умереть мнѣ нужно?
О, Боже мой!

Ружа Венета.

Молчи. Одна ли ты
У Бога? Что-жь его ты утруждаешь?
Тамъ наша кровь и вражеская кровь,
Ручей образовавъ, окровянила
Прозрачность Гола. Что же, будешь ты,
Какъ плакальщица, вить здѣсь надъ собою,
Когда подходитъ рыцарямъ конецъ?

(Слышенъ звукъ арфы).

Тсс! Слышишь? Наши арфы заиграли.
Разстроенный, печаленъ голосъ ихъ
Рыдающій. Идутъ на гору барды...
Погибло все.

Лилля Венета.

За бардами придуть
Воители, и насъ убьютъ, и бардовъ
Съ ихъ арфами златыми истребятъ.

Ружа Венета.

Какъ? А союзъ нашъ съ тучами? А громы?
А молнія угрюмо-золотая,
Что медить предъ пещерою, какъ стражъ?
А сатанинскій голосъ мой, подобный
Холодному княжалу? А возстанье,
Дарованное мною мертвецамъ?

А скорбь моя? А мой удѣлъ? И въ это
Не вѣришь ты, пригожая, скажи?

Лилля Венета.

Ты говоришь, но лицо твое,
Какъ мѣсяцъ печально, хоть ясно,
Какъ мѣсяцъ, солнце умершихъ.
Гдѣ наши братья? Защита?
Что съ ними стало? Ты знаешь?

Ружа Венета.

Внутри пещеры застонало—слышишь,
То скалы отвѣчаютъ. Выдь на волю
И бардовъ проводи сюда, а я
Зажгу огонь.
(Входятъ двѣнадцать Бардовъ съ золотыми арфами).

Предъ темною скалою
Поставьте здѣсь, прошу васъ, арфы рядомъ,
И расскажите, что съ народомъ стало
Венетовъ.

Лилля Венета.

Мой отецъ и братья, чудомъ
Какимъ-нибудь, могли-ль спастись отъ смерти?

Бардъ.

Такъ торопливо, старцы, шли мы въ гору,
Что голосъ пресѣкается въ груди.

Лилля Венета.

О, вижу, вы отвѣтить не хотите.

Бардъ.

Несчастіе, несчастіе!

Лилля Венеда.

О, братья!

О, мой отецъ возлюбленный, гдѣ ты?
Они молчать... Отецъ мой умираетъ.
О! жалости въ васъ нѣтъ.

Бардъ.

Какъ можешь ждать ты,
Чтобъ послѣ этихъ ужасовъ въ себя мы
Уже пришли!

Лилля Венеда.

Старикъ, ты смотришь такъ,
Какъ смотрѣть на сиротъ.

Бардъ.

Бѣда, бѣда намъ!

Мы прокляты на небѣ и землѣ.
Отецъ твой схваченъ; рыцари громадой
Со всѣхъ сторонъ сошлись и окружили
Его съ златою арфой. Это видя,
Блѣднѣя отъ терзанія, мы рвали
Свои сѣдины... Братья тоже взяты.

Лилля Венеда.

Такъ не убиты, значить?.. Повторите!..
Не умерли?..

Ружа Венеда.

Но прокляты они!

Лилля Венеда.

Не говори, молю, не говори такъ!
И братьевъ, и отца избавлю я,
Спасу. Благослови, сестра. Веселой,
Ты мнѣ была—печальная—какъ мать.
И вы меня благословите, старцы,
Но для меня у Бога не просите
Вы ничего, лишь разума и сердца
Находчиво-лукаваго, чтобъ я
Освободила тѣхъ, кто скованъ цѣпью.
Прощайте, не тревожьтесь обо мнѣ,
Со мною всѣ цвѣты, и каждый голубь,
Что бѣлый, какъ и я, меня считаетъ
Своей сестрой; и тотъ со мною также,
Кто въ синемъ небѣ выше голубей;
Когда-жъ мени несчастіе придавить,
У бѣлыхъ голубей возьметъ онъ крылья,
И дастъ мнѣ, чтобъ ушла я отъ людей.
Коль не спасу отца, умру въ расцвѣтѣ...
А вы надъ бѣдной дѣвушкой поплачьте.
(Уходятъ).

Ружа Венеда.

О розахъ плакать въ часъ, какъ лѣсъ горить,
Не время... Что-жъ вы думаете, барды?

Барды.

Погибло все!

Ружа Венеда.

Змѣинымъ этимъ ядомъ,
Что въ чашѣ кормить ало-красный пламень,

Клянусь вамъ старцы, что на бранномъ полѣ
Возстанутъ кости и затѣютъ битву
Подъ пѣсни арфь.

БАРДЫ.

И разъ еще возстанутъ,
И вновь погибнуть...

РУЖА ВЕНЕДА.

Въ третій разъ погибнуть,
И плугъ забвенья проскользнетъ надъ ними,
И надъ кровавымъ воинствомъ убитыхъ
Раскроются въ расцвѣтъ маргаритки,—
Такъ что-жь!.. рыдать?

БАРДЫ.

Чу, каркаютъ вороны,
И волки начинаютъ грызть, уснувшихъ
На коньяхъ, блѣдныхъ рыцарей.

РУЖА ВЕНЕДА.

Въ три дня

Ударить сто громовъ молніеносныхъ,
И тысячи поднимутся десницъ;
Возникнетъ страшный бой при свѣтѣ молній.
Съ умершими смѣшаются живые,
И никому ихъ не разъединить.
Узнаете по запаху земли
Умершихъ, по слѣдамъ коней огнистымъ;
Но не узнаютъ тѣ, что поглядятъ—
Глаза въ глаза.

БАРДЫ.

О, чудо... Наши арфы
Играютъ бранный рыцарскій напѣвъ.

РУЖА ВЕНЕДА.

Тѣ арфы почуяли кровь и дрожать...

БАРДЫ.

Пойдемъ и той пѣсней, какъ искрой,
Людей оживимъ по селамъ.

РУЖА ВЕНЕДА.

Чело въ дубовомъ вѣнкѣ,
Съ золотистою арфой въ рукѣ,
У каждаго—сердце яитарное,
Солнечно-чистое сердце и все лучезарное.
На устахъ же—пѣсни суровыя,
Пѣсни для битвы, гробовыя,
Народы тѣмъ звукомъ разбужены, львы,
Барды, то—вы.

БАРДЫ.

Ты въ слезы намъ влила огня...

РУЖА ВЕНЕДА.

Огонь, предъ тѣмъ какъ онъ въ слезахъ остынетъ,
Двѣнадцать въ бой племень подвинетъ;
Всему придетъ черта, борьба, конецъ въ три дня.

БАРДЫ.

Чу, наши арфы смутно проиграли
Тебѣ въ отвѣтъ.

Ружа Венедл.

Утишите ихъ, чтобъ больше не рыдали,
Чтобъ было такъ, что въ лютнихъ скорби нѣтъ.
Остерегитесь, чтобъ не пробѣжала
Та пѣсня межъ людей,
Чтобы душа людей не увидала
Могилы собственной своей;
Остерегитесь, чтобы надъ собою
Народъ не слышалъ плача; а когда
Услышитъ, гибель васъ возьметъ безъ бою.

Барды.

Итакъ въ три дня—пожаръ, ночь зарева, бѣда?..

Ружа Венедл.

И мщенье, и неволю ночь придвинетъ,
За страхомъ снова ужасы влача...
Полвоинства отъ грозныхъ молній сгинетъ,
Полвоинства погибнетъ отъ меча.
Вождь двуголовый встанетъ, человѣчья—
Одна, другая—трупья голова.
Багряный факель вознесу, какъ мечъ, и,
Последнею останусь я жива.
Въ прахъ рыцарей влюблюсь, и эти прахи
Наполнять плодородьемъ чрево мнѣ,
И въ пламенномъ пылающемъ размахѣ
Дубы мнѣ будутъ сватами въ огнѣ.
И рыцарскій костеръ, пылая,
Мнѣ будетъ брачнымъ ложемъ. Кто
Въ меня увѣруеть, въ бореньи умирая,

Умреть спокойно онъ за то,
Забывъ, что въ мѣрѣ есть тревога.
Я отомщу вѣрнѣе, чѣмъ война,
Вѣрнѣе, чѣмъ враговъ стократная волна,
Вѣрнѣе Бога...

Барды.

Идемъ! безуміе влечетъ ворожею.

(Уходятъ).

Ружа Венедл.

Ворожея хранить мечту свою!
Ворожея несчастнаго народа!
Есть сердце у нея... Но ночь ужъ съ небосвода
Глядитъ... уже темно! Идемъ умершихъ жечь...
Со мною, духи, въ пламень сбѣчь!

(Уходить).

40

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Поле надъ Гоцломъ.—Лехъ, Гвинона, Сыгонъ, Грифъ входятъ вооруженные.

Лехъ.

На полѣ битвы разложить огни,
И привести сюда военноплѣнныхъ.
(Входитъ Дервидъ съ золотою арфой въ рукѣ, и Лелюмъ,
и Поделюмъ, въ цѣпяхъ).

Сыгонъ.

Не вырвали изъ рукъ златую арфу;
Король Венедовъ, съ нимъ его два сына.

Лехъ (къ Дервиду).

Какъ, старче, мыслишь о закатныхъ людяхъ?
Вчера ты былъ владыкой той краины,
А нынѣ не твоя и голова,
Которая вчера владѣла ими.
Одежды на себѣ теперь порви,

И выкупай себя слезы алмазомъ,
Мой молотъ раздробить твой сивый лобъ.

(Къ Лелюму и Поделюму).

Вы что-жь цѣпями лааете, какъ псы?
Покорности, медвѣди, научитесь!
Гдѣ мой палачъ? Тотъ человѣкъ мнѣ плюнулъ
Въ глаза. Ему я низокъ, ростомъ малъ,
А мечъ мой, знаю, онъ не стронетъ съ мѣста.
Гвинона, глянъ-ка, рослые они.
А я комаръ: кровь изъ него испилъ я;
Его въ рукѣ—я выжалъ, какъ лимонъ.
Узнаеть Чехъ, такъ прямо не повѣрять.
Пошлю ему въ подарокъ старика,
И этихъ королевичей двухъ юныхъ,
Пусть изъ обоихъ сдѣлаеть царей.

Гвинона.

Хочу услышать голосъ ихъ. Скажи имъ,
Чтобъ говорили.

Лехъ.

Это псы, и легче
Заставить лаять ихъ.

Гвинона.

А эта арфа,
Должно быть, зачарована.

Лехъ.

Клянусь,
Ты угадала, львица, это правда,

Должно быть, зачарована та арфа!
Старикъ, ты такъ заботишься о ней,
Что въ ней, должно быть, спрятался самъ Дьяволь?
Клянусь, то безъязыкій бормотунъ!
Мы словно воробьи предъ нимъ на ниткѣ,
Какъ воробьи предъ ними, а они,
Какъ на кубарь, глядятъ всё свысока.
Грифъ, проводи-ка ихъ до Римской башни,
Поголодаютъ,—голосъ свой найдутъ.

(Дервидъ, Лелюмъ, Полелюмъ уходятъ подъ стражей).

Гвинона, то народъ глухонѣмыхъ,
Глухонѣмой король ихъ. На коней,
Гей, на коней, и устремимся въ битву,
На трунахъ королевство оснѣмемъ!

(Уходятъ всѣ).

СЦЕНА 2-я.

Келья отшельника, по формѣ подобная внутренности гигантскаго черепа. Въ глубинѣ образъ Пресвятой Дѣвы на золотомъ фонѣ.—Святой Гвальбертъ и Слязь.

Святой Гвальбертъ.

Ты, сударь Слязь, глаза мнѣ загрязнилъ,
Я на сосну, по твоему совѣту,
Взобрался, и себѣ глаза испортилъ
Тѣмъ зрѣлицемъ кровавымъ. Это—Дьяволь,
Его дѣла. Я прибылъ обращать,
А прибыли какіе-то здѣсь люди,
Чтобъ истреблять; быстрѣе истребили,
Чѣмъ могъ я обратить; за это нужно

Насъ до крови обоихъ бичевать,
Меня,—какъ господина, и тебя,—
Какъ моего слугу, и насъ обоихъ,—
Какъ Божьихъ слугъ.

Слязь.

Et fit voluntas tua.

Святой Гвальбертъ.

Да, да, и да свершится воля Бога,
Его, что въ небѣ. А однако жалко,
Что истребленъ народъ тотъ, ибо онъ
Народъ былъ добрый, хоть нехристіанскій.

Слязь.

Такъ что-жь, всѣ въ Адъ пошли они, владыко?

Святой Гвальбертъ.

Земля передъ крестомъ покрылась кровью,
Изъ крови пламень вырвется крестомъ.
Смерть рветъ тѣла, но—вѣчность приближаетъ.
Искулены народы скоро будутъ;
Ты видѣлъ, Слязь, червоныя кометы,
Хвостатыя, что ворожатъ измѣну,
Кометы, что, какъ встрепанныя вѣдмы,
Гнались за мною до Иерусалима,
Грозя бичомъ, крестомъ, или коломъ.
Что-жь сдѣлали? Когда мнѣ будетъ нужно,
Сотру я пальцемъ съ неба эти звѣзды
Ужасныя. Богъ своему слугѣ,

За долгій вѣкъ трудовъ, дастъ часъ чудесъ
Разительныхъ. Такъ что-жь мнѣ тотъ властитель,
Что лѣсъ провавить, новый Фараонъ?
Съ нимъ въ бой вступлю, и посохомъ огнистымъ
Коснусь его—и будетъ сломанъ онъ;
Затѣмъ одной слезой своей горячей
Жизнь вѣчную куплю я для него.

Слязь.

Откуда тѣ лучи, спрошу, владыка,
Что носишь ты на головѣ своей?

Святой Гвальбертъ.

Изъ внутренняго знанья, изъ меня,
Изъ ангела еще, который тайно
Внутри пылаетъ тѣла моего.

Слязь.

Я думаль, тѣ лучистые круги
Всѣ изъ волосъ?

Святой Гвальбертъ.

Не изъ души тогда?

Слязь.

А вотъ когда надуется, такъ тоже
Всѣ искрится пушистая спина.

Святой Гвальбертъ.

Глушцы, какъ ты, себѣ лишь отравляютъ
Сравняемъ въ мірозданьи двухъ природъ.

Слязь.

Владыка, вѣра есть въ мосмъ сомнѣнн.

Святой Гвальбертъ.

Сомнѣннѣ отъ Дьявола.

Слязь.

Такъ, значитъ,
Меня онъ ищетъ?

Святой Гвальбертъ.

Посмотри-ка, Слязь,
Стучить тамъ кто-то.

(Слязь отворяетъ, входитъ Лилля Венеда).

Лилля Венеда.

Именемъ Маріи.

Святой Гвальбертъ.

Смотрите-ка, да это королевна,
Которую я только что крестилъ.
Чего-жь ты такъ заплакана, печальна?
Скажи, чего дрожишь ты, дочь моя?

Лилля Венеда.

Пришла къ тебѣ, мой отецъ, съ горькимъ плачемъ,
И мой отецъ, и братья взяты въ плѣнъ;
И я хочу спасти ихъ изъ неволи,
Но въ сердцѣ боль—и никакихъ совѣтовъ.
Весь міръ передо мною смутно-блѣденъ,
И за слезами солнца не видать.

Лишь ты совѣтникъ мнѣ и мой защитникъ.
Въ неволѣ несчастливый мой отецъ,
Въ оковахъ брата.

Святой Гвальбертъ.

Что-жъ тебѣ скажу я?

Лилля Венета.

Себя въ послѣдней вижу я недолѣ.
Скажи, тотъ Лехъ, имѣеть ли онъ власть
Чтобъ моего отца убить?

Святой Гвальбертъ.

Суровъ онъ.

Лилля Венета.

Отвѣть мнѣ, что-жъ въ твоихъ Богахъ великихъ,
Коли они помочь не могутъ мнѣ?

Святой Гвальбертъ.

Кощунствуешь, дѣвочка, Богъ одинъ есть.

Лилля Венета.

О, знаю, знаю я. Меня училъ ты
Такъ долго. Я науки не забыла.
Но научи, какъ мнѣ спасти отца.

Святой Гвальбертъ.

Готова-ль ты къ обѣту чистоты?

Лилля Венета.

Мой отецъ, если тѣмъ отца избавишь,
Какъ мартовскій я буду снѣгъ чиста,

Какъ ландыши среди болотъ, или же
Какъ тѣ цвѣтки, что въ снѣгѣ встаютъ
И погибаютъ, не увидѣвъ грязи.
Достаточно, коль старецъ сѣдовласый
Благословитъ меня, обливъ слезами.

Святой Гвальбертъ.

Пронеси обѣтъ вотъ здѣсь, гдѣ образъ,
Гдѣ Матерь Бога, на крестѣ за насъ
Распятаго. Свое дѣвичье сердце
Ей въ жертву принеси.

Лилля Венета.

Какъ говорить мнѣ?

Отдай отца мнѣ, о, небесъ Царица!
А я сама себя отдамъ тебѣ,
Какъ бѣлую, безъ пятнышка, голубку,
И больше ничего не пожелаю,
И ужъ ничто меня не загрязнить.

Святой Гвальбертъ.

Она теперь, дѣвочка, будетъ съ нами.
Слезъ, дай мнѣ посохъ. Гдѣ теперь—ты знаешь?—
Станъ Леха?

Лилля Венета.

Въ Римской башнѣ онъ сейчасъ.

Святой Гвальбертъ.

Для стараго недалеко дорога.

(Святой Гвальбертъ и Лилля Венета выходятъ).

Слязь (одинъ).

Велить мнѣ Дьяволъ быть у человѣка,
Который морить голодомъ меня,
Кореньями меня сухими кормить.
Я исхудалъ, какъ щепка... Человѣкъ
Однажды въ мѣръ родится, не забудь же
Объ этомъ, сударь Слязь, родился ты...
И разъ одинъ онъ въ мѣръ умираетъ,
Такъ не забудь же, сударь Слязь, объ этомъ,
Разъ умираешь, разъ родишься ты.
Итакъ, ужь если ты здѣсь уродился,
Себѣ найди барышъ въ томъ, сударь Слязь.
Итакъ—за поясъ ноги, и гулять!
Въ широкій мѣръ. А чистоту—въ обѣтъ...
А для чего? Отецъ твой, что-ль, въ неволѣ,
Панъ Слязь? А вдругъ какая королева
Да влюбится въ тебя, а между тѣмъ
Ты въ чистотѣ, какъ по уши въ болотѣ?
Хотѣлъ бы что иное я найти,
Ненужное, и это передъ Богомъ
Обѣтно принести, чтобы вначалѣ
Немножко благосклонности имѣть.
Вотъ, напримѣръ, въ обѣтъ я принесу
Привязанность свою до господина...
И сразу въ сердцѣ легче... Эту келью
Пусть дьяволы возьмутъ, ужь ненужна мнѣ,
Пускай сгорить.

(Подкладываетъ огонь подъ стѣны и выходитъ изъ загорающей кельи).

140 + 12

К.
СЦЕНА 3-я.

Зала въ Римской башнѣ.—Входятъ Лехъ и Гвинона.

Лехъ.

Что жъ съ этими желѣзными людьми
Мнѣ дѣлать? Подчиняться не желаютъ.
Что съ ними дѣлать, расскажи, Гвинона?

Гвинона.

Советъ мой, сбыть ихъ вовсе съ рукъ своихъ.

Лехъ.

Какъ? умертвить?

Гвинона.

Опять, супругъ, ты вздрогнулъ,
Боишься завершенности въ дѣлахъ.
Два раза, черезъ этотъ нравъ твой женскій,
Ты потерялъ края, уже почти
Захваченные доблестнымъ набѣгомъ;
Воителей осталась только горстка.
Всегда ты вѣришь въ счастье и удачу,
И въ эту распаленность жгучей крови,
Которою въ опасность свергнуть ты.
А въ голову тебѣ и не приходитъ,
Что я дѣтей имѣю, и они
Пойдутъ съ сумой и вынуждены будутъ
Продать за грошъ отцовскій мечъ, коль мы
На тронѣ ихъ не утвердимъ при жизни.

Лехъ.

Все это правда.

Гвинона.

Ты взгляни хотя бы

На брата Чеха: и ему позволилъ
Ввести себя въ обманъ, и онъ, какъ всѣ,
Съ тобою обошелся, какъ съ ребенкомъ:
Забрала края, которые вы двое
Завоевали, а тебя послалъ
Къ полночнымъ льдамъ. Ну, что жъ, кубарикъ мой
Изъ стали раскаленной, каждый можетъ
Тобою помыкать, обжегши пальцы,
Но все жъ, довольный, потому что, если
Закрутишься, такъ крутишься ужъ долго.

Лехъ.

Обмануть я бываю, это вижу.

Гвинона.

Со стороны смотрѣть, еще яснѣе
Все это видишь.

Лехъ.

Что жъ ты замышляешь
Со старикомъ Дервидомъ сдѣлать?

Гвинона.

Что?

Довѣрся мнѣ, а самъ иди спокойно
Охотиться; въ бою и съ соколами
Ты много лучше: если жъ нужно дѣлать
Рѣшительное что, томишься ты,
Колелешься. Нравъ—львиный у тебя.
Иль спать... иль кровь дымящуюся пить.

Лехъ.

Я знаю это за собой.

Гвинона.

Такъ что же,

Мой тигръ! Дай на отвѣтственность мою
Тѣхъ плѣнниковъ... коль что дурное будетъ,
Ты хорошенько выбранишь меня.

(Лех дѣлаетъ знакъ, что даетъ согласіе, и выходитъ).

Грифъ, приведи ко мнѣ сюда Дервида.

(Дервидъ входитъ, какъ узникъ, съ арфой въ рукѣ).

Изъ рукъ его не вырвали еще

Той арфы. Старца всѣ боитесь вы.

(Подступаетъ къ Дерvidу и хочетъ вырвать у него арфу.
Дервидъ подносить вверхъ арфу, какъ бы хотѣлъ ее
ударить).

Дервидъ.

Прочь!

Гвинона.

Видите? Хотѣлъ меня ударить.
Не убивайте. Я поговорю съ нимъ.
Скажи, меня научишь волшебствамъ?
Я слышала, что въ этой арфѣ—духа
Имѣешь ты, которому доступно
Въ грядущее смотрѣть. Что это,—правда?

Дервидъ.

Имѣю въ этой арфѣ духа я,
Которому, то, что въ грядущемъ, видно.

Гвиона.
Пусть выйдет онъ, хочу его увидѣть.

Дервидъ.
Пока живу я, духъ тотъ будетъ въ арфѣ.

Гвиона.
А какъ умрешь?

Дервидъ.
На небо улетитъ.

Гвиона.
Могу сегодня жизнь твою покончить,
Хочу того я духа увидать.
Пать принести ему, — пусть оживится.
(Къ Дервиду).

Ты вызовешь изъ арфы духа мнѣ,
Иначе же, клянуся я Гекатой
И тѣми престарѣлыми тремя,
Которыя въ Аду ножомъ кровавымъ
Нить обрѣзають жизни человѣковъ,
Погибнешь.

Дервидъ.
Никогда, о, никогда,
Коддуня Ада, не услышишь пѣсни
Невольника, и никогда рука,
Что отъ цѣпей тяжелыхъ посябла,
Струнъ не коснется. Никогда не будетъ
Слезъ на глазахъ моихъ, пока тѣ слезы
Могли бы на устахъ кровавыхъ вашихъ

Сердечный вызвать смѣхъ. Изъ короля-
Невольника вамъ никогда не сдѣлать
Раба-пѣвца. Та пѣснь, что торопила
Къ кровавымъ битвамъ рыцарей-бойцовъ,
И въ ихъ мечи безсмертность дунъ влагала,
И бѣшенствомъ любви къ родному краю
Мечамъ давала зубъ, чтобъ грызть вамъ кости,
И ваши раны ядомъ отравлять, —
Та пѣснь не загремитъ въ неволѣ тусклой.
Вы можете ту арфу взять и бросить
Въ огонь, и руки ваши грѣть на ней,
И ваши трупы лица разрумянить;
Сжечь можете ее, но не дано вамъ
Ту арфу изнасиловать. Попробуй,
И пальцы положи на эти струны,
Сумѣютъ ли они что больше вызвать,
Какъ звукъ, который размѣшитъ людей?
И мыслишь ты, что, если ты положишь
На сердце мнѣ свои кривые ногти,
Я этимъ пальцамъ, дергающимъ жилы,
Поддамся, и изъ стоа пѣснь создамъ!
О, злая вѣдьма, я, который видѣлъ
Еще сегодня мой народъ, лежащій
На полѣ битвы, какъ одинъ лежать бы
Убитый воинъ, и бѣть, какъ трупъ одинъ,
Я, думаю, такимъ ужаснымъ видомъ
Совеѣмъ сраженъ и вовсе стать покорнымъ?
Попробуй, что ты выжмешь изъ меня, —
Лишь кровь мою, что будетъ обвиненъемъ
Тобѣ передъ народами моими...

Нѣтъ! у меня народа больше нѣтъ...
Но послѣ убійскаго народа
Какая-то не умираетъ сила,
Передъ которой ты должна блѣднѣть,
И щеки помертвѣлыя твои
Должна все новой-новой кровью красить;
Возьми же кровь мою въ свои прикрасы,
О, черная, и щеки каждый день
Румянь моею кровью, чтобы мужъ твой
Тебя любилъ, и могъ не увидать,
Что кровь твоя—зеленая.

ГВИНОНА.

Ты кончилъ?

ДЕРВИДЪ.

Нѣтъ, нѣтъ еще! Я ощущаю въ сердцѣ
Какую-то убійственную силу,
Которая даетъ моимъ словамъ
Способность убивать, и ты мнѣ служишь
Невольницей, и трупъ твой, мной сраженный,
Является престоломъ новымъ мнѣ.
Стой тутъ, тебѣ я высушу утробу,
Наполню щепломъ грудь, и внутрь тебя
Насыплю гадинь.—О, когда бъ была ты
Не тѣмъ, что есть, а женщиной,—тогда
Я сдѣлалъ бы и горшее, чѣмъ это:
Глаза твои наполнилъ бы слезами,
Тебѣ мои несчастья рассказавъ.
Но ты вѣдь не изъ тѣхъ, что могутъ плакать.

Тебя убить проклятіями пужно,
Заклятемъ Адъ направить на тебя,
Чтобъ цѣлый Адъ въ тебѣ свирѣпо бился.

ГВИНОНА.

Тотъ старецъ смерти хочеть. Взять его,
И вырвать у него глаза.

ДЕРВИДЪ.

Помедли.

Пусть взглянуть на тебя еще однажды
Глаза, что будутъ вырваны.

ГВИНОНА.

Прочь съ нимъ!

ДЕРВИДЪ.

Черезъ вырванные тѣ глаза пусть Богъ
Посмотритъ на тебя.

(Вопны выводятъ Дервида).

ГВИНОНА.

Какъ это дивно!

Его глаза съдые, съ серебромъ
Съдыхъ рѣсницъ, мнѣ въ кровь прогрызли сердце...
Мой Грифъ, покличь мнѣ Крака и Арфона,
Пускай придутъ, и арфой золотою
Немножко позабавятся. Гвинонку-жь,
Который всѣхъ моложе, дать глаза,
Какъ вырвать ихъ,—пусть ими поиграетъ.

(Входитъ святой Гвальбертъ.—Лилія Венета.)

Святой Гвальбертъ.
Христово имя вѣдомо ли здѣсь?

Гвинона.
Кто это? Почему сюда онъ впущенъ?

Святой Гвальбертъ.
Спать стража, свѣтлымъ чудомъ сражена.

Гвинона.
На головѣ твоей, какъ у Гекаты,
На сѣдинѣ—червонный мѣсяцъ.—Кто ты?

Святой Гвальбертъ.
Я съ глазъ людскихъ срываю мраки тучъ,
И въ солнечныя души свѣтъ несу я,
Жизнь вѣчную даю я бѣднымъ людямъ.
Склони главу свою, кто-бъ ни была ты.

Гвинона.
Какой-нибудь волшебникъ.

Лилля Венета (къ святому Гвальберту).

О, владыка,
Поговори теперь въ мою защиту.

Святой Гвальбертъ.
Пришелъ во имя Бога моего
Просить объ угнетенныхъ. Предъ тобою

Дочь короля страны, что сражена,
Отецъ и братья—у тебя въ неволѣ,
Объ участи ихъ молитъ.

Лилля Венета.

О, царица,
Пришла просить я за отца и братьевъ.
Зачѣмъ глядишь такъ строго на меня?
Вѣдь я покорна, и пришла слезами
Омыть твои стопы, тебѣ я буду
Служанкой, полотно твое бѣлить,
Твоихъ коровъ доить, твоихъ скворцовъ
Я научу, чтобъ день и ночь хвалили
Они тебя за моего отца
И братьевъ. А въ глаза мои ты будешь
Какъ въ зеркало смотрѣться, будешь видѣть
Себя въ нихъ доброй, кроткой, и веселой,
Красивой,—и, сама себя увидя,
Себя любить ты будешь; я же буду
Тебя любить еще сильнѣй, чѣмъ ты
Сама себя любить способна будешь.

Гвинона.

Пришла ты слишкомъ поздно.

Лилля Венета.

О, не надо!
Не говори такъ! Я сюда летѣла
Какъ голубь къ голубятамъ. И когда бы
Не этотъ старый человекъ, царица,

Ужь я бѣ на шеѣ моего отца
Давно повисла. Гдѣ онъ? Гдѣ отецъ мой?
(Входитъ Дервидъ съ вырванными глазами и возноситъ
руки надъ Лиллей Венедой).

Дервидъ.

Пустите же! Пустите же меня!
Хочу ее своей увидѣть кровью
И мозгомъ. Здѣсь она. Здѣсь, здѣсь, я вижу.
Будь проклята!

Лилля Венедъ.
Отецъ, то я, отецъ.

Дервидъ.

Что? Это голосъ дочери моей.
О, небеса! я дочери не вижу.

Лилля Венедъ.

Тебѣ, отецъ мой, вырвали глаза.
Совѣмъ? Скажи, совѣмъ меня не видишь?
Постой, кровь оботру я волосами,
И больше мыть волосъ себѣ не буду,
Но по землѣ дамъ, краснымъ, волочиться,
И, ставши на колѣни въ томъ покровѣ
Чудовищномъ, взывать я буду къ Богу.
Отецъ несчастный! Злые, злые люди,
Преступные! Царица невиновна.
Ты невиновна? Да? Скажи, вѣдь правда?
Свершить такое женщина не можетъ.
Теперь сама страдаешь ты, я вижу.

Отдай мнѣ старца, ради Бога! Все же
Ты можешь видѣть, глазъ онъ не имѣеть,
Лишь двѣ мои зѣницы у него,
Наполненныя горькими слезами.
Отдай мнѣ моего отца слѣпого!

Дервидъ.

Мой соловейчикъ милый, помолчи,
Ты этой вѣдьмы бѣшеной не тронешь.

(Къ Гвиношѣ).

А ты, о, ненавистная, скажи,
Тебя терзаетъ зрѣлице слѣпого
И дочери его, которой видно,
Какъ красно ослѣпленіе отца?
Мученіе ея тебя терзаетъ?
Должно терзать: что добыла ты, кромѣ
Росинокъ, что изъ глазъ моей дочурки
Исторгла этимъ яростнымъ злодѣйствомъ,
И слезъ еще ужасныхъ, что сочатся
Изъ красныхъ и пустыхъ моихъ глазницъ?
Такъ если ты разстроена своею
Той немощью, безсиліемъ,—попробуй,
Быть можетъ, смерть моя тебя излѣчитъ,
И будешь ты сыта тигринымъ сердцемъ?

Гвинона.

Припомни, я могу тебя убить.

Лилля Венедъ.

Жестокая! не можешь, нѣтъ, не можешь!
Нѣтъ власти у тебя такой,—и я

Изъ глубины растерзаннаго сердца
Тебѣ скажу, что ты надъ нимъ безвластна.
Три раза смерть ужасную измысли,
Три раза все окажется напраснымъ.

(Къ святому Гвальберту).

Не правда-ль, старче, что Христова матерь
Моей защитой съ ангелами будетъ,
И дастъ побѣду надъ кровавой этой:
Три раза моего отца спасетъ,
И будешь ты краснѣть, что такъ безсильна
Передъ моимъ отчаяньемъ послѣднимъ.

ГВИНОНА.

Вотъ дивный вызовъ. Слышали вы всѣ?
Меня дѣвчина эта вызываетъ.
Ужъ я хотѣла ей отца отдать,
Лоскутъ тотъ старый больше мнѣ не нуженъ;
Теперь изъ-за него турниры будутъ.
За сивый волосъ старца, Грифъ, возьми,
Повѣсь его на деревѣ, пусть солнце
Его палить, и вороны клюютъ;
Для большаго мученья пусть земли онъ
Касается концами ногъ своихъ.

Лилля Венеда.

Король гдѣ? Я пойду и королю
Пожалуюсь.

ГВИНОНА.

Иди.

Святой Гвальбертъ.

Проклятье Бога

Да будетъ на кровавомъ этомъ домѣ.

(Выходятъ).

ХОРЪ ДВНАДЦАТИ БАРДОВЪ.

У старца-короля нѣтъ больше глазъ,
Ихъ вырвали, и дочь его въ терзаньяхъ,
Янтарнымъ сердцемъ плачетъ, а у насъ
Морозъ въ крови, мы въ скорбныхъ трепетаньяхъ.
Но мы—безъ слезъ. Иначе, палачи
Воскликнуть къ людямъ: „Вотъ, они ужъ наши!
Нѣтъ вѣры въ нихъ!“—О, бардъ, терпя, молчи.
А вы, враги, взгляните въ наши чаши.
Въ нихъ кровь. И ждемъ мы молніи изъ тучъ.
Мы ждемъ, что мщенье Божіе заблещетъ.
Коль Богъ молчитъ,—нашъ хоръ гремитъ, пѣвучъ.
Коль хоръ поетъ,—врагъ слышитъ и трепещетъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Поле битвы, ночь. Ружа Венета, въ глубинѣ, сжигаетъ кости воителей и поетъ.—Слязь входитъ.

Слязь.

Ей-ей, здѣсь труповъ—словно въ полѣ маку.
Глушцы! Когда бы кто ихъ всѣхъ спросилъ:
Вы, дурни, почему не шевелитесь?
Одинъ бы отвѣчалъ: кусочка сердца
Мнѣ не хватаетъ; а другой бы молвилъ:
А у меня въ спинномъ хребтѣ есть стрѣлка,
Малюсенькая стрѣлка; и любой
Имѣлъ бы отговорку, а со мною
Не будетъ такъ. Я буду жить до смерти,
По смерти-жъ будетъ то, что Богъ захочетъ,
И то, что пожелаетъ панъ Гвальбертъ.
Что тамъ за вѣдьма предъ костромъ горячимъ,
Освѣщена пыланьями костей?

РУЖА ВЕНЕТА.

Нѣтъ больше чаръ, здѣсь кто-то есть живой.

Слязь.

Христось, она убить меня готова.

РУЖА ВЕНЕТА.

Гадъ, кто ты?

Слязь.

Кто со страху умеръ.

РУЖА ВЕНЕТА.

Путь твой?

Слязь.

Повсюду, гдѣ прикажетъ ваша милость.

РУЖА ВЕНЕТА.

Я знаю, кто ты... ты убійцей будешь.

Возьми кинжалъ.

Слязь.

Она—изъ сумасшедшихъ.

РУЖА ВЕНЕТА.

Передъ тобой рѣка болѣзной крови
Изъ этихъ тѣлъ течетъ,
За той водой домъ человѣка,
И человѣкъ тотъ пропадетъ:
Мнѣ жизнь его—какъ жизнь собаки,
Его ты долженъ умертвить.

Слязь.

Я?

Ружа Венеда.

Ты убьешь его съ разсвѣтомъ,
Затѣмъ пойдешь и будешь въ этомъ.
Услышь еще. Ты воръ.

Слязь.

Я воръ?

Ружа Венеда.

Ты украдешь,
Ты арфу золотую украдешь,
Которой мой отецъ владѣть.

Слязь.

Прекрасно!

Ружа Венеда.

Ты ее возьмешь,
И если стонъ въ струнахъ зарѣетъ,
И если арфа возкорбитъ,
Когда у моего отца
Ты украдешь ее,—въ томъ плачѣ
Ее ты, какъ дитя, укрой,
И мой отецъ умретъ, но арфа золотая
Освободитъ народы, разливая
Свой звонъ.
Запомни!

Слязь.

Хорошо.

Ружа Венеда.

Иначе, отягченъ
Тяжелымъ камнемъ, бросься въ воду,
Затѣмъ, что будешь глазъ лишень,

И будешь съ сердцемъ разлученъ,—
Ихъ вырву я.

(Отдаляясь, уходитъ въ глубину, къ пламенямъ).

Слязь.

Такъ, значить, долженъ арфу я украсть
И умертвить при этомъ человѣка,
Мнѣ правится такое приключенье.
Изъ тѣлѣ вдругъ вылѣзаетъ привидѣнье,
Изъ пламенныхъ огней, и говорить:
Слязь, ты убійца. Очень благодарень,
Что обо мнѣ хорошаго ты мнѣня.
Она жь опять: Почтеннѣйшій мой Слязь,
Ты, ваша милость, воръ. Хотѣлъ за это
Дать тумака ей, а она въ огонь,
Какъ саламандра. Вотъ и говори съ ней.
Хоть бы она, по крайности, сказала,
Повѣсятъ ли меня, какъ буду воромъ?
Ну что жь теперь мнѣ дѣлать?.. Вижу тамъ,
Въ бронѣ златистой, на горѣ, покойникъ,
Пойду-ка, обдеру съ него доспѣхи,
И самъ въ нихъ облечусь: быть можетъ, въ нихъ
Найду себѣ немного я отваги.

(Уходитъ).

Ружа Венеда (напѣваетъ).

Трещить на огнѣ скелеть,
И мозгъ закипѣлъ съ черенами,
Расцвѣтетъ тутъ бѣлый цвѣтъ,
Много лилій, стеблей съ цвѣтами,

О, съ бѣлыми, бѣлыми цвѣтами.

О! о!—о! о!

Трупы мои! Трупы мои! Трупы!

Богъ съ вами!

Трупы—въ пламя огней.

Мой милый блисталъ здѣсь очами,

Но въ черепъ вползъ къ нему змѣй,

Кровавыми впился устами,

Кровь выпилъ вмѣстѣ онъ съ очами.

О! о!—о! о!

Трупы мои! Трупы мои! Трупы!

Богъ съ вами!

(Отдаляется, пламени гаснутъ).

С л я з ь (входитъ въ доспѣхахъ
одинъ).

Ну вотъ, я нарядился, какъ на праздникъ,

Та вѣдьма верещить во всю здѣсь глотку,

А людямъ тутъ желается поспать.

Вотъ, на примѣръ, тотъ гражданинъ, что далъ мнѣ

Наряды эти, онъ хотѣлъ поспать,

Покойничка я долженъ былъ прикончить.

Та вѣдьма, значить, правду возвѣстила,

Затѣмъ что, разъ добить того, кто жить

Уже не можетъ, значить—умертвить,

Такъ, значить, не добилъ его,—убилъ я.

Гдѣ-жь заповѣдь такая: Не добей!

Да если-бъ даже заповѣдь такая

Была, такъ я вѣдь вовсе въ нихъ не вѣрю.

Итакъ... еще могу въ мою защиту

Прибавить, что покойникъ тотъ меня

Просилъ, чтобъ мертвецомъ его я сдѣлалъ...

Онъ такъ сказалъ... ты видишь здѣсь Сальмона,

Изломаны всѣ кости у него,—

Добей же. Ну, и я добилъ, конечно,

И дѣлу тутъ конецъ. Теперь пойду

Въ нарядѣ этомъ къ Леху, и какъ будто

Пришелъ я съ Лехомъ, буду я у Леха

Служить, и будутъ шляхтичъ звать меня.

(Уходитъ).

СЦЕНА 2-я.

Зала въ замкѣ Леха.—Лехъ и Сыгонь.

Л е х ъ.

Итакъ, ты видѣлъ, какъ Сальмонъ мой сгинулъ?

Какъ смерть къ нему приспѣла, расскажи.

С ы г о н ь.

Когда враги послѣдніе бѣжали,

И ты на ворономъ своемъ конѣ

Пустился за Венедями, Сальмонъ твой,

Увидѣвъ въ горь, на которомъ встало

Собраніе двѣнадцати Дервидовъ,

И всѣ держали арфы золотыя,

Вънчая въ горь ими и собою,

Сальмонъ твой юный, мечъ свой обнаживъ,

И никакого не найдя отпора,

Дервида короли схватилъ десницей

За бороду сѣдую, и совлекъ
Порывомъ рѣзкимъ съ каменнаго трона,—
Какъ вдругъ двѣнадцать золотистыхъ арфъ,
Какъ бы сѣкиръ двѣнадцать вознесенныхъ,
На шлемъ Сальмона пало... слышалъ я
Стонъ шлема и двѣнадцатиголосый
Стонъ арфъ... Бѣгу туда... Ужъ взгорье пусто,
Лишь трупъ Сальмона тихо тамъ лежитъ.

Лехъ.

Клянусь! Изъ арфъ мнѣ каждая отвѣтитъ
За рыцарскую жизнь своею жизнью.

Сыгонъ.

На королѣ отмстила королева.

Лехъ.

И какъ?

Сыгонъ.

Глаза ему велѣла вырвать.

Лехъ.

Клянусь, чрезмѣрно мягко наказанье!
Псы! псы! Воитель, арфами убитый.
Такъ рыцаря убить. Я эту чашу
Хотѣлъ бы кровью всю налить сполна...
Разбитый, какъ горшокъ, и не оружемъ,
Лишь арфами!.. фу!.. страшно. О, Сыгонъ,
Когда бы мнѣ такая смерть грозила,
Срѣжь голову мою, сруби ее.

(Входитъ Лилля Венеда).

А это что за бѣлая Венедка?

Сыгонъ.

Дочь короля.

Лехъ.

Дочь старца-короля,
Который моего убилъ Сальмона?

Сыгонъ.

Да, господине.

Лехъ.

Отъ меня чего же

Ей нужно?

Лилля Венеда.

Милосердія.

Лехъ.

Какъ разъ

Теперь во мнѣ замерзло милосердые:
Отецъ твой мнѣ—какъ гадъ какой противный.
Имъ юный рыцарь, рыцарь мой убить.

Лилля Венеда.

Такъ будь не милосерднымъ,—справедливымъ.
Ты тысячи у моего отца
Убилъ—и юныхъ рыцарей, и старыхъ
Друзей, а между тѣмъ твоя жена
Глазъ даже не оставила ему
Поплакать надъ недолею своею.
Все у него вы отняли! ахъ, все!

И даже утѣшеніе, которымъ
Рыдающій немножко облегченъ:
Черезъ завѣсу слезъ увидѣть небо,
Или лицо того, кто вмѣстѣ плачетъ,
Иль щеки гнѣвной дочери своей,
Которая, желая быть веселой,
Лицо свое надеждой озаряетъ.
Владыка, все вы взяли у него,
Все отняли, осталось только сердце
Его несчастной дочери! Иди,
Иди же, Лехъ... увидь его... и будешь
Ты плакать!.. Ну, иди, иди же, Лехъ!..
Виситъ онъ на дворѣ твоёмъ, привязанъ
За волосы сѣдые... Онъ страдаетъ,
Онъ голоденъ. Иди, и посмотри,
Что сдѣлали они съ моимъ несчастнымъ
Съдымъ отцомъ!.. Глаза твои не слѣпы,
Взгляни же, Лехъ, и если этотъ видъ
Въ тебѣ не разогрѣетъ милосердіе,
Такъ, можетъ быть, ты, Лехъ, не человѣкъ.

Лехъ.

Сыгонъ, моя Гвинона тамъ сбѣсилась
И мѣру перешла.

Лилля Венеда.

О, господине,
Она передъ висящимъ этимъ старцемъ
Твоихъ дѣтей злодѣйству научаетъ,
И называетъ моего отца

„Король“, а эти малые за нею
Щебечутъ и чирикаютъ: „Король,
Король“,—и, взявши камешки, бросаютъ
Въ его пустые красные глаза.
Иди же, Лехъ, и посмотри на ужасъ,
Иди, и этой женщинѣ скажи,
Что нужно наказать ее, что малыхъ
Твоихъ дѣтей она преступно портитъ,
Изъ нихъ цареубійцы возрастутъ;
Когда они тебѣ „Король“ промолвятъ,
Бояться будешь,—какъ они сейчасъ тамъ,
Совсѣмъ какъ галки, каркая, кричатъ:
„Король, король“. О, Лехъ, поиди, взгляни же...

Лехъ.

Итакъ, Сыгонъ, совсѣмъ грѣшно не будетъ,
Моей любезной крылья пообстричь...

(Выходить).

Лилля Венеда.

Онъ вызволить отца изъ рукъ ихъ страшныхъ...

(Уходить).

СЦЕНА 3-я.

Дворъ въ замкѣ. На одной изъ бсковыхъ стѣнъ видна тѣнь
Дервида, привязаннаго къ вѣткѣ дуба. На передней части
сцены Гвинона, Кракъ и Арфонъ.

Кракъ.

Мать, не хочу я больше камнями
Бить того старца. Онъ ужъ недвижимъ.

Гвинона.

Кракъ, ты, какъ выростешь, бабою будешь.

Кракъ.

Нѣтъ, мой братишка, Арфонъ, будетъ бабой,
Я же, какъ батюшка, рыцаремъ буду.

Гвинона.

Хочешь быть рыцаремъ? Чуть я сказала,
Чтобы изъ лука ты выстрѣлилъ въ сердце
Этому старцу, завылъ, какъ щенокъ, ты:
„Нѣтъ, я жалю, старикъ этотъ—добрый“.
Срамъ тебѣ, чижикъ ты, чижикъ, не мальчикъ.

Кракъ.

Что-жь тотъ старикъ тебѣ сдѣлалъ, Гвинона?

Гвинона.

Что? А Сальмона ужь, Кракъ, позабылъ ты?
Помнишь Сальмона, который тебя
Вздить верхомъ научилъ, съ гарцованьемъ?
Старецъ Сальмона убилъ, и Сальмонъ
Больше сюда никогда не вернется.

Кракъ.

Старецъ вотъ этотъ Сальмона убилъ?

Гвинона.

Видишь? Ужь ручки ты стиснулъ въ кулакъ,
Вотъ ужь ты гнѣвный... Арфонъ, дай братишкѣ

Лукъ твой... отдай ему. Лучше тебя
Выстрѣлить онъ.

Арфонъ.

Ну, и самъ понаду я.

Гвинона.

Съ арфой своей забавляйся, иди,
Лукъ же братишкѣ отдай.

(Давая Краку лукъ).

Мѣться въ сердце.
Въ сердце. Ты знаешь, гдѣ сердце?

Кракъ.

Я знаю,

Бьется во мнѣ оно громко сейчасъ.

(Цѣлятся изъ лука въ ту сторону, гдѣ находится мучимый
Дервидъ. Входятъ Лехъ, Сыгонъ и Лилля Венеда).

Лилля Венеда.

Видишь, отца моего убиваютъ.

Лехъ.

Гвинона, пусть онъ лукъ сейчасъ опуститъ,
Вели ему, не то, клянусь, его,
Какъ макъ, перерублю свою саблей.
Что-жь это?... Тутъ отецъ у васъ ничто?
Лукъ опусти! Ты слышишь? Опуститъ же,
Или тебѣ расколочу я лобъ!

Гвинона.

Кракъ, опусти свой лукъ, отецъ такъ хочеть...
На что жё ты такъ гнѣвень, человекъ мой?

Лехъ.

Не гнѣваться? Не гнѣваться я долженъ?
Когда я вижу собственныхъ дѣтей
Въ ругательствѣ надъ царскою недолей?
Клюютъ живое мясо, какъ орлята.
Что-жь это? или дѣти у меня
Воспитаны, какъ мясникомъ собаки?..
Щенята, прочь отсюда, говорю!

(Дѣти отходятъ).

Ужь будетъ этихъ ужасовъ, Гвинона.
Вели, чтобъ отвязали старика.

Гвинона.

Ты господишь. Вели, чтобъ отвязали.

Лехъ.

Ужь въ гнѣвъ?

Гвинона.

О, проклятый день, когда
Я допустила, чтобъ меня умчали
Съ Исландскихъ береговъ, чтобъ здѣсь была я
Невольницею гнѣва твоего
И прихоти твоей непостоянной.
Мнѣ лучше было-бъ съ моремъ обручиться
Или съ огнепылающимъ вулканомъ,
Иль быть супругой Никсовъ, Домовыхъ,

О, лучше-бъ, да, въ сто разъ мнѣ лучше-бъ
было,

Чѣмъ съ немущимъ рыцаремъ моимъ
Бродить по свѣту, видя поруганья,
И въ днѣ быть неувѣренной въ одномъ,
Что любить мужъ меня. Онъ какъ же любить,
Тотъ левъ рычащій? Иль грызеть мнѣ сердце,
Или ласкаетъ дланю желѣзной.

И какъ онъ угождаетъ мнѣ? Онъ утромъ
Мнѣ угодить, а вечеромъ караетъ.
За вѣрную любовь какъ награждаетъ?
Что утромъ дастъ, то вечеромъ возьметъ.

И я не знаю, что, ему жена я
Или слуга? Мила или горька?

Въ его умѣ достойна иль подла?

О, Лехъ, коль навсегда такъ быть должно,

Ужь лучше прогони меня,—пойду я

Босая въ темный лѣсъ, къ волкамъ, къ медвѣ-
дямъ,

Имъ угождать, къ нимъ ластиться, ласкаясь,

И ихъ о нѣжной жалости просить.

Стыдишься; ничего не отвѣчаешь?

Да, потому, что благороденъ ты,

И вѣдаешь, что правота за мною.

Сегодня отдалъ мнѣ того Дервида,

Впервые я сказала: Онъ мнѣ вѣритъ!

Все-жь вѣритъ!—Вотъ, и снова—заблужденъс.

Идите всѣ, взглянуть, какъ рыцарь Лехъ

Свое передъ женою держать слово.

Его святому слову довѣряя,

На это слово я свое дала:
Свое святое слово онъ ломаетъ,
И опозорить я себя должна,
И не свершить того, въ чемъ поклялась я...
Ну, дѣвушка, иди сюда! Сегодня
Ты билась объ закладъ, что твоего
Отца три раза вырвешь ты у смерти,
А я пообѣщала, что отца
Тебѣ отдамъ, коли его у смерти
Трикратно вырвешь ты. Ну, что-жь, легко
Тебѣ закладъ твой взять у королевы,
Чью честь не защищаетъ мужъ и рыцарь.
Такъ тѣшься.—Ты же, Лехъ, въ честь той юницы,
Въ честь дѣвы той, ты выпьешь кровь мою,
Меня ты знаешь. Такъ смотри, запомни,
Что говоришь съ Исландской королевой!
Я не привыкла знать такой позоръ.

(Хочетъ уйти).

Лехъ.

Стой!

Гвинона.

Ухожу и тотчасъ съ башни сброшусь.

Лехъ.

Стой, женщина!

Гвинона.

А какъ меня не будетъ,
Для арфы золотой своей велишь ты
Струнъ понадѣлать изъ волосъ моихъ,

И этотъ старецъ для тебя сыграетъ
И смерть мою расскажетъ... или вихрь
Исландскій прилетитъ изъ мѣстъ родныхъ
И ротъ прижметъ къ струнамъ, проклятьемъ воя.

Лехъ.

Разжалобилась слишкомъ ты теперь,
Съ тобой не сговоришь.

(Хочетъ уйти).

Лилля Венедда (удерживая его).

О, мой владыка!

Лехъ.

Чего та вѣдьма хочетъ отъ меня?
Всеѣ на меня.

Лилля Венедда.

Такъ что-жь, умреть отецъ мой?

Лехъ.

Сто разъ отецъ твой смерти заслужилъ,
Пусть рыцари мои его прикончатъ...
И пусть не слышу больше я о немъ.

Лилля Венедда.

Ахъ, злой! Ахъ, безсердечный! Ну, такъ слушай,
Ты, страшный человекъ! И слушай ты,
Кровавая владычица. Найду вамъ,
Чтобъ накормить въ васъ вашу жажду мести,
Такую вещь, такое я измыслю,

Что этот ужасъ въ страхъ васъ вгонить всѣхъ.
Послушайте! послушайте вы только!
Есть сыновья у старца, и они
У васъ въ неволѣ... двое въ плѣнъ попали.
Такъ жребіемъ одинъ пусть выбранъ будетъ,
И въ руки острый пусть возьметъ топоръ,
На сто шаговъ пусть съ топоромъ онъ станетъ,
И бросить имъ въ отца... Хотите вы?

Гвинона.

Пусть плѣнники придутъ.

Лилля Венета.

Но слушай, слушай,
Король! Коль братъ мой, бросивъ свой топоръ,
Лишь срѣжетъ старцу волосы сѣдые...
Смотри, вонъ тѣ, что свѣтятся прозрачно,
Какъ блѣдно-голубой звѣзды огонь,
Межъ деревомъ и старой головою,
Коль срѣжетъ только волосы ему,
Такъ узниковъ отпустишь ты на волю...
Ты общаешь?

Лехъ.

Кто совершитъ такое,
Тотъ будетъ вольнымъ.

Лилля Венета.

Оба?

Лехъ.

Оба, такъ...

Лилля Венета.

А мой отецъ?

Гвинона.

Онъ мнѣ принадлежитъ...

Избавь его три раза такъ, и будетъ
Онъ вольнымъ.

Лилля Венета.

Ахъ, ужели-жь не довольно

Такъ разъ отца избавить, королева!

(Входятъ Лелюмъ и Полелюмъ. Оба соединены плѣью такъ,
что правая рука первого прикована къ лѣвой рукѣ
Полелюма).

Гвинона.

Вотъ узники. Возьмутся ли, спроси ихъ,
Сестра, ты въ страшный торгъ идешь за нихъ.

Лилля Венета.

Скажите вы имъ... Вся я трепещу.

Лехъ.

Есть вѣсть, что мѣтко мечете топоръ.
Коль кто изъ васъ на сто шаговъ намѣтитъ
Топоръ въ отца и бросить такъ его,
Что только срѣжетъ волосы сѣдые
У старика, висящаго на деревѣ,—
Свободенъ онъ, а также братъ его.

Лилля Венета.

Не захотятъ! они не захотятъ!
Полелюмъ, только въ этомъ есть спасенье,

Единое спасенье для отца;
На деревѣ повѣшенный, умретъ онъ,
Вѣсть не дають ему, пить не дають...
Онъ умираетъ... Онъ васъ не увидитъ...
Глаза ему исторгли. Коль топоръ
Ему вонзится въ голову, убивши,
Онъ не увидитъ сына своего.
Не узреть смерти предъ своею смертью,
Коль онъ умретъ... и собственного сына
Въ безжалостности онъ не упрекнетъ...
Возьми топоръ, Полелюмъ... онъ не видитъ.
Возьми лишь смѣло.

Полелюмъ.

Дай.

Лилля Венеда.

Его не рань.

Полелюмъ.

И что-жь теперь мнѣ дѣлать?

Лехъ.

А, собака!

Ты цѣлишься въ меня.

Полелюмъ.

Ты говоришь,

Что въ моего отца я цѣлить долженъ?

Лехъ.

Сгнѣшь въ цѣпяхъ, коль слушаться не будешь.
(Полелюмъ бросаетъ топоръ наземь).

Лелюмъ.

Братъ, ты въ цѣпяхъ,—зачѣмъ же возстаешь?
Полелюмъ, мы невольники. Помысли...
Вѣдь хорошо желѣзомъ ты владѣешь.
Когда бъ въ тебѣ не сердце, ты попалъ бы;
Такъ сердце на мгновенье отрави,
И думай, что тебѣ ударить нужно
Не въ волосы отца, а въ лоно этихъ,
Вонъ тѣхъ людей, что опутять позоръ
Своей побѣды надъ народомъ нашимъ...
Полелюмъ! вознеси топоръ ужасный;
Прикованный своей рукою лѣвой
Ко мнѣ, невольникъ ты моей десницы,
Ты весь—рука есть правая моя:
Ты бросишь,—твой ударъ, мое страданье...
Иль мы и нашъ отецъ уже навѣкъ
Своею долей сломленными будемъ,
И никогда кровавымъ людямъ тѣмъ,
И никогда имъ показать не сможемъ,
Что можетъ рабъ отчаяньемъ своимъ.
Полелюмъ! мщенья!.. Гасну я въ темницѣ...
Мнѣ нужно солнца... мщенія тебѣ.
Ахъ! будь отважнымъ.

Полелюмъ.

О, владыки ада!

Братъ, умирая, мучается здѣсь...

А тамъ отецъ... тутъ мнѣ дають топорь...
Что дѣлать?

Лилля Венед.

О, мой братъ! О, мой Полелюмъ!
Ты всѣхъ освободишь насъ.

Полелюмъ.

Дай топорь.

О, Боже! Отвернитесь, чтобы страха
Я не видалъ на вашихъ блѣдныхъ лицахъ.
Такъ волосы вонъ тѣ мнѣ нужно срѣзать...
Тѣ волосы... тѣ волосы сѣдые...
Вы на меня не устремляйте взглядовъ,
Мои глаза затянута слезой.
Ужасно! Вы увѣрены ли въ томъ,
Что мой отецъ не видитъ?.. Лишь скажите,
Увѣрены ли вы?

Лилля Венед.

Глаза его

Исторгнуты.

Полелюмъ.

Отъ блеска топора

Утратилъ бы глаза онъ, если-бъ люди
Ихъ не исторгли. Ахъ, довольно было
Такую вещь измыслить,—и глаза
Себѣ бы старецъ вырвалъ самъ, чтобъ только
Не видѣть своего убійцу-сына.
О, Боже, до чего-жъ ты человѣка
Доводишь, потерявшаго отчизну!
Глядите же, чтобъ брата мнѣ спасти,

Замучить долженъ своего отца я.
Сестра родная объ убійствѣ просить,
Смѣются люди надъ моимъ терзаньемъ.
Часъ мщенья или смерти, о, приди.

Гвиона.

Такъ что же, ты отважиться не можешь?

Полелюмъ.

О, наглая, боюсь своей отваги!..
Ведите же меня туда, откуда
Топорь я долженъ бросить. Будетъ вамъ
Ударъ Венед страшной долго сниться...
(Окованныхъ братьевъ ведутъ до предѣла металла топора).

Хоръ двѣнадцати бардовъ.

Гдѣ-жъ справедливость Божья? гдѣ перуны?
Сынъ въ своего отца стремится топорь.
Все небо въ красномъ заревѣ, тамъ луны
Кровавыя, тамъ молнійный узоръ.
Сверканій дождь ужасный... Миръ трепещетъ!
Что, если въ черепъ стукнетъ лезвее?
Топорь въ рукѣ дрожитъ, мигаетъ, блещетъ,
Сытъ, сердце разрывается твое!
Дочь, кровь отца тебя окраситъ въ срамъ!
Бѣда вамъ, о невольники, бѣда!
Вы вашу кровь смѣшали со слезами,
Подстилка вы орлинаго гнѣзда.
Кровь сердца вы даете въ клювъ орлицы,
И снова клювъ ея исторгнетъ кровь.
Раскиньте-жъ валихъ мщений вереницы!
Пока есть сердце, мести, мести вновь!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА 1-я.

Зала въ замкѣ Леха. Лехъ и Сыгонь.

Лехъ.

Теперь, Сыгонь, узналъ Венедовъ ты?
Ты знаешь, какъ топоръ метать умѣють?
Въ моихъ ушахъ звенить еще желѣзо.
Тревогою удушенъ, застоналъ я,
Надъ головой Дервида увидавъ
Желѣзо, разсыпашее искры.
Боялся я, что въ стонѣ топора
Услышу стонъ зарубленнаго старца,
Но нѣтъ, онъ только руки протянулъ,
И отступилъ отъ древа, какъ видѣнье,
Со срѣзанными ровно волосами,
Кровавыми слезами весь заплаканъ,
Съ лицомъ, въ которомъ божескій былъ смѣхъ...
Такой Венедъ подвигъ будетъ жить,
Когда исчезнуть и могилы наши...

Ты знаешь что, Сыгонь,—стань тамъ, подь
древомъ,
Какъ цѣль; на волосахъ твоихъ смогу я
Испробовать свой глазъ и вмѣстѣ мечъ!

Сыгонь.

О, Лехъ, я лысъ.

Лехъ.

Ты лысый, это правда,
Вотъ штука въ чемъ; но все-жъ у медвѣдей
Хочу я вырвать славу, что снискали;
Сегодня спать не могъ я; а подь утро,
Когда сомкнулъ глаза я, тѣнь Сальмона
Явилась мнѣ, и только говорила
Извительныя бранныя слова. (Слышетъ рогъ Сальмона).
Что-жъ это? слышишь? слышишь рогъ Сальмона?
Передъ вратами замка онъ трубить.
А ты сказалъ мнѣ, что Сальмонъ убить былъ?

Сыгонь.

Клянуся Богомъ, видѣлъ трупъ его.

Лехъ.

Но посмотри, Сальмонъ тамъ предъ вратами.

Сыгонь.

Мнѣ кажется, тотъ рыцарь похудѣе.

Лехъ.

А старыми глазами не узналъ ты
Доспѣхи? То Сальмонъ! Идемъ. Сальмонъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА 2-я.

Та же самая зала.

ГВИНОНА (входит).

Что слышу? То Сальмонъ трубитъ... О, Боже!
Едва нашла ужасныя я муки,
Чтобъ отомщенъ онъ былъ,—онъ тутъ, живетъ.
Такъ значить такъ, что сердце привыкаетъ
Къ тому, что неизбежно, хоть бы это
И очень было страшнымъ, и не хочеть
Вернуться изъ отчаяннiя въ радость
Минувшую, и снова съ мертвецами,
Которые вернулись, говорить;
И значить такъ, что тѣ мѣста, въ которыхъ
Черезъ умершихъ стало сиротливо,
Разъ опустѣли, и должны быть пусты,
Дабы надежды наши не мѣнялись,
Надежды, что мгновенно паутину
Задѣлываютъ тамъ, гдѣ Рокъ прошелъ,
Чтобы не видѣть въ ней пустыхъ разрывовъ.
Мстить за него хотѣла... онъ приходитъ.
Безъ цѣли мечь теперь и безъ причины,
А между тѣмъ она ужъ начата.
Горячій змѣй любви моей нечистой
На прежнее свое приходитъ мѣсто,
Въ остывшее идетъ опять. И нужно
Все снова начинать, и никогда
Увѣренной не быть въ концѣ пришедшемъ!
(Лехъ, Слязь, въ доспѣхахъ, его несутъ на рукахъ рыцари,
Сыгонь).

СЫГОНЬ.

Сальмонъ! Сальмонъ! Да здравствуетъ Сальмонъ!

ЛЕХЪ.

Привѣтствуй же его и ты, Гвинона!
Несите кубки... Кто не пьетъ сегодня,
Я самъ поговорю съ нимъ! Какъ же ты,
Сальмонъ, отъ смерти спасся?

СЛЯЗЬ.

Тотчасъ я
Все расскажу, лишь на ноги поставте,
Чтобъ я стоялъ на собственныхъ ногахъ.
Такъ, я Сальмонъ, Сальмонъ я безъ сомнѣнiя,
Сальмонъ я зачарованный, и лучшiй,
Чѣмъ тотъ Сальмонъ, что не былъ зачарованъ,
Душа Сальмона въ тѣлѣ я другомъ.

ЛЕХЪ.

Шлемъ подними, пусть я тебя увижу.

СЛЯЗЬ.

Э-эхъ, и шлемъ мой также зачарованъ,
Какъ въ немъ замкнулся, такъ вотъ и сажу...
Въ проклятой клѣткѣ!

ЛЕХЪ.

Что ты говоришь?

СЛЯЗЬ.

Пускай погибну, ежели солгалъ я.
Не я хожу въ томъ шлемѣ,—шлемъ со мною

Повсюду волочится здѣсь по свѣту,
И будетъ такъ держать меня, покада
Онъ не захочетъ голову мою
Освободить, чтобы она поѣла.
Шлемъ этотъ ѣсть не хочетъ, ротъ закрыть,
И не откроетъ, дьявольская клѣтка,
Проклятая машина,—создана,
Чтобъ голодомъ замучить человѣка.

Гвиона.

То не Сальмонъ, о, рыцари, срубите
Съ плечъ голову ему!

Слязь.

Сальмонъ, клянусь!

Гвиона.

Сальмонъ вчера убить былъ.

Слязь.

Былъ убить я

Вчера, до самой смерти былъ убить.
Почтенные, мечей не вынимайте,
Затѣмъ что, если вы теперь меня
Убьете, жить я болѣе не буду.
Убийство—это лишь на разъ одинъ;
Разъ удалось, другой же не удастся
Ходить по смерти.

Лехъ.

Что же ты? Ты духъ?

Слязь.

Мечи вложите въ ножны, я отвѣчу.

Лехъ.

Коль не Сальмонъ ты,—смерть.

Слязь.

Но я Сальмонъ.

Лехъ.

Такъ говори же какъ Сальмонъ.

Слязь.

Вотъ штука:

Разъ зачарованъ, это невозможно.

Лехъ.

Кто жъ эту чару бросилъ на тебя?

Слязь.

Кто? А вчера лежалъ я мертвый въ полѣ;
Какая-то вдругъ вѣдьма, что сжигала
Тамъ трупы, подошла ко мнѣ въ упоръ,
И за ноги взяла. Что жъ, ничего,
Я мертвый былъ, не говорилъ ни слова;
Но великанша страшная меня
Швырнуть въ огонь хотѣла,—я вѣдь мертвый;
Ну, началъ я кричать... и эта вѣдьма
Мои пустила ноги... ну, я всталъ,
Ну, въ гнѣвъ она пришла, что я не умеръ,
Зачаровала, вынула глаза,

Дала глаза другіе мнѣ на память,
Глаза косые, сѣрые, у кошки
Ихъ вырвала она, и я увидѣлъ
Въ ночи, что измѣнила мнѣ и носъ,
Клювъ аиста взяла, и прилѣпила
Къ лицу мнѣ между глазъ; ну, я стыдясъ
Такого носа, опустилъ забрало,
Потомъ хотѣлъ поднять, — не тутъ-то было,
Забрало не желаетъ подниматься;
Вотъ, рыцари шляхетные, что было,
И ежели хотите убѣдиться,
Какъ эта вѣдьма страшно измѣнила
Меня своими чарами, тогда
Изъ милосердыя шлемъ мой растворите.

Гвинона (открывая шлемъ Сляза).

О, небо!

Слязь.

Какъ находите меня!

Гвинона.

Страшилище худое!

Слязь.

Что худое,—

Худое. Мой владыка надо мною
Занялся анатоміей.

Гвинона.

Владыка?

О комъ ты говоришь?

Слязь.

О комъ? О Богѣ.

Лехъ.

Но эта вѣдьма не зачаровала
Безстрашное твое мужское сердце?

Слязь.

Что сердце? Для чего на сердце—чары?
Такого носа развѣ не довольно?

Лехъ.

Изъ всѣхъ моихъ воителей ты былъ
Красивѣйшимъ, теперь же страшно гадкій.

Слязь.

Увидите, лишь дайте мнѣ поѣсть,
Какъ потолстѣю, буду не противень.

Лехъ.

О, если бъ Богъ вернулъ тебѣ твой видъ!

(Уходятъ всѣ, кромѣ Гвиноны).

Гвинона.

Какой-нибудь обманщикъ, что одѣлся
Въ Сальмоновы доспѣхи. Легковѣрны
Всѣ рыцари. Обманомъ самымъ малымъ
Легко ихъ обойти; и хотѣ замѣтить,
Что нить мишурина, не хотятъ распутать
Всего клубка; одни чрезъ лѣнь свою,

Другіе въ этомъ выгоду увидятъ,
Или забаву; черезъ доброту
Даютъ взрости той поросли обмана,
Стыдятся за другихъ, за тѣхъ, которымъ
Стыдиться нужно. О, народъ тупой,
Ихъ руки сильны, головы не мыслятъ,
Хотѣла бь въ нихъ мою я твердость влить,
Иначе... первый взрывъ грозы... и только,
Ихъ больше нѣтъ. Я покажу имъ мысль,
Что вѣчно смотреть зорко въ сердце вражье,
Какъ остріе кинжала; покажу,
Что значить воля женщины,—какъ можно
Глухою быть на посторонній стонъ,
Какъ нужно взоръ вонзить до глубины
Того, что разъ въ себѣ рѣшилъ, какъ цѣль.
Коль ничему не научу,—бѣда имъ.

(Уходитъ).

СПЕНА 3-я.

Поле около лѣса. Лилля Венеда, Лелюмъ и Полелюмъ въ цѣняхъ.

Лилля Венеда.

Вотъ вы свободны. Пусть Ружа Венеда
Вамъ на рукахъ разорветъ эти цѣпи,
Я же къ отцу ворочусь, что въ неволѣ,
Только три дня, и живого верну.
Лелюмъ, была я твоей нареченной,
Нынѣ жь невѣста я смерти печальной,
Можетъ быть, я не вернусь никогда ужь,

Можетъ, не свидимся мы никогда.
Не забывай меня! не забывай меня!
Я какъ сестра тебя нѣжно любила,
Я какъ любовница вѣрно любила,
Нынѣ люблю какъ идущая въ смерть.
Помнишь, какъ дѣти мы малыя были,
Мы на колѣняхъ—предъ арфой стояли,
Съ той и другой стороны черезъ струны
Мы поцѣлуемъ мѣнялись съ тобой;
Чрезъ золотыя съ тобой цѣловались,
Стономъ струны поцѣлуи кончались,
Предвозвѣщенье судьбы это было,
Въ арфѣ отцовской пѣвучій былъ стонъ.

Лелюмъ.

Если ты смерть свою раннюю чувствуешь,
Дай цѣлованье послѣднее мнѣ.

Лилля Венеда.

Арфа отцовская въ скорбной неволѣ,
Я же еще не супруга твоя,
Губъ не могу я дозволить коснуться,
Нѣтъ, не могу, хоть плакуютъ уста.

Лелюмъ.

О, распустя твои косы златыя,
Спрячься за ними, какъ бы за струнами,
Пусть до коралловыхъ устъ я устами
Нѣжно коснусь черезъ косы твои...

Лилля Венеда.

Нѣтъ, какъ голубка простая, я брошусь
Въ ваши объятія, любимые братья,
Плохо на свѣтѣ мнѣ, сумрачно, смутно,
Впрочемъ, обычная повѣсть—моя...
Ну, такъ прощайте. А если какое
Эхо, вздохнувъ, обо мнѣ васъ спросить,
Этому возгласу откликъ вы дайте,
Тихо промолвивъ въ отвѣтъ: умерла.

(Уходитъ).

Лелюмъ.

Братъ мой! ты слышалъ? Она умираетъ...

Полелюмъ.

Адская бездна во мнѣ. И когда я
Противъ отца топоромъ замахнулся,
Въ голову мѣтя, желѣзо крутиль,
Такъ не страдалъ я, какъ въ это мгновенье,
Слыша ея и твое щебетанье,
Дѣти недоли. Не мучься, три дня лишъ,—
Всѣ мы исчезнемъ и будемъ ничѣмъ.

Лелюмъ.

Послѣ меня будешь жить ты, Полелюмъ.

Полелюмъ.

Послѣ тебя?

Лелюмъ.

Потому тебѣ имя
Ворожеею дано. Послѣ смерти
Лелюма—будетъ Полелюмъ живой.

Полелюмъ.

Ту ворожбу обличу я въ обманѣ...
Буду ль съ гробами жить въ краѣ неволи,
Возлѣ могилъ вашихъ? Солнце, когда ты
Узришь на братскомъ курганѣ меня,
Узришь живымъ, напруги свои очи,
Божьи свѣтильники, чтобъ на безстыдной
Той головѣ, все и всѣхъ пережившей,
Вспыхнули волосы, вспыхнулъ огонь.
Ромъ ворожить, что я буду послѣднимъ,
Тщетно, послѣднею женщина будетъ,
Что-нибудь, можетъ, другое, слабѣ,
Подлое чудо, которому Богъ
Не даль—въ отчаяннѣ власти кончины.
Это чудовище будетъ послѣднимъ,
Солнце исполнится краской позора,
Видя, что можетъ лишь гадамъ свѣтить,
И не посмѣвшимъ скончаться, какъ люди.
Къ ворожеѣ! Смерть уважаетъ она!

(Уходитъ).

СЦЕНА 4-я.

Зала въ замкѣ Леха. Гвинона, Рыцари, Лехъ.

Гвинона.

Такъ быть не можетъ, нѣтъ, такъ быть не можетъ.
Съ тѣмъ старцемъ нужно кончить... Приведите
Дервида короля сюда, и арфу
Изъ моего покоя принесите.
Клянусь душой, та дѣва помѣшалась;

Иль помѣшалась, или просто лжива;
О, въ бѣлости ея такъ много красокъ,
Какъ въ голубиной шеѣ... Знаю я.
Игральщица на арфѣ! Предо мною
Чело держаетъ, нищенка, взносить!
Вотъ человѣкъ мой.

(Рыцари вводятъ Дервида, ставятъ его передъ королевой,
возлѣ него ставятъ арфу).

Тутъ его поставьте.

Поближе, возлѣ арфы. Человѣкъ!
Съ моею желѣзною волей ты столкнулся...
Такъ слушай. Надъ твоею головою
Блеснулъ топоръ сыновній, но явилъ онъ
Надъ сыномъ и тобою милосердые,
И только малость обрубилъ волосъ,
А голову твою онъ мнѣ оставилъ;
Я, впрочемъ, въ этомъ вижу чародѣйство,
У васъ на лезвяхъ—глаза сыновъ,
А въ арфахъ вашихъ—сердце дочерей;
Вотъ эту арфу я сегодня ночью
Поставила близъ ложа моего,
И каждый часъ ночной она будила
Меня протяжнымъ стономъ, хоть и вѣтеръ
Ея не трогалъ, проносясь въ ночи,
И бабочки ночныя не касались.
Такъ чародѣйству научи меня,
Скажи, какъ неживое ты чаруешь?
И королевой будетъ дочь твоя,
Мой старшій сынъ ея супругомъ будетъ,
Тестъ будешь королевича. Ну, что жъ?

Дервидъ.

Стонала арфа! Говоришь, стонала?
Стояла близъ тебя и застонала?

Гвинона.

Ну, что жъ?

Дервидъ.

Тотъ, кто слышалъ арфы стонъ,
Въ три дня умретъ.

Гвинона.

Старикъ умалишенный!
Онъ смертию угрожаетъ мнѣ.

Дервидъ.

Въ три дня

Умрешь.

Гвинона.

А?

Дервидъ.

Слышала.

Гвинона.

Несчастный нищій!

Дервидъ.

Гробница!

Гвинона.

Злополучный!

Дервидъ.

Жертва смерти!

Невольникъ мой!
Гвиона.

Дервидъ.
Царица на три дня!

Умершій!
Гвиона.
Дервидъ.
Ты, крича, какъ песь, охрипла.

Гвиона.
Достаточно еще слюны имѣю...
(Плѣчетъ на старца).

Дервидъ.
О, Боги! дайте мнѣ глаза, чтобъ плавать...

Гвиона.
А, заагълъ твой ликъ, игральщикъ арфы.

Дервидъ.
Ты оплевала кровію меня.

Гвиона.
Воители, глядите, человекъ тотъ
Былъ королемъ!

Дервидъ.
Воители, глядите,
Та гадина вонъ—женщиной была!

Гвиона.
Тотъ человекъ почетъ имѣлъ когда-то.

Дервидъ.
У женщины у этой былъ отецъ...

Гвиона.
Во имя моего отца попросишь,
Тогда прощу.

Дервидъ.
Во имя твоего
Отца тебя клянупроклинаяю,
И аду отдаю въ трехдневный срокъ.

Гвиона.
За то, что я тебя лишила жизни?

Дервидъ.
За то, что истязаетъ ты меня.

Гвиона.
Такъ чувствуешь?

Дервидъ.
Такъ гѣшишься ты, значить?

Гвиона.
Натѣшилась, теперь тебя убью.

Дервидъ.
Укусишь лишь,—отъ бѣшенства умру я.

Гвиона.

Такъ, значить, моего боишься зуба?

Дервидъ.

Боюсь—болѣзни.

Гвиона.

Рыцари, прошу,
Вы этого безумца пожалѣйте,
Свихнулся онъ. Арфистъ, стань на колѣни!

Дервидъ.

Брось на полъ сердце черное твое,
Подстилкой подь колѣни.

Гвиона.

Этотъ спорщикъ
Мнѣ надоѣлъ... Пощечину ему.

Дервидъ.

Постой! не то запачкаешь ты руку,
Лицо мое оплевано.

Гвиона.

Такъ что жь?
Сама должна я короля ударить?
Бери! (Ударяетъ его).

Дервидъ.

О, негодяйка! Пусть же Богъ
Тебя разрушить. Сердце! Пытка сердца!
(Лишается чувствъ).

Гвиона.

Трупъ вынести отсюда. Бросить змѣямъ.

(Рыцари уносятъ Дервида).

Грифъ, посмотри, чтобъ былъ онъ брошенъ въ
башню

Змѣяную.

(Грифъ уходитъ).

О, рыцари безъ сердца
И глухие, они смотрѣли тупо,
Когда во мнѣ мой гнѣвъ все возросталъ;
Когда кипѣла я, стояли молча,
Какъ уличные малые мальчишки,
Науськивая гнѣвъ мой, словно пса.
Молчали всѣ. Когда бь одинъ лишь только
Ударилъ старца мѣтко-цѣпкимъ словомъ,
Безильной женской ярости помочь,—
Остыла бь я. Но нѣтъ, они молчали;
А я бросалась въ пропасть разъяренья,
Лишенная короны, ненавидя
И ненависть внушая,—ненавидя
Ото всего ихъ сердца!

(Входитъ Лилля Венеда).

Лилля Венеда.

Госпожа!

Куда несутъ отца?

Гвиона.

На смерть уноситьъ.

Лилля Венета.

Скажи, какую смерть ты присудила?

Гвинона.

Велѣла бросить на пожранье змѣямъ.

Лилля Венета.

Пожранье змѣямъ?

Гвинона.

Въ башню, что предъ замкомъ

Въ развалинахъ стоитъ, вчера гляжу я,
И вижу: вьются гадины клубками,
Отсвѣчиваютъ полныя слюны,
И съ шорохомъ взбираются на стѣны;
А въ глубинѣ—тамъ гнѣзда змѣй, и видно,
Какъ блещутъ очи, вьются ихъ хвосты,
Протяжный слышенъ свистъ, шипѣнье, шумы,
Какъ будто бы кипящій то котель.
Въ ту темноту ужасную, въ тотъ сумракъ
Свистящій и шипящій, въ то болото
Змѣиное, въ чудовищный тотъ улей
Велѣла бросить твоего отца.

Лилля Венета.

О, Боже мой! О, Боже мой! Отецъ мой
Голоднымъ брошенъ змѣямъ! Милосердья
Къ нему не явятъ змѣи! Умереть мнѣ?

Гвинона.

Ну, что жъ, голубка? Пѣть уже спасенья?
Пѣть выверта? Твой братъ ужь не поможетъ,

Топоръ свой взявъ... И слезы не помогутъ...
Отецъ твой между гадинъ, весь разорванъ,
Ужъ, можетъ быть, онъ съѣденъ.

Лилля Венета.

Эта арфа

Освободить его отъ смерти!

(Хватаетъ арфу и убѣгаетъ).

Гвинона.

Арфа...

Иди, умалишенная, иди.
Что сдѣлаешь, вооружившись арфой,
Коль мечь возникла женщины и змѣй?
(Уходитъ).

СЦЕНА 5-я.

Та же самая зала. Входятъ Лехъ и Сыгонь.

Лехъ.

Сыгонь, тотъ человекъ не есть Сальмонъ.
Во время пира въ лобъ ему тарелкой
Одинъ ударилъ воинъ; онъ же, видя,
Что кровь идетъ, воскликнулъ: Уксуу.
Будь то Сальмонъ, онъ закричалъ бы: Саблю.
Ты знаешь, что придумалъ я: его
Ужъ при вратахъ поставилъ я на стражу.
Переодѣвшись, бросимся къ нему.
И ежели взаимно того, чтобъ смѣло
Обороняться, будетъ онъ о жизни

Просить, упавъ предъ нами на колѣни,
Какъ пса, повѣшу и велю стегать.

(Входитъ Гонецъ).

Гонецъ.

Лехъ! вѣсти съ поля битвы ужасають.
Взялись Венеды снова за оружье.
Лехонъ, твой старшій сынъ, что былъ оставленъ
За Гоплюю, какъ предводитель сотни,
Взять въ плѣнъ.

Лехъ.

Не говорить о томъ Гвинонѣ.

Тотъ старшій сынъ особенно ей милъ.
Вели острить мечи и править также
Щиты, что въ бой послѣдній покривились
Отъ копій. О, Сыгонь, какъ хорошо!
Бой начать. Сынъ мой бѣдный! Но собаки
Тѣ бѣшенныя плѣнника не смѣютъ
Убить? Гвинонѣ только ничего
Не говорить, а сына отобью я
Скорѣе, чѣмъ она узнать успѣетъ.

Гонецъ.

Среди Венедовъ—страшныя сказанья,
Вѣщанія о битвѣ предстоящей;
Та ворожба идетъ отъ чаровницы,
Красивой, юной; на горѣ на лысой
Пещера у нея въ землѣ изрыта,
Гнѣзду подобна ласточекъ рѣчныхъ.

Лехъ.

Какая жь ворожба, скажи?

Гонецъ.

Вѣщаютъ,
Что будетъ двуголовый вождь у нихъ,
И будетъ онъ имѣть четыре глаза,
Два сердца, щить одинъ, одно копье.

Лехъ.

Двѣ головы, клянусь, ему срублю я,
И этой саблей разрублю два сердца;
Ужъ лучше бы имѣлъ онъ два щита,
И два копыя, а мозгъ имѣлъ одинъ бы.

Гонецъ.

Бой, говорятъ, при блескѣ молній будетъ.

Лехъ.

Отлично; будетъ видно.

Гонецъ.

Чаровница
Еще рекла, что послѣ этой битвы,
Прикрывшись прахомъ мертвыхъ, черезъ годъ,
Отяжелѣвши, мстителя родить.

Лехъ.

Не для меня та вѣсть и тѣ вѣщанья,
Не для меня. И прежде чѣмъ тотъ мерзкій,

Тотъ пепельникъ взростеть, я буду въ гробѣ,
А сынъ мой на престолѣ. Но чего
Объ этомъ говорить? Всѣ эти страхи—
Для маленькихъ дѣтей: вождь двуголовый
И мститель. Будеть. Ужь темно. Довольно
Тѣхъ бредней. Биться будемъ мы, и это
Прекраснѣ всего. Теперь идемъ,
Чтобы провѣрить мужество Сальмона.

(Уходятъ).

СЦЕНА 6-я.

Дворъ въ замкѣ Леха. Слязь на стражѣ при воротахъ.—
Ночь.

Слязь.

Клянусь, Сальмонство это нужно кончить.
Оно небезопасно; для него
Не мало нужно; на примѣръ—отваги.
Когда бы зналъ я, что доспѣхи эти
Обязанность такую налагаютъ,
Не трогалъ бы я ихъ... не прикасался бы
Къ вещамъ, чье имя рыцарство... Что вижу?
Мой прежній господинъ къ вратамъ идетъ.
Раскроется обманъ... держись покрѣпче
За плечи, чтобъ не спала голова.

(Слышенъ стукъ въ дверь.—Слязь открываетъ дверь и, уви-
дѣвъ святого Гвальберта, загоразиваетъ ему входъ але-
бардой).

Кто ты?

Святой Гвальбертъ.
Я въ этотъ домъ несу покой.

Слязь.

Такъ не войдешь. Войной мы существуемъ.

Святой Гвальбертъ.

Пусти меня, я къ Леху, мощный рыцарь,
Пусти,—чтобъ Духъ Святой тебя... Язычникъ!
Я говорю, пусти меня, не то
Лишишься головы. Ты возражаешь
На чудо величайшее; сегодня
Надъ озеромъ, какъ бѣлая голубка,
Вся радугою соткана и вѣтромъ,
Межъ синихъ звѣздъ, Христова Мать явилась,—
Сталь на колѣни я, она же мнѣ:
Иди, Дервидъ приблизился къ кончинѣ,
И дочь его, мой голубокъ, отъ боли
Готова умереть. Такъ говоря,
Вся въ радугу, какъ въ ткань, она укрылась,
И ангельская сфера унесла
Явленіе святое, со звѣздами,
И радугой, и съ тысячью лучей.

Слязь.

Чего жъ ты не набралъ тѣхъ звѣздъ въ кошель свой,
Придвернику ты могъ бы заплатитъ.

Святой Гвальбертъ.
Платить? Святые ни за что не платятъ.

Слязь.

Какъ?

Святой Гвальбертъ.

Богъ даетъ тому, кто съ Богомъ, все.
Но не держи меня здѣсь передъ замкомъ;
Упрямъ ты; мнѣ мой вспомнился слуга.

Слязь.

А кто онъ былъ?

Святой Гвальбертъ.

О, человекъ проподлый.

Слязь.

А гдѣ онъ?

Святой Гвальбертъ.

Взялъ ужъ въ адъ его нечистый.

Слязь.

Въ аду?

Святой Гвальбертъ.

Въ аду.

Слязь.

Гм... Доброе извѣстье.

Святой Гвальбертъ.

Меня слуга тотъ подлый обокралъ,
И черепъ сжегъ великаго гиганта,
Въ которомъ келью сдѣлалъ я себѣ;
Въ томъ черепѣ когда-то жили боги

Валгаллы, а теперь сіяла ясно
Дѣвичья чистота въ коронѣ звѣдной,
И возникала чистая молитва.

Слязь.

Слуга повѣрный это.

Святой Гвальбертъ.

Прямо бѣсъ.

Самъ Люциферъ, такъ кажется теперь мнѣ,
На службу поступилъ ко мнѣ, за тѣмъ,
Чтобъ обмануть. Но Дьяволъ не преломить
Могущества Господня, и безсильны
Всѣ искушенья ада. Если этотъ
Безстыдный Дьяволъ въ человекъчей шкурѣ
Скрывается еще,—подъ дисциплиной...
Но, думается, рыцарь, мнѣ, что это
Не Дьяволъ былъ, ужъ слишкомъ былъ онъ глупъ.

Слязь (въ сторону).

Хотѣлъ бы я, чтобъ перваго онъ мнѣнъ
Держался обо мнѣ. Ахъ! вотъ находка!
Перемѣню-ка я его въ Сальмона.

(Громко).

Святой старикъ, иди сюда.

Святой Гвальбертъ.

Хваленье

Всевышнему, язычникъ уже началъ

Въ свѣтъ проникать,—меня святымъ онъ назвалъ,
Отсюда до крещенья недалеко.

Слязь (въ сторону).

Я окрещу тебя, не ты меня.
Тебя усальмоную.

(Громко).

Преподобный,
Ужь ночь теперь, и Лехъ, навѣрно, спить.

Святой Гвальбертъ.

А ты мнѣ покажи къ нему дорогу.
Я разбуджу его.

Слязь.

Подумай только!
То левъ свирѣпый, онъ тебя пожретъ.

Святой Гвальбертъ.

Что жь, мученика будетъ то вѣнецъ.

Слязь.

Старикъ, я вижу въ черепѣ твоемъ
Святомъ сверкають очи василиска,
Меня очаровалъ ты. Ужь готовъ я
Побинуть стражу, хоть за это можно
Лишиться головы, но я готовъ
Тебѣ служить.

Святой Гвальбертъ.

Такъ сдѣлай, а награда
На небѣ будетъ.

Слязь.

Голову на небѣ
Мнѣ, значить, отдадутъ? Въ концѣ-концовъ
Другой награды я и не желаю,
Я голову свою весьма цѣню;
Коль общаешь, что, ее утративъ,
Ее найду, я Леха разбуджу.

Святой Гвальбертъ.

Писаніе ты вѣрно постигаешь,
Христось сказалъ: „Кто здѣсь утратитъ душу,—
И для меня,—свою найдетъ онъ душу“.

Слязь.

О головѣ однако нѣтъ тамъ рѣчи?

Святой Гвальбертъ.

Чтѣ голова, разъ дѣло о душѣ!

Слязь.

Когда о головѣ не поминають,
Небезопасно это для меня,
Мнѣ голова нужнѣй души.

Святой Гвальбертъ.

Злосчастный!

Я докажу тебѣ, что все мірекое...

Слязь.

Ты будешь мнѣ доказывать,—межъ тѣмъ
Дервидъ твой умираетъ. Будетъ лучше,

Коль облечешься ты въ мои доспѣхи,
И постоишь на стражѣ за меня,
Я Леха разбужу и ворочуся.

Святой Гвальбертъ.

Давай доспѣхи и отправься къ Леху.

Слязъ.

Такъ стой же, старый, здѣсь, копье въ десницѣ
На недруга... на лысый черепъ—шлемъ.

(Въ сторону).

Теперь ему я закрѣпилъ забрало.
Коли открыть сумѣеть, значить, мудръ.

(Громко).

Стой здѣсь... А если спросятъ: Кто?—отвѣтъ:
Сальмонъ. Черезъ минуту я вернусь.

(Выскользаетъ за врата замка и убѣгаетъ).

Святой Гвальбертъ (въ доспѣхахъ,
ходитъ широкими шагами).

Вотъ, Боже, хоть и рыцарское званье,
И хоть они язычники, а есть
Межъ ними люди добрые. Въ кольчугу
Я бранную облекся, Пресвятая,
Взгляни, я твой слуга. Дай только знакъ,
И я, какъ новый Гедеонъ огромный,
Трубою буду стѣны разрушать,
Властителей и грѣшниковъ караю.
Что тамъ за люди бранные, съ оружіемъ
И съ фонарями?

(Лехъ и Сыгонь, съ фонарями, вооруженные).

Лехъ.

Тутъ стоялъ на стражѣ

Сальмонъ.

Святой Гвальбертъ.

И я Сальмонъ.

Лехъ.

Сыгонь, взгляни-ка,

Коль то Сальмонъ, онъ снова измѣнился.

Какой-то это мощный чаровникъ.

Ты говоришь, что ты Сальмонъ; Сальмонъ же

Лишится головы, коли не будетъ

Сальмономъ онъ.

Святой Гвальбертъ.

О, небо! я Сальмонъ.

Лехъ.

Взгляни, Сыгонь, подъ шлемомъ волосъ сивый,

Изъ-подъ щита коротенькія ноги

Глядятъ въ лаптяхъ, какой-то это дьяволъ,

Какой-то это очень мощный дьяволъ.

О, чаровникъ, коль ты Сальмонъ, по смерти

Одѣвшійся въ дьявольское тѣло,

Я тѣло разрублю твое въ куски,

Чтобы душа твоя, въ огнѣ пылая,

Не знала, гдѣ нарядъ взять... Защищайся!

(Нападаетъ съ мечомъ).

Святой Гвальбертъ.

Я не Сальмонъ, владыка!

Лехъ.

Кто же ты?

Святой Гвальбертъ.

Меня вездѣ Гвальбертомъ называютъ,
Святымъ Гвальбертомъ. Раствори забрало,
Я не могу той клѣтки отворить.

Лехъ.

Какъ тотъ. Совсѣмъ такая-жь отговорка.
Негодный, ты иную форму принялъ;
Проныра ты... и побѣлѣлъ твой волосъ,
А черный былъ; всего лишь часъ назадъ
Тебя я видѣлъ тощимъ, а животъ твой
Теперь объемистъ,—можетъ быть, его
Горящими углями ты наполнилъ.
Клянусь! не буду я игрушкой чаръ.
Воители, сюда.

(Хлопаешь въ ладоши, входятъ нѣсколько рыцарей).

Сыгонь, пусть въ башню
Змѣиную тотъ дьяволъ будетъ брошень.

Святой Гвальбертъ.

Святая Дѣва, не оставь защитой.

(Воины выносятъ святого Гвальберта, который кричитъ и
вырывается у нихъ. Сыгонь уходитъ за ними. На крикъ
старца вбѣгаетъ Гвинона).

Гвинона.

Что тутъ такое? Что это за крики?

Лехъ.

Чаровника велѣлъ я бросить змѣямъ.
Сальмонъ тотъ, о, жена, злой духъ былъ мощный.

Гвинона.

Сегодня змѣи съѣли человѣка,
И болѣе не голодны они.

(Сыгонь возвращается).

Лехъ.

Сыгонь! ты что? ты воротился блѣдный?

Сыгонь.

Я возвращаюсь изъ змѣиной башни,
О, господине!

Гвинона.

И ты видѣлъ тамъ

Разорванные члены человѣка,
Которые трещать въ змѣиныхъ пастьяхъ?
И слышалъ гадинъ сумрачные свисты?
И дѣвушку тамъ стонущую видѣлъ,
Что, наклонившись надъ ужасной башней,
Какъ соловей, на змѣя засмотрѣвшись,
Лишь легкимъ трепетаньемъ тонкихъ крыльевъ
Выказывала страхъ?

Сыгонь.

Я видѣлъ тамъ

То, что людского выше разумѣнья.
Вся бѣлая, предъ башней, подъ луной

Сидитъ дѣвица съ арфой и играетъ;
А передъ ней, кругомъ столпившись, змѣи
Такъ выпрямились, какъ волна морская,
Подъятая надъ дѣвушкою той;
Она тѣхъ змѣевъ, пѣсней чародѣйской,
Зачаровала, держитъ ихъ въ покоѣ;
По ужъ видать, что бѣлая рука
На струнахъ мѣветъ и что пѣснь порвется
Въ голодныхъ пастьяхъ змѣевъ съ жизнью дѣвы.

Гвинона.

А башня, гдѣ тотъ старый человѣкъ?..

Сыгонь.

Пустая. Въ глубинѣ ея спокойно
Дервидь-старикъ лежитъ и поживаетъ.
Изъ башни пѣсней выманены, змѣи
Всѣ слушаютъ играющую дочь.

Гвинона.

За ней побѣда. Вывести изъ башни
Дервида. Змѣи глупые! О, гады
Проклятые! У дочери же арфу
Отнять и выгнать вонъ ее. Дервида
Въ подземную темницу запереть;
Чего не сдѣлала змѣй, докончить голодъ.
Посмотримъ, дочь накормитъ ли его.

Сыгонь.

А съ тѣмъ Сальмономъ что?

Гвинона.

Въ одной темницѣ
Замкнуть его съ Дервидомъ... уморить;
Достойны оба смерти, колдуны.

(Уходитъ).

Хоръ двѣнадцати бардовъ.

О, Польская земля! Ковчегъ! Земля святая!
Какъ мыслью поглядѣть, кровь льется безъ конца.
Въ минувшемъ слышенъ звукъ, то арфа золотая,
Что утишила змѣй, и имъ дала сердца.
Послушайте же вы. Когда въ пожарномъ свѣтѣ
Звукъ арфы задрожитъ, и издали дойдетъ,
Вы будете-ль стоять, внимать, какъ змѣи эти,
Вы будете ли ждать, какъ влажность синихъ
водъ,—
Пока не стихнетъ пѣснь, и кровь остынетъ снова,
Вновь ползать будете, во рву гниломъ лежать?
Ужъ часъ вамъ встать, какъ валъ изъ сумрака
морского,
Ужъ часъ вамъ встать, ковать оружье, отравлять!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Зала въ замкѣ Леха. Лехъ, Гвинона, Грифъ. Входитъ Лилля Венеда.

Лилля ВЕНЕДА.

Въ рубахѣ незавязанной пришла я,
Со мной нѣтъ хлѣба, ничего, пустите-жь
Меня къ отцу, который два ужь дня
Не ѣлъ. Хочу его предъ смертью видѣть,
Спасти была не въ силахъ,—такъ прошусь.
Я лиліями потому увидалась,
Я голову въ тѣ водные цвѣты
Убрала, что у насъ кладутъ дѣвицамъ
Умершимъ на остывшее чело.
Владычица, смягчи свою суровость.
Холодныхъ змѣй расчувствовала я,
И такъ ко мнѣ тѣ гады привязались,
Что весь клубокъ ихъ побѣжалъ за мной,
Свистя, шипя, печально, какъ собака

Ворчить, когда ей дорогъ кто-нибудь.
И развѣ виновата я, что змѣи
Хотѣли слушать не мои рыданья
А пѣсню? И коль змѣй холодныхъ я
Растрогала, зачѣмъ въ тебѣ суровость
Умножилась? Завидуешь ли ты,
Владычица, побѣдѣ той, которой
Избавила отца я? Если такъ,
Сочти его своимъ отцомъ,—я буду
Смерть присуждать ему, а ты ему
Защитницею будешь, и, конечно,
Ты побѣдишь,—всегда тотъ побѣждаетъ,
Кто защищаетъ. Нѣтъ, однако, нѣтъ,
Побѣждена я, мой отецъ ужь вѣрно
Отъ голода скончался; я хочу лишь
Его увидѣть тѣло, въ лобъ холодный
Его поцѣловать, глухому тѣлу
Сказать, что не могла его спасти,
Но все-жь, хоть не могла, его любила.
Гляди, моя развязана рубаха,
Со мной нѣтъ хлѣба, пици никакой;
Быть можетъ, ты боишься, что, какъ только
Дверь отворю, за мной сейчасъ влетитъ
Какая-нибудь мушка золотая
И съѣстъ ее тотъ старецъ?.. О, повѣрь мнѣ,
Владычица, Богъ мушекъ стережетъ
Отъ смерти... будетъ дочь у этой мушки,
Которая ее спасетъ. Лишь я
Совсѣмъ одна, нѣтъ никого со мною,
Никто меня не вспомнить. О, прошу васъ,

Велите вы меня впустить къ отцу
Голодному.

Лехъ.

Гвинона, эти слезы,
Клянусь, мой мечъ лишаютъ остроты.

Гвинона.

И ты ей вѣришь? Эти слезы лживы,
Она два раза плакала такъ громко,
За эти три рыданія—три раза
Она, коли отца спасетъ отъ смерти,
Потѣшится, смѣясь надо мной.

Лехъ.

Чѣмъ смѣхъ людской вредить тебѣ, Гвинона?

Гвинона.

Лехъ! смѣхъ людской—оружіе убійцы;
Онъ болѣе коронъ съ головъ печальныхъ
Низвергъ, чѣмъ это кажется тебѣ;
О, смѣхъ есть гадъ, что въ сердцѣ пріютится
Осмѣяннаго, и его кусаетъ,
Кусаетъ больно, до крови, покуда
Не изнемогутъ силы въ человѣкѣ,
И онъ себѣ не скажетъ: побѣжденъ.
Смѣхъ въ насъ мертвить довѣріе къ себѣ,
Рождая немощь; люди есть, я знаю,
Никто живой надъ ними не посмѣетъ
Смѣяться,—и они царятъ надъ тѣми,
Которыми владѣетъ смѣхъ людской.

Лилля Венедя.

Чего же ты боишься, королева?
Иль здѣсь такіе есть, что посмѣются
Надъ милосердьемъ? Видѣла окоя я
Въ твоей опочивальнѣ, никогда
Его не закрываешь ты, затѣмъ что
Въ немъ ласточка свила свое гнѣздо:
Такъ значитъ милосердіе ты знаешь,
А развѣ надъ тобою кто смѣется,
Что сжалилась надъ ласточкою ты?
Владычица, нашла въ тебѣ я жалость,
Увидѣла тамъ въ сердцѣ. Или нужно
Мнѣ быть еще, еще, еще несчастнѣй,
Чтобъ вызвать милосердіе въ тебѣ?
Вели глаза печальные мнѣ вырвать,
И пожалѣй потомъ, что я слѣпа,
И прикажи впустить къ отцу слѣпому.
Прошу! прошу! вели глаза мнѣ вырвать.

Гвинона.

Какъ жалокъ нищій, если только скукой
Грошь вынудить.

Лилля Венедя.

О, буду, буду скукой
Томить тебя, покуда не позволишь.

Гвинона.

Грифъ, прикажи впустить ее въ темницу,
Гдѣ голодомъ морять ее отца.

(Лилля Венедя и Грифъ уходятъ).

Лехъ, это по твоей лишь было просьбѣ.
Что-жь предо мной покурый ты стоишь?

Лехъ.

Гвинона, сынъ нашъ въ плѣнъ попалъ.

Гвинона.

Въ неволѣ?

Въ плѣну мой сынъ? Лехопъ въ неволѣ? Нѣтъ.
Меня пугаешь ты, и самъ не знаешь,
Что говоришь... Сегодня мнѣ онъ снился...
О, Боже, Боже! Сыну я родному
Готовила погибель. У Венедовъ!
Онъ у Венедовъ, мой Лехопъ, мой сынъ!
И дочери такой онъ не имѣетъ.

Лехъ.

Жена, я отобью его!

Гвинона.

Лишь трупъ

Ты отобьешь! Лехъ! На коня скорѣе!
Лехъ! на коня! Всѣ рыцари! Сбери
Всѣхъ рыцарей! И если вы живыми
Вернетесь безъ Лехона, я себя
Убью... А вамъ—въ глаза плевать я буду...
Себя убью... Ну, трусы, на коней!
(Выбѣгаетъ).

Лехъ.

Пусть выкричится, крикъ тутъ не поможетъ,
Сегодня за Лехона—сто смертей.

(Выходитъ).

СЦЕНА 2-я.

Лугъ.

Слязь (входитъ).

Моя мамуля,—царство ей на небѣ,—
Мнѣ какъ-то говорила, что чрезъ ложь
Я буду паномъ; это ложь, что было
Ей сказано о лжи; итакъ, должна бы
Она чрезъ эту ложь снискать фортуны;
А умерла, какъ Лазарь, въ наготѣ.
Что до меня, едва чуть-чуть солгалъ я,
Чуть-чуть не усальмонилъ я себя
Навѣки; хорошо, что ухитрился
Я господина моего заставить
Сальмономъ быть (да зрить онъ вѣчный свѣтъ),
А самъ изъ замка—по добру-здорову!
Гвальбертусъ, господинъ мой, опочилъ,
Какъ мученикъ, и царствуетъ на небѣ,
Гдѣ онъ святымъ Сальмономъ нареченъ,—
Все, значить, хорошо. Но заковыка
Вся въ томъ темерь, какъ голода бѣжать,
И какъ въ сей пуцѣ отыскать фортуны?
Испробовалъ я христіанской пици,
Испробовалъ я рыцарскаго хлѣба,
И все я, какъ соломинка, худой...
Итакъ, панъ Слязь, ты къ дикимъ устремися,
Простая вещь, къ Венедамъ прямикомъ.
Въ какой же масти? Примемъ масть Венедовъ.
Шпіономъ? Фу! совѣмъ я не шпіонъ.
Я—вѣстовщикъ, вѣстунъ того, что ново,

Болтунъ-вѣстунъ, о мщеніи возвѣщатель;
Я—человѣкъ огненпалющей рѣчи,
Кровавы зубы, красенъ мой языкъ...
Итакъ, коль спросятъ: Что, ты Леха видѣлъ?
Еще бы не видать. А что онъ дѣлалъ?
Венеда съ солью ѣлъ. А что Гвинона?
Купалася въ крови дѣтей Гвинона.
Что случилось съ нашимъ старымъ королемъ?
Тутъ я, глаза закрывъ, языкъ наружу:
Finitus вашъ король. А дочь его?
Какъ изъ ведра тутъ слезы проливать я,
И ничего въ отвѣтъ, иль снова ложь.
Столь жалостную выдумку измыслию,
Что искренно увѣруютъ они,
И вѣтъ дадутъ... За то, что я поплакалъ. (Уходитъ).

СЦЕНА 3-я.

Зала въ замкѣ Леха. Лехъ, Гвинона и Рыцарь.

Лехъ.

Во имя Бога, будь же терпѣлива.
Съ развѣдки мой отрядъ еще не прибылъ.

Гвинона.

Ты говоришь! А тамъ мой сынъ растерзанъ?
О, страшное терпѣніе твое,
О, глупое! Я ненавижу въ людяхъ
Ихъ терпѣливость! Часто, ждать не пужно,
Но разъ имъ скажетъ кто-нибудь: спиши,—

Они найдутъ предлогъ для проволочекъ,
Чтобъ показать свой дальнзоркій умъ
И воздержатъ пылающее сердце.
Лехъ! знаешь, сколько надобно минутъ,
Чтобъ умерщвленъ былъ безоружный плѣнникъ?
Какая терпѣливость! Что за ужасъ!
О, Лехъ, коли погибнетъ сынъ мой бѣдный,
Тебѣ кричать я буду день и ночь:
Твой сынъ твоимъ терпѣниемъ былъ погубленъ.
Тогда въ упрекахъ буду терпѣлива,
Твое кусая сердце; ты во мнѣ,
Палачъ, возненавидишь терпѣливость!
Убийца сына своего родного!
Дай сердцу моему, о, Боже, грызть,
Грызть что-нибудь, затѣмъ, что я бы стала
Грызть сердце мужа. Знаю, что скажу я:
О, Лехъ, ты трусь!

Лехъ.

Не трусь я.

Гвинона.

Ну, такъ значитъ,
Ты не отецъ! Что-жь ты?.. Кусокъ желѣза?

Лехъ.

О, это слишкомъ! слишкомъ!.. Ты доселѣ
Была владыкой въ домѣ и хозяйствѣ,
Я подчинялся, чтобъ избѣгнуть криковъ,
И злостью ты наполнила мой домъ.
Клянусь, ужъ, наконецъ, мнѣ скучно стало.

Гореть рыцарей осталась у меня,
Развѣдочный отрядъ и ихъ ослабилъ,
Венеды же съ двѣнадцати краинъ
Сошлись и поле битвы все покрыли.
Тамъ Скиены исполинскіе, что пьютъ
Кровь, черепа вдыхая человѣчьи,
Ихъ богъ есть Одинъ; также тамъ Летоны,
Рога на шлемахъ турьи заострились,
И каждый рогъ былъ у живого тура
Исторгнуть; легконогіе Мазоны,
Ихъ головы, какъ у щеглятъ, въ уборахъ
Червонныхъ, и надъ шлемами у нихъ
Мигаютъ и блестятъ павлиньи перья;
Надъ этою толпой двѣнадцать бардовъ;
Надъ бардами пророчица, вся въ ужасъ
Одѣта, рѣчь ея — удары молній,
На пирамидѣ той людской, вверху, —
И въ этотъ закипѣвшій муравейникъ
Я долженъ съ горстью рыцарей вступить?
Я, что хочу до тла всѣхъ истребить ихъ?
Не ждать, покуда въ грозовую ночь
Мнѣ не помогутъ льющіеся грома?
Ты ошалѣла, женщина... О, да,
Ты ошалѣла!

Гвинона.

Вижу я, тебя
Не переломишь! Сына вижу трупомъ!

Лехъ.

Не плачь, вернется сынъ твой, онъ вернется.

Гвинона.

О, я уже оплакала его!
О; горе! Онъ скончался! Горе! горе!
(Лилля Венедъ входитъ безъ вѣнка изъ лилій на головѣ).

Лилля Венедъ.

Отца я накормила, королева.
Владычица, онъ мнѣ принадлежитъ!
Ты видишь, безъ цвѣтовъ я воротилась,
Въ вѣнкѣ лилейномъ жизнь была отца;
Да, жизнь отца на головѣ несла я,
Его спасенье я свила въ вѣнокъ.
Не вѣришь? пусть любой Венедъ расскажетъ;
Тѣхъ водныхъ лилій цвѣтъ насъ бережетъ
Отъ голода, когда плохая жатва.
Не знала ты, что старцу, какъ ребенку,
Вѣнокъ тотъ будетъ грудью материнской,
И будетъ онъ сосать его, смѣяться,
И плакать, и, вздымая къ небу очи
Пустыя, будетъ Бога восхвалять
За дочь и за цвѣты. Отца спасла я,
Теперь онъ мой! Лехъ, договоръ ты слышалъ?
Такъ пусть твоя жена его исполнитъ.

Гвинона.

Смотри, смотри, она отца спасла,
И оглушить меня пришла восторгомъ;
Когда же объ отцѣ она кричала,
Я думала о сынѣ, горе мнѣ;
Когда лила въ отчаяніи слезы,

Я въ сердцѣ кровью плакала, скорбя.
Возьми отца, возьми, теперь должна я
Всѣхъ научить васъ милосердыю. Я бы
Своей рукой ласкала вашихъ туровъ,
Прося о ласкѣ къ сыну моему;
Медь состраданья къ вашимъ кислымъ грушамъ
Я привила бы... а шумящимъ соснамъ
Дала бы голосъ матери просящей.
Велите старца привести сюда,
Пойдетъ отцомъ онъ моему ребенку.
(Нѣсколько рыцарей выходятъ).

Лилля Венедд.

Владычица, о, какъ добра, добра ты!
Ужъ не скажу я, что спасла отца я,
Скажу, что ты отца мнѣ отдала.
Увидишь! сердце радостно трепещеть
Въ томъ, кто поможетъ людямъ несчастливымъ.
(Входитъ Дервидъ и рыцари).

Отецъ, вернемся къ намъ—та королева
Тебя мнѣ отдала. Иди на солнце,
Отецъ родной. И будьте вы здоровы,
Король и королева. Ну, пойдёмъ.
Прощайте же! Прощайте!

Дервидъ.

Дочь! а арфа?

Лилля Венедд.

О, королева, видишь, мой отецъ
Отъ радости дрожить, но ты навѣрно

Забыла, что глазами онъ не можетъ
Благодарить,—я плачу за него...
И за отца проси, еще должна я
Назойливою быть: тебя прошу я,
Отдай ему ту арфу золотую,
Что получилъ отъ своего отца онъ;
Верни ему ту арфу, о, верни!

Гвинона.

Ту арфу принести, что приказала
Я въ ящикѣ кедровомъ усыпить.

Лилли Венедд.

Отецъ, ты будешь съ арфой.

Дервидъ.

Отдала?..

Гвинона (въ сторону, къ Леху).

Ты видѣлъ, Лехъ, чуть онъ объ арфѣ вспомнилъ,
Двѣ красныя огромныя слезы
Скатились съ вѣкъ его—ты ихъ замѣтилъ?
То страшно было...

Лехъ.

Женщина, въ чемъ страхъ былъ?

Гвинона.

Ты что-жъ,—не понимаешь?.. Или дочь,
Иль арфа здѣсь заложницею будетъ...
Онъ долженъ выбрать межъ двумя, а я

Возьму въ залогъ, что выбрано имъ будетъ.
Ты понялъ? Я—безъ этихъ слезъ червонныхъ,—
Помыслить не могла бы, что возможенъ
Тутъ выборъ.

Лехъ.

Вижу, вижу я.

Гвинона.

Молчи.

(Къ Дервиду).

Дервидъ, или сердца у васъ, Венедовъ,
Такія, что насытитъ ихъ цельза?
Лишь часъ назадъ, ты, голодомъ терзаемъ,
На коркъ хлѣба могъ бы помириться...
Теперь же, въ мѣрѣ ласкъ, растутъ желанья:
Дала свободу, арфы пожелалъ...
А все возьмешь—и мстить ты пожелаешь...

Дервидъ.

Итакъ, вели въ тюрьму меня отправить;
Пѣть въ трупахъ мести.

Гвинона.

Твердый человѣкъ,
Не задрожитъ ты сердцемъ предо мною?

Дервидъ.

Вынь сердце и взгляни.

Гвинона.

Тебѣ даю я
Свободу.

Дервидъ.

Короля хотѣла бь сдѣлать
Ты нищимъ? Я ужь съ виду прямо нищій,
Ты въ сердцѣ хочешь нищенства еще?
На дряхлое рассчитываешь тѣло,—
Дрожація колѣна, помышляешь,
Меня передъ тобою бросать въ прахъ?
Нѣтъ, вѣдьма, нѣтъ. Дочь, дай свою мнѣ руку...
Передъ тобою, вѣдьма, я умру
Такъ, какъ стою,—умру и весь застыну;
Тогда ребенокъ твой—чуть малымъ пальцемъ—
Меня толкнетъ, и я паду... паду...
Но до тѣхъ поръ, пока я живъ, я равенъ
Съ тобою... я король и человѣкъ.

Гвинона (къ вносящимъ арфу).

Къ нему поближе арфу золотую
Поставьте, пусть опрется на нее.
(Ставятъ арфу возлѣ Дервида. Старецъ одну руку кладетъ
на арфу, другую на голову дочери).

Ты видишь, арфа ростомъ съ дочь твою;
И обѣ, какъ въ неволѣ былъ, стонали...
Какъ дочери, онѣ рыдали обѣ...
Такъ выбери межъ плакальщицъ одну,
Пусть выбранная въ лѣсъ идетъ съ тобою,
Другая жь дочь, отброшенная, будетъ
Залогомъ, и останется со мною.

Дервидъ.

Дочь! что она тамъ говоритъ?

Лилля Венета.

Царица арфу отдасть тебѣ.
Отецъ мой,

Дервидъ.

Ту арфу?

Лилля Венета.

Арфу.

Дервидъ.

Какъ, ужь отдала?

Идемъ же, дочка.

Лилля Венета.

Я вернусь, царица,
Несвольницей твоей... Отецъ, идемъ!

Гвинона.

Дервидъ, свою ты арфу покидаешь?..

Лилля Венета.

Не говори такъ громко... Поняла я.
Ужасна ты... О, сжался надо мной.
Коли меня живой имѣть ты хочешь,
Не жаждай, чтобъ я брошена была
Роднымъ отцомъ. Во мнѣ порвется сердце,
И будетъ здѣсь не дочь его, а трупъ,
Струнъ золотыхъ въ моемъ есть много сердцѣ,
Ихъ столько жь, сколько есть на этой арфѣ,
Но разомъ всѣ порвутся отъ тоски,
Однимъ отцовскимъ сломаннымъ словомъ...
Имѣй и милосердіе къ нему!
Суровая, надъ нимъ ты также сжался!

Гвинона.

Всегда ли будешь, словно малый птенчикъ,
Змѣѣ блестящей крылышкомъ бить въ очи?
Коли сказала я... такъ я хочу.
Кто возбранитъ испробовать мнѣ сердце
Отцовское? и здѣсь усправедливать
Себя, что я его жестоко грызла?
Скажи отцу сама, чего хочу я.

Лилля Венета.

Безжалостная!.. Эта королева,
Отецъ, одну лишь дочь тебѣ дастъ.
Возьми дитя, которое поетъ,
Оставь дитя, которое лишь плачетъ.
Меня ты любишь, знаю, о, родной,
Но ты меня не выбирай, отецъ мой,
А то, когда захочешь, несчастливый,
Ты о несчастьи пѣть, во мнѣ найдешь
Лишь эхо плача, въ арфѣ жь—звукъ безсмертный.
Возьми—что любишь, и люби—что бросишь.

Дервидъ.

О, небо!.. Дочь, гдѣ ты? Тебя люблю я.
Мой голубокъ, иди, веди слѣпого...
Дочурка, проводи меня скорѣе
Отсюда... Дочь моя, а гдѣ же арфа?

Лилля Венета.

Рыдасть арфа, что ее ты бросишь.
(Ударяетъ по струнамъ).

Дервидъ.

Ко мнѣ вызываетъ арфа?

Лилля Венеда.

Да, отецъ.

И стонеть.

Дервидъ.

Стонеть? Гдѣ же эта арфа?

Иль это призракъ? только арфы духъ,
Стоящій предо мной въ лучахъ, съ рыданьемъ?
Раскрыль онъ крылья, словно отлетаетъ
Со стономъ плача къ небу... А!..

(Лилля снова трогаетъ струны).

Опять!

Вы слышите, какъ арфа стонеть... стонеть?

О, пусть ее руками обйму я!

О, дайте мнѣ ее! Дочь королей!

(Хватаетъ арфу, обнимаетъ ее обими руками, и убѣгаетъ).

Гдѣ двери?.. О, воители, гонитесь

Съ мечами, но не дамъ я этой арфы!..

Нѣтъ, этой арфы вамъ я не отдамъ!

(Падаетъ грудью на арфу).

Лилля Венеда.

Вы видите, онъ руки окровавилъ

О струны! Встань же, милый мой отецъ...

Глядите, поглядите, положилъ онъ

Уста на струны, онъ цѣлуетъ ихъ,

А струны злыя тѣ уста кровавятъ...

О, струны, вы не дочери... Царица,

Ты видишь, мой отецъ свой выборъ сдѣлалъ;

Но, ежели ты думаешь теперь,

Что оттого я плачу, что отецъ мой

Меня покинулъ, ты за эту мысль

Будь проклята... То радость вырываетъ

Изъ глазъ моихъ сіяющія слезы.

Пусть моего отца никто не судить.

Сегодня старецъ, лиліями сытый,

Такъ цѣловалъ меня въ уста мои

И въ волосы, съ отчаяньемъ безмѣрнымъ

Такъ прижимался онъ, какъ жметса нѣжно

Теперь онъ къ арфѣ, найденной опять.

А если плачу я, такъ потому лишь,

Что вспомнила его я поцѣлуй

Въ темницѣ душной... и мои же слезы

Взываютъ къ сердцу,—почему я плачу.

Гвинона.

Отъ арфы—старца оторвать.

Лилля Венеда (поднимая отца).

Ну, вотъ.

Онъ кротокъ, какъ ягненокъ.

Гвинона.

Слушай, старецъ!

Мой старшій сынъ, Лехонъ, сынъ дорогой мой,

Невольникъ твой, а эта арфа будетъ

Въ залогъ и невольницей моей,

Пока живого не вернешь мнѣ сына.

Дервидъ.

Безъ арфы я отсюда не пойду.

Лилля Венеда.

Владычица, я снова на колѣни
Бросаюсь предъ тобой, и со слезами
Тебя молю, возьми меня, ему же
Отдай ты арфу. Или мыслишь ты,
Что сына твоего, коль только живъ онъ,
Тотъ старецъ не отдастъ за дочь свою?
Позволь, чтобы его я проводила,
Слѣпой онъ... лишь отца я провожу,
И ворочусь сюда; а что вернусь я,
Залогомъ въ этомъ арфа будетъ пусть.
Но присягни, что за возвратъ рабыни
Отпустишь арфу-королеву ты;
Коль присягнешь, вернусь я достоверно,—
Зачѣмъ теперь мнѣ жить! зачѣмъ мнѣ жить!
Сама ты знаешь, что вернусь я точно.

Гвинона.

Какой залогъ мнѣ—дочь, что нелюбима?

Лехъ.

Клянусь, Гвинона, будетъ! Ужъ довольно!
Та дочь—Лехоновъ стоитъ десяти.
Я присягаю: ежели вернется
Съ Лехономъ,—будетъ арфа ей, Лехонъ
И вмѣстѣ съ нимъ мое благословенье;
А ежели воротится одна,

Такъ и тогда, богами я клянуся,
Ты за нее отдашь обломокъ этого
Древесный, что умѣетъ плакать звонко.

Гвинона.

Ты слышишь! какъ мой мужъ сказалъ, такъ бу-
детъ.

Лилля Венеда.

Спасибо вамъ! спасибо!—Мой родимый,
Тебѣ сегодня вечеромъ доставлю
Я арфу, чтобы ты могъ на ней играть.
Ты знаешь, что ни разу не лгала я.
Теперь же... до свиданія, владыки.
Невольница придетъ за арфой, Лилля.
Идемъ, отецъ.

Дервидъ.

А гдѣ же арфа?

Лилля Венеда.

Арфа

Идетъ за нами.

(Къ Леху).

Благородный рыцарь!
Въ твоей тюрьмѣ еще остался старецъ,
Невиненъ также онъ.

(Уходить съ отцомъ).

Лехъ.

Тотъ чаровникъ.
Сыгонъ, вели пустить его на волю.

Такъ много въ людяхъ ангельства, что съ ними
Нельзя быть, какъ съ собаками... изъ башни
Пусть выпустятъ его. А между тѣмъ
Идемте всѣ, чтобъ снарядиться къ битвѣ.

(Выходятъ).

ГВИНОНА.

Въ кедровый ящикъ арфу положите,
Она ужъ для меня—какъ бы Лехонъ.
Нѣтъ, не кладите арфу въ гробъ древесный,
А то казаться будетъ мнѣ, что сынъ,
Что милый мой Лехонъ—въ гробу холодномъ;
А ежели несчастье какое
Съ моимъ любимымъ сыномъ приключится,
Объ этой арфѣ въ гробѣ вспомню я
И буду думать, что сама я сына
Въ гробъ положила. И тогда природа
Захочетъ это взять себѣ въ примѣръ,
И вслѣдъ за этимъ погребеньемъ арфы
Ужасную дѣйствительность измыслить.
За мною эту арфу унести.—
Какой закатъ чудовищный: тѣ стѣны
Какъ будто бы кровавы отъ лучей.—
Грифъ, нынче ночью будетъ буря,—тучи
Ворчатъ. Послѣдній нынче будетъ бой.

(Уходитъ).

СЦЕНА 4-я.

Пещера ворожен, озаренная алымъ блескомъ. Ружа Венета
стоитъ передъ отверстіемъ, ведущимъ въ пещеру, и къ за-
ходящему солнцу поетъ руническій призывъ.—Двѣнадцать
Бардовъ съ арфами.

РУЖА ВЕНЕТА.

Къ крови, солнце! къ крови, золотое!
Ты, послѣдній блескъ, въ крови погасни!
Въ бой, сюда, орлы, вордны, враны!
Въ бой, сюда, собаки съ смутнымъ воемъ!
Въ бой, сюда, громовыхъ тучъ громады!
Къ бою, шумы вихрей!.. Солнце, гасни!
Вороны, орлы, перуны, вихри,
Дайте знакъ намъ! тучи, дайте знакъ!
(Слышенъ далекій громъ).

БАРДЪ.

Громъ услышалъ, шлетъ глухой свой отзывъ.

РУЖА ВЕНЕТА.

Молніи, ко мнѣ, ко мнѣ скорѣе!
Будьте здѣсь вѣнцомъ надъ головою.
Мстительной—вы будьте волосами!
Молніи, я выйду изъ пещеры,
Въ кровь войду подъ рокотъ вашъ, перуны,
Стану за отцовскимъ я престоломъ,
Буду слушать вопли и стenanья,
Вся въ вызѣвахъ крови заалѣвшись,
Увѣнчавшись яркимъ блескомъ молній.

Бардъ.

Что жь тебѣ сказали предвѣщанья?

Ружа Венеда.

Человѣкъ пойдетъ на человѣка,
Какъ собака къ бѣшеной собакѣ.
Алый громъ съ лазурнымъ будетъ грызться.
Кровь помчить съ собою тронъ Дервида,
Будетъ плыть король съ престоломъ, съ арфой,
Какъ обломокъ льда.

Бардъ.

О, горе! горе!

Ружа Венеда.

Что ужаснѣй, видѣла, блѣднѣя.
Кровь подмыла тронъ, взяла съ собою.
Волосы владыка рвалъ, бросалъ ихъ,
Молніи по вѣтру ихъ палили.
Но молчите, и о томъ ни слова
Не скажите завтрашнимъ убитымъ.

Бардъ.

Страшная, что жь ворожба сказала?

Ружа Венеда.

Я вчера варила кости въ полѣ,
Въ черепахъ кипѣлъ мозгъ человѣчій,
Влажны кости на огнѣ стонали.
Шопотамъ внимая тѣхъ умершихъ,

Очи я замкнула, кровью мажу...

Вдругъ!

Изъ огня ко мнѣ выходитъ призракъ,

И завелъ меня на битву духовъ.

О, внимайте!

Вождь имѣлъ двѣ головы: внезапно

У одной глаза, какъ бы у трупа,

Закатились, на нее упала

Молнійная искра; и печально

Голова, что вотъ была умершей,

Начала бесѣдовать съ живою,

Что-то ей печально говорила,

До тѣхъ поръ, пока не съѣли искры,

Вспыхнувъ, какъ смолистая лучина,

Полный слезъ вѣнецъ нѣмого тѣла.

Въ край другой той битвы я взглянула,

Какъ отъ головни, что погасаетъ,

Отъ полуумершаго отшедши,

Тамъ въ строю стояли люди, ровно,

Ровно, зимно, бѣлые, какъ гробы,

Мечъ валилъ ихъ, если моляли громы,

А порою громъ съ мечомъ валилъ ихъ.

Кто-то тихо выкрикнулъ: Мы гибнемъ!

И толпа... желѣзомъ не сраженныхъ...

И шесть тысячъ пало бездыханныхъ,

Какъ отъ яда... Подошла съ ножомъ я...

Трупъ одинъ ножомъ я растворила,

И нашла, что блѣдное въ немъ сердце,

Что дрожить оно, какъ листъ ольховый:

Плюнула въ уста тому я сердцу,

И другую грудь для птицъ разсѣкла;
По клубокъ червей нашла въ томъ тѣлѣ
Вмѣсто сердца... Третью грудь расторгла,
Посмотрѣла... грудь была пустая!
Не было въ ней сердца! И, какъ холстъ, я
Поблѣднѣла... умерла во снѣ я,
Увидавъ, что не было въ ней сердца!

Бардъ.

Что же это?

Ружа Венедда.

Надъ могилой нашей

Встанетъ солнце. Но ни слова людямъ.

(Двѣнадцать вождей входятъ въ пещеру. Всѣ одѣты по-разному. У однихъ на шлемахъ туры, у другихъ олени рога, у иныхъ лишь перо павлина или цапли. Пандыри изъ сѣтки, или изъ чешуи. Въ рукахъ огромные мечи).

Ружа Венедда.

Вотъ вожди... Ну, что же, громобуйцы?
Сколько будетъ всѣхъ?

Вождь.

Двѣнадцать тысячъ.

Ружа Венедда.

Пейте же изъ череповъ, надъ смертью
Издѣвайтесь—пусть она повоетъ.

Вождь.

Что же ворожба тебѣ сказала?

Ружа Венедда.

Ежели отецъ мой въ часъ сраженья
На престолѣ каменномъ, коснувшись
Арфы золотой, пѣснь заиграетъ,
Страшную, что три ужъ поколѣнья
Не слышали, то побѣда наша.

Вождь.

Твой отецъ въ неволѣ вмѣстѣ съ арфой.

Ружа Венедда.

Вы безъ вѣры!.. Мой отецъ на тронѣ,
На престолѣ черномъ, онъ за арфой
Золотой, какъ за червоннымъ солнцемъ.
Каждый звукъ той арфы словно рыцарь
На конѣ выносится безумномъ;
Каждый звукъ какъ рыцарь-духъ стремится,
И шпобаетъ рыцарей съ конями.
Сколько струнъ есть, сколько змѣй отъ арфы
Выбѣжить съ огнистыми очами,
Войско Леха крыльями окрутить.

Вождь.

Гдѣ же предводитель двуголовый?

Ружа Венедда.

Значить, мнѣ не вѣрите? Проклятье!
Бросьте же тѣ чары въ кругъ Дервидовъ.
Въ кругъ трупныхъ главъ вождя поставлю.

Вождь.

Не повѣримъ, если не увидимъ.

Ружа Венета.

Ты, что съ золотымъ перомъ павлинымъ,
На которомъ блески первыхъ молній,
Отвали тотъ камень исполинскій...
Что? Не можешь?.. Пусть тогда двѣнадцать
Всѣхъ десницъ отвалиять этотъ камень...
Хоть его пошевелить.

Вожди.

Не можемъ.

Ружа Венета.

Такъ рукой души его внесу я...
Пусть онъ въ адъ уходитъ.

Вожди.

Чудо! чудо!

Вымолвила слово заклинанья,
Тяжкій камень всталъ.

(Ружа Венета входитъ, отваливши камень, въ подземную пещеру, и выводитъ Лелюма и Полелюма, прикованныхъ другъ къ другу цѣпью).

Ружа Венета.

И вождь явился.

Вотъ смотрите! Окровавивъ руки,
Узы—въ одного—двоихъ сковали...
Встанъ межъ череповъ, вождь блѣднлицый,

Ужь перуны воютъ неспокойно...

Наложу на васъ оружье.

(Кладетъ на чело братьямъ два шлема, и соединенныхъ вооружаетъ какъ одного рыцаря. Исполинскій щитъ, повѣшенный на рукѣ Лелюма, заслоняетъ обоихъ братьевъ. Полелюмъ въ правую руку, свободную отъ цѣпи, беретъ мечъ. Ружа Венета, вѣшая щитъ, говоритъ Лелюму).

Охранять щитомъ ты будешь брата.

(Къ Полелюму).

Молніей меча его закроешь...

Горе—кто не выполнитъ, что долженъ!
Горе! Вы—единый рыцарь, мститель.
А когда не будетъ васъ, въ столѣтьяхъ,
Имена связуя, стонъ промчится.
Надъ двумя смертями стонъ единый;
Скорбь одна останется въ отчизнѣ
О сердцахъ, которыя порвутся,
Скорбь одна, какъ въ сердцѣ материнскомъ...
Крови! крови жертвенной!

Полелюмъ.

Вотъ въ этой,

Здѣсь, въ моей груди найдешь.

Ружа Венета.

Итъ, крови

Пужно мнѣ невольничьей, чужой.

(Входитъ въ подземелье и выводитъ оттуда Лехона).

Королевскій сынъ. Какой онъ блѣдный.
Посмотрите!

Лехонъ.

Скальтесь надо мною,
Надъ моею молодостью, люди!
Этотъ срывъ подземный полонъ страхомъ,
Лица ваши блѣдны, и готовы
Для отмщенья. Знаю, есть у васъ
Право отмщенья надо мною,
Право жизнь исторгнуть изъ меня.
Но, когда бы мать моя была здѣсь,
Гордая такая королева,
Женщина суровая такая,
Васъ она-бъ слезами убѣдила,
Что я нуженъ, нуженъ въ этомъ мѣрѣ,
Какъ луна и солнце... ей и вамъ,—
Что не пригодится ни на что вамъ
Смерть моя, а жизнь пригодна будетъ...
О, молю, меня не убивайте!
Вашъ король у моего отца,
Онъ въ неволѣ, и отецъ отдастъ вамъ
Короля за сына своего;
Дастъ за каждый волосъ мой по нивѣ,
По куску распаханной земли,
А глядите, волосы густые,
Мать моя не разъ ихъ цѣловала...
Матери ни у кого здѣсь нѣтъ?..
Въ сиротахъ еще должно быть бѣльшимъ
Милосердые.

Ружа Венета.

Не возьму той крови...
Подлая. Иди себѣ стонать!

(Вталкиваетъ Лехона въ подземелье).

Кровь краснѣе въ сердцѣ голубиномъ.
(Входитъ Слязь, ведомый двумя Венедскими рыцарями).
Что за человекъ?

Слязь.

Я добровольно
Прихожу... повѣрьте... доброй волей.

Ружа Венета.

Ты Лехить?

Слязь.

Когда-бъ не все почтенъе
Передъ вами, рыцари, а также
Передъ той владычицею, я бы
Оскорбленьемъ счелъ вопросъ. Скажите,
Что собака я... отлично будетъ;
Что сова я... вовсе превосходно;
Листъ я, скажите... неподобию!
Но сказать, что я Лехить... и прямо
Мнѣ въ глаза?.. Когда бы не считалъ я
Неучтивымъ, плюнулъ бы въ глаза я
Тѣмъ, кто спросилъ, Лехить ли я...
Что же это? Или прямо смотреть
Изъ очей моихъ—обжорство, пьянство,
Грубость, и смертельныхъ семь грѣховъ,
Склонность къ сварамъ, къ огурамъ соленымъ,
И къ гербамъ? Обычай присягать,
Ссылку дѣлать на слова магистра?
Овцеводство?.. Это все, такъ прямо,
На лицѣ моемъ? О, если такъ,

Кипяткомъ меня скорѣе облейте,
Первая чтобъ шкура слѣзла прочь.

Ружа Венедда. (Къ Венеддѣмъ).
Замолчи. Вы гдѣ его поймали?

Рыцарь Венедъ.
Онъ со стороны Лехитовъ шелъ,
По дорогѣ много рассказалъ онъ
Страшнаго. Онъ видѣлъ короля
Нашего, Дервида, онъ замученъ,
А сестра твоя убита.

Ружа Венедда (Къ Слязу).
Лжешь,
Ты, исчадье ада!
Слязъ.

Я клянусь вамъ
Вотъ на этихъ черепахъ, что самъ я
Мщеніемъ киплю, пылаю местию;
Дайте только въ руки что-нибудь,
Мечъ, или рожонъ, и мстить я буду.
(Всхлипывая).

Король тотъ славный! Старецъ тотъ сѣдой!
Небесная святая королевна!
Лишь дайте мечъ, и если нуженъ вождь вамъ,—
Вождемъ я буду; если же вамъ нужно
Лишь человѣка, вотъ, я—человѣкъ;
Вамъ нужно тигра—вотъ онъ тутъ; вамъ нужно
Священника,—прошу, къ услугамъ вашимъ;
Коль нуженъ Ганимедъ,—согласенъ я.

Ружа Венедда.

О мести говоришь?.. Местъ подъ землей.
(Беретъ ножъ и входитъ въ подземелье, гдѣ замкнуть
Лехонъ).

Полелюмъ.
Ночь близится, о Лелюмъ.

Лелюмъ.
Умерла.
Ты слышалъ? Тихе, братъ мой. Мнѣ сдается
Что духъ ея—здѣсь на цѣпи межъ нами,
И руку смерти намъ кладетъ легко
На голову. Касаніе умершей
Ты слышишь? Съ нами такъ пойдетъ она
Въ ужасный бой и, глубь сердець увидѣвъ,
Воспрезритъ ихъ, коль задрожать они.
О, Лилля, обручаю нынѣ душу
Съ тобой! Ты улетающаго духа
Возьмешь. О, смерти, смерти, смерти, Боже,
Кривавой! Такъ отрадно быть въ бою!
Несчастнаго не сдѣлаетъ Богъ трусомъ.
Гдѣ барды? пусть идутъ они за нами.
Гдѣ арфы золотыя ихъ? Но гнѣтъ,
Не нужно бардовъ! Мертвые вѣрише
И видятъ, и поютъ о тѣхъ сердцахъ,
Что порваны болѣстью, о мечяхъ
Разбитыхъ, и о чаяньяхъ погасшихъ,
И знаютъ лишь они, во что цѣнить
Жизнь человѣка,—сколько улетаешь

Людского счастья въ пламенахъ червонныхъ,
Въ чьихъ блескахъ тлѣветъ мертвый богатырь.
До мертвыхъ только дѣло мнѣ, и Бога,
Ни до чего здѣсь больше на землѣ.
(Ружа Венета выходитъ изъ подземелья съ дымящимся
ножомъ).

Ружа Венета.

Вотъ, посмотрите! онъ красный, мой ножъ,
Въ сердцѣ Лехона былъ... видите, красный,
Кровью помажу я брови себѣ,
Души умершихъ увижу, вы—также...
Въ сумракѣ красномъ явиться должны,
Въ темномъ—кровавые, выйдутъ предъ нами,
Старый король, бардъ, и съ нимъ его дочь;
Къ мертвымъ—ни слова, иначе—умрете.

(Входитъ Дервидъ и Лилля Венета).

Видите! видите! трупы идутъ.
Изъ-подъ земли я звала ихъ—приходить.

Лилля Венета.

Вамъ изъ неволи отца привела.
Вотъ вашъ отецъ.

Дервидъ.

Какъ же такъ? Не узнали?
Дочь, посади здѣсь на камнѣ меня.
Что-жь, не узнали?

Ружа Венета.

Безъ арфы пришелъ ты.

Дервидъ. (Срывается).

Небо! Пришелъ я, пришелъ безъ очей,
Вырваны очи, но очи заплачутъ.
Чуть только вѣсть къ нимъ объ этомъ дойдетъ.
Гадина, арфой ли ты рождена здѣсь,
Если меня ты привѣтствуешь такъ?
Лилля, дай руку, веди меня дальше.

Лилля Венета.

Гдѣ же твой путь, о, родной мой?

Дервидъ.

До змѣй,—
Къ змѣямъ, которыхъ ты такъ укротила
Пѣней, что сердце не будутъ мнѣ грызть.

Лилля Венета.

Милый отецъ!

Дервидъ.

Дочь не дочь, а охидна;
Въ часъ, какъ враги мнѣ исторгли глаза,
Думалъ я, дочь свои очи исторгнетъ,
Вложить глаза свои въ вѣки мои;
Нынѣ же вижу, что вырветъ мнѣ сердце,
Съ тѣмъ, чтобъ въ пустую вложить себѣ грудь.
Арфа! ты—арфа безъ струнъ, чаровница!
Встрѣтить такъ, встрѣтить родного отца?
Какъ приходилъ я сюда, такъ собаки
Съ радостнымъ воемъ бросались ко мнѣ;
Ты же, какъ воронъ, тѣ красныя очи
Видя, голоднымъ въ нихъ клювомъ глядишь,

Слезы червонныя мнѣ выѣдаешь,
Слезы послѣднія. Пусть же тебя
Первая молнія жжетъ, золотая...

Ружа Венета.

Молнія пусть снизойдетъ на меня!
Ибо, король, ты приходишь безъ арфы.
Безъ королевства падешь на костеръ.

Лилля Венета.

Нѣтъ, побѣдитъ онъ, безъ дочери младшей,
Но черезъ младшую дочь побѣдитъ.
Видишь, онъ, плача, усѣлся на камнѣ,
Думаетъ, словно какъ аистъ слѣпой.
Будь ему дочерью. Вмѣстѣ со мною
Пусть кто поидетъ, чтобы арфу принести.

Ружа Венета.

Что говоришь ты? Какъ арфу отыщешь?

Лилля Венета.

За золотую отдамся сама;
Лехамъ за арфу отдавшись, останусь.

Ружа Венета.

Въ арфѣ побѣда, иди же за ней.

Лилля Венета.

Если, сестра моя, арфы ты хочешь,
Если меня хочешь видѣть живой,
Дай мнѣ Лехона невольника: выдать

Тамъ за меня обѣщалась царица
Арфу,—за сына мнѣ жизнь отдать.

Ружа Венета.

Значить, погибли мы, ибо убить ужь
Сынъ королевы, Лехонъ. (Къ Сляву). Низкій лжець!
Бросить его со скалы.

Лилля Венета.

Не пятнайте

Кровью—рубахи моей погребальной
Въ этотъ печальный торжественный часъ...
Пусть отойдетъ онъ за арфой со мною.

Ружа Венета.

Что говоришь ты? Осмѣлишься ль ты
Къ Леху вернуться?

Лилля Венета.

Сестра моя, съ смертью

Я ужь спозналась; вамъ арфу пришлю,
Вѣрь мнѣ,—коль арфа даетъ вамъ побѣду.
Будьте жь счастливы въ побѣдѣ своей.

(Становится на колѣни передъ отцомъ).

Благослови меня, отче! Быть можетъ,
Я уже больше сюда не вернусь.
Лютню жь твою я пришлю золотую;
Если какая застонетъ струна,
Самая малая между струнами,
Въ часъ какъ побѣдную пѣснь запоешь,—
Думай, что это она поминаетъ
Младшую дѣтку твою,—и струну

Съ пѣсней ударь, чтобы не было плача.

(Встаётъ и говоритъ Слязу).

Въ путь, человѣкъ! Мы за арфой идемъ!

(Уходитъ со Слязомъ).

Ружа Венеда.

Арфа! Побѣда! Уснулъ этотъ старецъ,

Дочь убаюкала плачемъ его.

Что жь есть отецъ!.. О, смотрите, смотрите!

Спящаго къ трону Дервида несемъ.

Арфа! Побѣда! За радость побѣды—

Сто человѣческихъ въ жертву сердець!

(Уходятъ).

Хоръ двѣнадцати бардовъ.

О, сколько жь нужно жертвъ! и сколько горь-
кихъ слезъ!

Предъ тѣмъ, какъ молніей заблещетъ ночь от-
мщенья.

Вотъ въ кроткой горлицѣ могущество зажглось,
Двѣ братскія руки слились въ одно сплетенье;
Король, что стономъ арфъ задумалъ побѣдить,
Играть звучнѣй... чѣмъ стонъ—людей, что умира-
ютъ;

Ворожея въ крови, съ рѣсницъ ту кровь—не смить,
Внимаетъ, какъ мечи съ мечами въ бой играютъ;
И видитъ страшныхъ дѣлъ—людскихъ—свершен-
ный ходъ,

Провидитъ Божій судъ...—Когда же ночь глухая,
Изъ вѣры гибнущимъ ликъ солнца создаетъ,
Зоветь грозу, глядитъ... и молній ждетъ, внимая.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Зала въ замкѣ Леха, озаряемая частыми молніями. Лехъ,
Сыгонъ, Святой Гвальбертъ.

Лехъ.

На коней! Передніе отряды
Отступили.

Святой Гвальбертъ.

Именемъ креста,
Дамъ тебѣ побѣду.

Лехъ.

Чье бы имя
Ни давало, я ее беру,
Если же не дашь, ее я вырву.

Святой Гвальбертъ.

Дай коня мнѣ. Нынѣшнею ночью
Пресвятая Дѣва, что была
Сожжена въ моей пустынной кельѣ,
Освятить своимъ явленьемъ трупъ

Между всѣхъ достойнѣйшей,—надъ кровью,
Что угодна Богу, явить ликъ.
Прикажи мнѣ дать коня.

Лехъ.

Перуны
Бьютъ, какъ будто валится весь міръ.
Въ бѣгство обратился строй передній,
Мечъ Роланда...

(Входитъ Гвинона въ траурѣ).

Черная жена...

Въ замкѣ будь... и прикажи на башняхъ
Сверху свѣсить звѣзды изъ огня...
Каждый разъ, какъ молніи погаснутъ,
И въ крови я вражьей утону,
Выплыву съ конемъ къ твоимъ сіяньямъ.
Поцѣлуй дѣтей... Ужъ вѣрно спятъ,
Такъ дремотенъ этотъ душный воздухъ.

Гвинона.

Плачешь, видя молніи, Арфонъ.

Лехъ.

Захвораль онъ, что ли?

Гвинона.

Нѣтъ, испуганъ.

Лехъ.

На коней, воители, а ты
Окна всѣ замкни, чтобы на мѣсто

Мужа не влетѣлъ къ тебѣ перунъ
Красноцвѣтный. Къ битвѣ! Въ бой, Лехиты!
(Выходятъ всѣ, кромѣ Гвиноны).

Гвинона.

Сюда идите, дѣвушки, а то
Одной мнѣ страшно!

(Входятъ дѣвушки).

Что, изъ васъ умѣть,
Хоть бы какая, сказку рассказать?
Пусть говоритъ, а то мнѣ страшно, страшно,
Какъ въ смертный часъ. Вы знаете, мой сынъ
Навѣрно ужъ не живъ: она за арфой
Отцовской не вернулась... Ужъ, навѣрно,
Мой сынъ погибъ! Но я еще надѣюсь...
Ахъ, какъ ужасно мнѣ! Вы также всѣ
Встревожены, какъ бѣлыя лебедки.
Сегодня ночью страшное свершится...
Дѣвчата, спать идите, я останусь
Одна, и буду сонъ вашъ сторожить.

(Дѣвушки выходятъ).

Духъ молній страшный въ воздухѣ, ихъ запахъ,
И дивныя какія-то рыданья,
И жалобы, какъ будто бы мой сынъ,
Въ тоскѣ, что брошенъ, жалуется громко,
Крича: О, мать! О, мать моя! О, мать!
А!

(Входитъ Лилля Венета).

Онъ пришелъ? Мой сынъ пришелъ съ тобою?

(Лилля Венета отвѣчаетъ жестомъ отчаянія).

Не мучь меня, а отвѣчай мнѣ прямо,
Что онъ убить, а если онъ живеть,
Скажи, что онъ живеть,—и голубые
Твои глаза я выгрызу, цѣлуя...
Скажи, что онъ живеть. Но если? Если?..

Лилля Венедэ.

Ужасна ты...

ГВИНОНА (приближалась бѣшено,
но медленно).

Но если?.. сынъ мой... если...

Лилля Венедэ.

Ждетъ у воротъ...

ГВИНОНА.

Мой сынъ!

Лилля Венедэ.

Ждетъ человекъ,

Чтобъ арфу взять.

ГВИНОНА.

Игральщица на арфѣ!

(Хватаетъ ее за шею).

Лилля Венедэ.

Владычица, меня ты удушаешь!

ГВИНОНА.

Арфистка!

Лилля Венедэ.

О!

ГВИНОНА.

Кричи! кричи! арфистка.

(Срываетъ поясъ и душить Лиллю Венеду).

Кричи... Задохлась... Что?.. Ужь безъ дыханья!..

Сюда, ко мнѣ, всѣ дѣвушки, сюда...

Со мною трупъ.

(Вбѣгаютъ дѣвушки).

ДѢВУШКА.

Что здѣсь за шумъ и крики?

ГВИНОНА.

Что?

ДѢВУШКА.

Здѣсь упало что-то.

ГВИНОНА.

Это трупъ.

ДѢВУШКА..

Чудовищно! О, ужасъ! Ужасъ!

ГВИНОНА.

Ужасъ...

Я удушила лентою ее...

Рукой боитесь къ трупу прикоснуться?

А?

ДѢВУШКА.

Мертвая! Задушена?

Гвинона.

Они

Убили сына у меня...

Дѣвушка.

Бѣдняжка!

Бѣляночка! И чѣмъ же провинился
Тотъ бѣдный голубочекъ предъ тобой?
Позволь, по крайней мѣрѣ, уберемъ мы
Ее въ покровъ сребристой бѣлизны,
Нарциссами украсимъ, васильками,
И будемъ надъ умершей грустно пѣть.
Какъ эти грудки круглыя остыли!
Какъ эти ножки зимно посинѣли!
Давайте, сестры, вынесемъ ее,
Изъ этого покоя, гдѣ чрезъ окна,
Подматривая, молніи глядятъ,
Чрезъ черныя, несяся мимо съ крикомъ.
Укройте ножки бѣлою рубахой;
Свѣтло намъ усмѣхается... Тихонько!

(Выносятъ тѣло Лилли Венеды).

Гвинона.

Когда ее душила я, во мнѣ
Не мать одна, а десять было скрыто...
Теперь, въ испугѣ, что во мнѣ все змѣи
Утихли... я какъ трупъ... Что сдѣлать мнѣ?
Ага... я арфу отошлю Дервиду.
Сама броню надѣну... брошусь въ кровь...

(Выходить).

СЦЕНА 2-я.

Поле передъ замкомъ Леха.

Слязь (стуча въ ворота).

Гей! гей! есть кто-нибудь тамъ? или всехъ
Убили громъ и молнія? Привратникъ
Повѣсился? гей! гей!.. собака воетъ.
Покорнѣйше васъ, госпожа собака,
Прошу напомнить вашей королевѣ,
Что арфы здѣсь я жду... Гей! гей! гей! гей!..
Нѣтъ никого... собаки только воютъ,
Какъ будто вотъ въ кого-то грянетъ громъ...
Гавъ! гавъ!.. чтобы издохла ты на мѣстѣ!
Гавъ! гавъ!.. чтобы въ тебя ударилъ громъ!
Иль чуешь ты, что господинъ твой померъ
И пахнетъ трупомъ? Или предъ тобой
Смерть костяная шествуетъ... Брр... брр...
Мнѣ холодно... Что тамъ за привидѣнья?
(Врата открываются, выходятъ дѣвушка въ бѣломъ съ факелами, неся замкнутый ящикъ отъ арфы).

Дѣвушка.

Вотъ человѣкъ!

Слязь.

Я здѣсь.

Дѣвушка.

Вотъ тутъ замкнута

Дервида арфа; отнеси ее
И передай—Гвинона держитъ слово.

Слязь.

На плечи положите ящикъ мнѣ,
Прекрасныя дѣвчины.

Дѣвушка.

И не медли...

(Уходятъ).

Слязь.

Повсюду на дорогахъ человѣки
Текутъ и растекаются, а смерть
Глупцовъ своей косою загребаетъ,
А молніи ей съ неба фонарями
Сіяютъ, и зоветь святой Гвальбертъ
Сіяньемъ вѣка это освѣщенье.

(Уходитъ съ ящикомъ на плечахъ).

СЦЕНА 3-я.

Поле битвы, ночь, полная молній. Входятъ Лехъ и Сыгонь.

Лехъ.

Мой Сыгонь! то битва исполиновъ!
Противъ насъ перуны; лишь послушай...
Черезъ ряды, что вырублены были
Вполовину, я ужъ пролеталъ...
Ужъ глазами досягалъ я прямо
Недругамъ въ кровавое ихъ сердце,
Ужъ летѣлъ туда, гдѣ подъ дубами,
Подъ навѣсомъ молніиныхъ огней,

Арфы, старцы, факелы, все въ кучѣ
Сгромоздилось, словно овцы въ бурю,
Что вѣнкомъ подъ грушею ютятся;
Ужъ въ рукахъ имѣлъ я короля...
Вдругъ перунъ надъ головой моею,
Разорвавшись дробными огнями,
Подо мной убилъ коня.

Сыгонь.

Владыка,
Видѣлъ нѣчто я еще страшнѣй!
Черное страшилище я встрѣтилъ, —
Двуголовый вождь Венедовъ...

Лехъ.

Страшно?

Сыгонь.

Двѣ главы, но на единомъ тѣлѣ,
Обѣ вдругъ сойдутся иногда,
И рога огромные сплетаются,
Иногда одна свирѣпо мечеть
Змѣевъ на людей... другая смотритъ
И сердце глазами ищетъ въ насъ.

Лехъ.

Я его найду. За мной! За мною!..

(Убѣгаетъ).

Сыгонь.

Сѣдъ я... но такой ужасной ночи
Никогда не видѣлъ я. Знамена

Утопаютъ въ пролитой крови...
Молнія одно огнемъ златистымъ
Запалила, и на лица людямъ
Блѣдный свѣтъ излился...

(Входятъ Лелюмъ и Полелюмъ).

Лелюмъ.

Лехъ! Лехъ! Лехъ!

(Нападаютъ на Сыгона).

Сыгонъ.

Вождь Венедовъ мерзкій, если только
Человѣкъ ты, будешь тотчасъ трупомъ.

(Бьются.)

Полелюмъ.

Цѣпь скрути вокругъ него... Свяжи...

(Въ то время какъ Полелюмъ бьется, Лелюмъ оббѣгаетъ во-
кругъ Сыгона и закручиваетъ ему цѣпь на горлѣ, такъ что
Сыгонъ остается повѣшеннымъ на цѣпи, которая соединя-
етъ братскія руки).

Лелюмъ.

Разбѣжимся, цѣпь его удушить.

Полелюмъ.

Ужь хрипнть... пусти его.

Лелюмъ.

Удушенъ.

(Развиваютъ цѣпь, Сыгонъ валится мертвымъ.)

Дай на лукъ мнѣ стрѣль, отравы полныхъ.

О, когда-бъ отцовской арфы стонъ—
Стонъ одинъ отъ арфы той Дервида,
Были-бъ всѣ тогда—какъ этотъ трупъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА 4-я.

То же самое поле. Лехъ, Сыгонъ убитый.

Лехъ.

Сыгонъ! ко мнѣ! Сыгонъ! опять убилъ я
Двѣнадцать человѣкъ, мой мечъ иззубренъ.
Что вижу я? Старикъ Сыгонъ убитъ.
О, мщенья! мщенья!

(Входитъ святой Гвальбертъ съ крестомъ).

Святой Гвальбертъ.

Короля я слышу,

Онъ стонеть.

Лехъ.

Посмотри, гдѣ раненъ онъ,
Сними съ него доспѣхи.

Святой Гвальбертъ.

Онъ не раненъ
Нигдѣ, на тѣлѣ знаковъ вовсе нѣтъ,
Но посинѣлъ въ лицѣ, какъ бы повѣшенъ
Иль молніей убитъ.

Лехъ.

О, мщенье молньямъ!..

(Уходитъ).

Святой Гвальбертъ.
Язычникъ бѣдный, ну, пойдѣмъ, тебя ужь
По-христіански я похороню.

(Уходитъ, влѣча за собою трупъ).

СЦЕНА 5-я.

Памятникъ изъ Друидическихъ камней въ лѣсу.—Дервидъ на
каменномъ тронѣ, вокругъ двѣнадцать бардовъ, на двѣнад-
цати каменныхъ сидѣньяхъ, около каждого—золотая арфа
и факель, воткнутые въ землю.—Ружа Венета стоитъ за
отпомъ на тронѣ.—Дервидовъ дубъ направо.

Дервидъ

Что же, все нѣтъ еще арфы, а слышу
Стоны народа и шелестъ плывущей
Крови... И нѣтъ еще арфы—о, боги!

(Входитъ раненый Венедъ).

Венедъ.

Раненый я прибѣгаю сюда.
Ломать Лехиты насъ. Люди ждутъ пѣсни.

Дервидъ.

Боже мой! Боже!

Венедъ.

Король, умираю,
Смерть ужь приблизилась... пѣсню играй.
(Падаетъ и умираетъ).

Дервидъ (встаетъ на тронъ и
рветъ свои волосы).

Молніи, бейте въ меня! о, перуны!
Будьте на тронѣ, а я буду арфой!

Царство мое—словно эти сѣдины,
Съ кровью ихъ вырвалъ, и вѣтеръ ихъ мчитъ
Рвите же, вихри, мнѣ волосы, рвите!

(Входятъ Лелюмъ и Полелюмъ).

Лелюмъ.

Гибнемъ, отецъ, мы,—намъ пѣсню играй.

Дервидъ.

Нѣтъ у меня многозвончатой арфы.

Гибнете вы.

Ружа Венета.

Разступитесь всѣ,

Слышу идущую арфу, ужь слышу...
Бейте въ щиты, чтобъ вожди собрались.
Въ мигъ ихъ безсмертными сдѣлаетъ пѣсня,
Всѣ, что услышать ее, будутъ жить,
Всѣ, что ее не услышать, погибнуть.

(Входитъ Слязь съ арфою въ ящикѣ).

Слязь.

Вотъ послужилъ я вамъ, добрые люди,
Арфу принесъ, гдѣ поставить ее?

Ружа Венета.

Дай сюда арфу. О дубъ королевскій
Пусть, опершися, мгновенія ждешь.

Слязь.

Вамъ королева сказать повелѣла—
Слово сдержала.

Ружа Венедъ.

Змѣя, отойди!

Слязь.

Что же, отлично, я спрячусь въ болото.

(Уходитъ).

Ружа Венедъ.

Даруй побѣду, король, всёмъ своимъ!

(Входятъ двѣнадцать вождей съ обнаженными мечами, всё покрытые кровью).

Отче, предъ дубомъ Дервидовымъ арфа,

Часъ пѣнопѣнья, вожди собрались.

Дервидъ (встаетъ съ трона и приближается къ арфѣ).

Какъ мое сердце трепещетъ! смогу ли

Въ тѣ золотистыя струны ударить?

Слышу, какъ въ людяхъ трепещутъ сердца.

Гдѣ же та арфа? Сейчасъ, подождите.

Сердце во мнѣ все дрожить. Гдѣ же арфа?

Вы побѣдите, ужь слышу въ себѣ.

Ежели душу всю въ пѣснь перелью я,

Въ пальцахъ, въ рукахъ мою душу держу я,

Будетъ душа, какъ огнистый перунъ,—

Душу какъ молнію вброшу я въ струны,

Пѣсню перунную вызову струнъ.

(Касается на-ощупь деревяннаго покрыва арфы).

Арфа подъ крышккой. Венедъ, отвори мнѣ.

(Ружа Венедъ снимаетъ крышку съ деревяннаго покрыва арфы и отшатывается, утягивая отца за руку. Ибо, вмѣсто

арфы, тамъ видно умершую Лиллю Венеду въ погребаль-
ной рубахѣ, съ вѣнкомъ изъ васильковъ на головѣ).

Къ арфѣ пустите! Зачѣмъ за одежды

Вы ухватили меня? Для чего вы

Противорѣчите старцу сейчасъ?

Полонъ я духа!—Я вырвусь, я вырвусь,—

Будетъ безсмертною пѣсня моя!

(Вырывается изъ рукъ дочери и кладетъ руки на лицо умершей Лилли Венеды).

Что жъ это? зимное что-то... не струны.

Мертвое чувствую я подъ рукою.

Что жъ это?.. это не арфа, а тѣло

Дочери милой умершей моей.

(Минута молчанія, Ружа Венедъ хочетъ отвести отца отъ тѣла умершей, старецъ не дается дочери).

Гадина, прочь! Дочь моя—здѣсь, во гробѣ.

О, умерла! умерла!—Подождите!

Эти златистыя волосы—струны,

Буду играть вамъ, и будетъ вамъ пѣснь.

Я тебя вижу, дитя мое, вижу,

Я твои нѣжныя губы найду...

Не отрывайте меня, о, прошу васъ,

Не отрывайте отъ милой меня!

Ружа Венедъ.

Что жъ, вы не слышите пѣсни рыданій,

Пѣсни изъ слезъ королевскихъ? Впередъ!

Къ смерти идите!

Дервидъ.

Голубка! голубка!

Мертвая! Ты ужь навѣкъ умерла!

БАРДЪ.
Плачетъ отецъ.

ДЕРВИДЪ.

Дочь моя, о, родная,
Вижу твой образъ, во впадинѣ онъ
Вырванныхъ глазъ. Цѣликомъ тебя вижу,
Всю заключилъ тебя гробъ головы.
Въ звѣздномъ вѣнцѣ, въ благовоніи кедра,
Полная блеска, лампада, идешь,
Вотъ ты идешь, раскрывая объятъя...
Видите? Здѣсь она... плачетъ, смѣясь.
Мертвая, мертвая! Та, что любилъ я,
Та, что единственной сердцу была!

РУЖА ВЕНЕДА.

Вѣдала я, ужъ давно, на какою
Пѣсню зову васъ, погибшіе люди,
Бѣдный народъ, черезъ Бога погибшій,
Видѣла надпись кровавую я,
Были у васъ на челѣ ваши судьбы,
Жизнь на три дня... Что жъ вы такъ поблѣднѣли?
Кто жъ обманулъ? рокъ? или я? или безвѣрье
Тѣхъ, кто въ отчаяніи—смерти бѣжить?
Голуби сердца! о, какъ вамъ лѣниво
Путь свой направить къ могиламъ нелгущей,
Все завершающей!.. Нужно васъ было
Всѣхъ обмануть и какъ стадо погнать,
Бѣлое стадо овецъ для убоя.
Все недовольно еще?.. Вырываю

Пряди волосъ, да предстануть, какъ змѣи,
И помертвѣвшимъ да будутъ какъ бичъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ ВОЖДЕЙ.

Ворожея! общала намъ арфу,
Арфу победы.

РУЖА ВЕНЕДА.

Что? я общала?

Ну такъ смотри! Что жъ ты думалъ,—что, больше
Рѣчи въ струнахъ, чѣмъ въ могильной тиши?
Гдѣ же такая есть арфа, какъ это
Мертвое тѣло, и гдѣ же есть звуки
Скорби такіе, какъ плачъ этотъ горькій,
Слезы отда, что, коснувшись до костей
Дочери мертвой, въ нихъ ищеть напѣва,
Словно въ дрожащихъ струнахъ? Присягните,
Рыцари, въ томъ, что достойно отмстите,
Часть остальное, съ грозой, довершить!

ВОЖДИ.

Въ мести клянемся... Клянемся... до смерти.

(Уходятъ).

ЛЕЛЮМЪ (цѣлуя умершую сестру).

Здѣсь, о, сестра, на устахъ твоихъ нѣжныхъ,
Клятву даю, что увидимся нынче.
Въ битву, Лехиты!...

ДЕРВИДЪ (достаётъ изъ-за пазухи
жертвенный ножъ и говоритъ, ударяя себя дважды).

Глядите, сыны!

Съ мѣткостью, Леху—такъ въ сердце, такъ въ
сердце...

(Падаютъ мертвый).

Ружа Венеда.

Эти два тѣла возьмите... Направо
Сложенъ костеръ... Тамъ сожгите ихъ вмѣстѣ,
И, окруживши зажженный костеръ,
Прахъ королевскій вздымайте вы въ урнахъ;
Если же кто изъ Лехитовъ подступитъ,
Если тѣла тѣ, святыхъ, встревожить,
Урнами тотчасъ сразите его.

(Барды берутъ урны и факелы.—Четверо изъ нихъ кладутъ
къ себѣ на плечи тѣло Дервида и тѣло Лилли Венеды въ
кедровомъ ящикѣ и уходятъ.—Ружа Венеда оборачивается
къ Лелюму и Полелюму и говорить).

Здѣсь я на камнѣ на тронномъ сложу вамъ
Пышный костеръ изъ пахучаго древа...
Жду...

(Лелюмъ и Полелюмъ уходятъ биться, Ружа Венеда отхо-
дитъ въ глубь лѣса).

СЦЕНА 6-я.

Поле битвы.—Ночь.—Буря. Входитъ Лехъ.

Лехъ.

Сломаны... Тѣхъ псовъ рубить нещадно!
Что это за рыцарь?..

(Входитъ Гвинона въ доспѣхахъ).

Гвинона.

Я одѣлась

Въ бранные доспѣхи для отмщенья—
Мстить хочу за сына моего.

Лехъ.

Можно какъ овецъ теперь рубить ихъ...
Мужества совсѣмъ они лишились,
Въ часъ полночный, въ самый, оробѣли,
Рубяты, рубяты наши ихъ съ тѣхъ поръ.

Гвинона.

Я хочу игральщика на арфѣ!
Я хочу арфиста!

Лехъ.

Осторожно.

Близъ него послѣдняя дружина
Быть должна.

(Гвинона уходитъ.—Входитъ святой Гвальбертъ).

Что дѣлаешь ты здѣсь?

Святой Гвальбертъ.

Я крещу на полѣ недобитыхъ.
До тѣхъ поръ, какъ мать Христа предстанеть...

Лехъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы повстрѣчался
Двуголовый вожь мнѣ,—я бь ему
Даль пожить, чтобы ходить за плугомъ.

(Уходитъ).

Святой Гвальбертъ.

А я здѣсь сяду на траву... Кто видѣлъ
Такую ночь, тотъ знаетъ цѣну міру...
И знаетъ цѣну людямъ... Милосердыя
Гораздо больше въ молніяхъ златыхъ,
Они сердца лишь соснамъ раздирають.
Для этого-то матери—дѣтей
Выхаживали,—чтобъ мясная лавка
Когда-нибудь изъ нихъ образовалась?
Любой убитый столько стоитъ здѣсь,
Какъ стоилъ; а спроси-ка мать любую,
Пускай оцѣнитъ тѣло,—страхъ возьметъ,
Коли заплатишь, что она назначить;
За сына своего могла бъ купить
Живое царство, гдѣ ихъ миллионы...

(Слязь высовываетъ голову изъ-за куста).

Слязь.

Святой Гвальбертъ!

Святой Гвальбертъ.

Что дѣлаешь здѣсь, Слязь?

Слязь.

Въ болотѣ грязну.

Святой Гвальбертъ.

Какъ туда зашелъ ты?

Слязь.

Святой! Сперва ты за уши меня
Спаси,—когда жъ тонуть я перестану,
Твоимъ ушамъ разкажомъ дамъ покой...

Святой Гвальбертъ.

Мошеникъ, ты мнѣ келью сжегъ.

Слязь.

Не я,

Сжегъ келью Дьяволь... я же, честный отче,
Тебя искалъ, чтобъ жалобу принести
На Дьявола...

Святой Гвальбертъ.

Ночь искупленья нынѣ...

Иди за мной, зѣвака.

Слязь.

Ужъ до смерти

Священническимъ буду я слугой.

(Уходитъ).

СЦЕНА 7-я.

Другая часть поля. — Входитъ Лехъ.

Лехъ.

Я полвождя убилъ...

(Входитъ Грифъ).

Грифъ.

Гдѣ Лехъ?

Лехъ.

Что слышно?

Грифъ.

Жена твоя, владыка, померла.

Лехъ.

Убита?

Грифъ.

О, чудовищно, владыка,
И тѣмъ ужаснѣй, что уже Венеды,
Мечи бросая, всюду убѣгали...
Вдругъ королева, увидавъ на взгорьи
Великій пламень красный, и вокругъ
Вѣнецъ тѣней предъ пламенемъ кровавымъ,
Вскричала: Тамъ навѣрное Дервидъ.
И, мечъ свой обнаживъ, пошла на взгорье.
Вдругъ черные, что при кострѣ стояли,
Гдѣ двое мертвыхъ было на огнѣ,
Схватили урны, полныя давнишнихъ,
Старинныхъ праховъ, и на королеву,
Которая всходила къ высотѣ,
Съ горы швырнули это пепелище.
Я прибѣжала... она была покрыта
Костями мертвыхъ и стариннымъ прахомъ
Съ разбитой грудью, мертвая сама.

Лехъ.

О, бѣдныя мои, родныя дѣти...
Я знаю, будутъ спрашивать о ней.
Я плакать не могу сейчасъ... ты видишь,
Весь кровью я покрытъ. Несите въ замокъ
Останки несчастливой, и велите
Обмыть съ нея людской налипшей прахъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА 8-я.

Друидическій памятникъ.—Костеръ, разложенный на томъ
мѣстѣ, гдѣ стоялъ тронъ Дервиду.

Ружа Венедя (одна).

Вырѣзанъ людъ весь, и буря слабѣетъ.
Только что былъ здѣсь властитель и люди,
Факелы; были, и что же осталось?
Камни пустыя, двѣнадцать, двѣнадцать,
И ужъ навѣки такъ будетъ, навѣки!

(Входитъ Полелюмъ, неся на рукахъ тѣло убитаго брата,
еще прикованное къ нему цѣпью).

Что-жъ ничего мнѣ не молвишь, Полелюмъ?

Полелюмъ.

Спать на груди моей братъ мой убитый.

Ружа Венедя.

Нужно ли цѣпь расковать между вами?

Полелюмъ.

Цѣпи не тронь... Гдѣ костеръ для умершихъ?

Ружа Венедя.

Вотъ пепелище лежитъ предъ тобою,
Факелы въ бурѣ свистящей потухли.

Полелюмъ.

Кто-жъ дастъ огня?

Ружа Венета.

Намъ дадутъ его тучи.

(Полелюмъ входитъ на костеръ съ трупомъ брата).

Полелюмъ.

Вотъ я готовъ... Кликни молнію пѣсней.
Спи на груди моей, братъ блѣднолицый.
Все въ этомъ мірѣ склонно къ дремотѣ.
Молніи кликни своей ворожбою;
Видишь, готовъ я...

Ружа Венета.

Внеси свою руку

Вмѣстѣ съ рукою умершаго брата.
Оба громовъ призывайте — цѣпями.

(Входитъ Лехъ).

Лехъ.

Стойте, язычники, жизнь приношу вамъ!
(Входитъ святой Гвальбертъ).

Святой Гвальбертъ.

Стойте, язычники, вѣру несу вамъ!

Полелюмъ.

Жизнь намъ и вѣра?.. О, Боже, взгляни же!
Двое, что тутъ, предъ костромъ погребальнымъ,
Двое, вонъ тѣхъ, что глядятъ на Венета,
Въ часъ умирающа... ты видишь ихъ, видишь?

Только подумай, какимъ ты твореньямъ
Далъ торжество и восторгъ поруганья?
Да, и пришли, какъ народъ мой весь умеръ!
Да, и пришли, какъ ужъ братъ не живетъ мой!
Да, и пришли, когда въ заревѣ небо,
Въ дымѣ костровъ сожигаемыхъ труповъ.
И предлагаютъ мнѣ жизнь. О, творенья!
Чую къ вамъ въ сердцѣ великую жалость
Вмѣстѣ съ великимъ-великимъ презрѣньемъ!
Непусти, о Всевышній, чтобъ гробъ мой
Здѣсь былъ, въ странѣ, гдѣ живутъ они.—Тучи!
Черныя тучи, что мчитесь надъ полемъ,
Полнымъ убитыхъ, и мечете пламя
Молній послѣднихъ... О, черныя тучи!
Руку въ цѣпи я до васъ простираю,
Вмѣстѣ съ рукою умершаго брата;
Обѣ руки вмѣстѣ съ цѣпью той просятъ
Молніи свѣтлой, благой и послѣдней...
Что-жь, вамъ не слышно?.. Такъ мертвой рукою,
Съ звеньями цѣпи, на бой васъ зову я,
Полныя молній, нависшія бури.
Если огонь вашъ не можетъ быть вызванъ
Просьбой,—и вырву огонь вашъ проклятемъ!
(Молнія ударяетъ въ костеръ, и въ деревѣ занимается золотой пламень. Лелюмъ и Полелюмъ исчезаютъ въ блескѣ.— Постепенно надъ гаснущимъ костромъ означается очеркъ Богородицы).

Святой Гвальбертъ (указывая на видѣніе).

Аве, Безсмертная!

Лехъ.

Чудо-видѣнье,
Все въ ореолѣ изъ пламеней яркихъ.

Ружа Венера (входя на погасшій
костеръ, разгребаетъ щепель, находитъ пустую цѣпь, кото-
рой были прикованы другъ къ другу Лелюмъ и Полелюмъ,
и, бросая ее подъ ноги Леху, говоритъ).

Все, что осталось тебѣ отъ плѣнныхъ.

ГЕЛІОНЪ-ЭОЛІОНЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМЫ.

О ГЕЛІОНЪ-ЭОЛІОНЪ.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній Словацкаго, задуманныхъ имъ, но не законченныхъ, въ послѣдній періодъ его жизни (1844—1849), была драма, оставшаяся безъ названія, солнечная драма, герой которой, Геліонъ-Эоліонъ, есть въ сущности поэтическое воплощеніе самого Словацкаго. Рукопись этой драмы находится въ бібліотекѣ Оссолинскихъ, текстъ ея цѣликомъ воспроизведенъ въ новомъ 10-итомномъ собраніи сочиненій Словацкаго, изданномъ во Львовѣ. Издатели произвольно дали этой драмѣ заглавіе „Самуэль Зборовскій“, по имени одного изъ ея героевъ, выступающихъ во второй половинѣ драмы. Словацкій не давалъ этого заглавія своему произведенію, и потому оно неумѣстно уже въ чисто-внѣшнемъ смыслѣ, не говоря о другомъ, гораздо болѣе важномъ обстоятельстве: въ этой драмѣ Словацкій развиваетъ идею революціи, и вырабатываетъ цѣлую систему міро-

созерцанія солнечно-гармоничнаго, и если ужъ называть эту драму именемъ одной изъ нарисованныхъ фигуръ, конечно она должна именоваться „Геліонъ-Эоліонъ“. Словацкій называетъ своего героя то однимъ, то другимъ именемъ,—то солнечнымъ по-преимуществу онъ представляетъ его себѣ, то воздушнымъ, бурно-воздушнымъ.

Неоконченная эта драма была задумана Словацкимъ, и создавалась въ своей гипнотической напѣвности, въ ту пору его преждевременно-порванной жизни, когда онъ безъ устали мыслилъ надъ основными вопросами человѣческаго духа, надъ вопросами о первоисточахъ и конечныхъ граняхъ человѣческаго бытія. Въ ту же самую пору были написаны имъ и многочисленные философскіе афоризмы и разсужденія, а также замѣчательнѣйшая космогоническая молитва, великій пантеистическій псаломъ „Genezis z Ducha“.

Я взялъ изъ драмы Словацкаго лишь нѣсколько сценъ, которыя, будучи такъ выдѣлены изъ всей драмы, являютъ изъ себя совершенно законченное пѣлое, полное лирической и драматической чары. Мало произведеній всемірной поэтической литературы, всемірнаго напѣвнаго творчества, отмѣчено такую идеальностью линий,—словно мы среди египетскихъ рисунковъ и ваяній. Чувствуется, что вѣка тому назадъ Словацкій уже былъ въ Египтѣ, и когда онъ попалъ въ Пустыню въ первой половинѣ красно-сѣраго 19-го вѣка, духи песковъ, пирамидъ, оазисовъ и сфинк-

совъ заговорили съ роднымъ на родномъ языкѣ, и показали ему въ зеркалѣ провидческаго видѣнія и воспоминанія стройный міръ, гдѣ красный цвѣтъ былъ безъ сѣраго, какъ сопутствующаго, и гдѣ много было симфоній лазурныхъ, и мелодій золотисто-звонкихъ.

ВЪ ЗАМКѢ КНЯЗЯ ПОЛОНИА.

Геліонъ ложится и засыпаетъ. Входитъ отецъ (князь Полоній) съ учеными (врачами).

Князь.

Вотъ здѣсь, за этой занавѣсью, сядьте.
Ужъ онъ заснулъ, любимый мой, но вдругъ
Проснется раньше, чѣмъ лѣсная птичка...
Что, эти свѣчи хорошо горять?
Вамъ видно? Все лицо его покрыто
Той страшной бѣлизной, въ которой—чары,
Навороженья сновъ... То—третій сонъ...
Коль онъ заговорить, его вамъ можно
Спросить о томъ, что связано съ видѣньемъ,
И онъ вамъ съ изступленнымъ вдохновеньемъ
Отвѣтитъ вещи дивныя.

Врачъ.

Явленье

Сомнамбулизма,—слѣдствіе, порой,
Грудного аневризма.

Эоліонъ (срываясь).

Что надъ токомъ

Кровавымъ вѣетъ духъ благословенья,
Мнѣ вѣдомо... Но въ оно время,
Когда изъ волнъ текучаго огня
Левіаѳановъ вырывалось племя,
Когда, взметаясь и стена,
Черезъ муку первую природы
До Бога прорывался духъ,
Когда земные разверзалъ онъ своды,
Бросая скалы, словно пухъ,
Когда перуны въ вышнихъ гротахъ
Давали духу свой отвѣтъ,
Я видѣлъ радугу въ высотахъ,
Духъ шелъ къ Тебѣ, и въ тѣхъ наметахъ
Со мною это былъ завѣтъ...
А ты теперь, въ кипѣньяхъ битвы,
Псалма желаешь и молитвы?
Моя молитва—разломы скалъ,
Моя молитва—перунный хоръ,
Псаломъ мой громкій—вулканомъ сталь,
Костромъ огнистымъ—на высыхъ горь...
Тогда ты не наморщилъ брови,
Какъ духъ входилъ въ колонну крови.
А что жъ теперь... а что жъ теперь?
Ты это море отвергаешь?
Обѣтованья замыкаешь
Въ своихъ любимцевъ? Заперъ дверь?
Такъ всю природу,—отлученный,—
Въ свои объятія захвачу,

Весь міръ возьму, весь міръ плѣненный
На разность формъ я размечу.
Не будутъ мертвыми каменья,
Что камень, ящуръ глянеть тамъ,
Черезъ вѣковыя поколѣнья
Явлюсь творцомъ, и вновь создамъ.
Когда жъ, какъ солнце золотое,
Я вспыхну въ дѣтищѣ твоемъ,—
Его спалю, сожгу любое,
И пригнету его огнемъ.
И въ гробъ войду, и выйду снова,
Пока не примешь ты меня,
Затѣмъ, что—пусть я гада злого
Кровавѣй—пусть, но я—основа,
Духъ силы, жизни, и огня.

Епископъ.

За мной тутъ дѣло: мѣсто—теологамъ.
Какъ видится, бесѣдуетъ онъ съ Богомъ.
Спрошу его, что видитъ,—что въ зрачки
Ему вошло. Тутъ были бы рѣчисты
Евреи старыхъ дней, и талмудисты...
О, юноша. Что видишь ты? Реки.

Геліонъ.

Блескъ радуги лишь вижу, какъ преддверье...
И это мнѣ вотъ здѣсь, вотъ здѣсь—болить...
Свои лучисто-розовыя перья
Она зажжетъ, все ими озаритъ.
Но прежде чѣмъ обниметъ міръ окружный,

Какъ радужная вспыхнувши заря,—
Черезъ пытку я пройду, терзанья нужны,
Цвѣткомъ во мнѣ зардѣетъ духъ недужный,
Неангельскою молніей горя.
Они же, посмотри, пророки Бога,
Они стоятъ спокойно по горамъ,
Надъ радугой не мучитъ ихъ тревога,
Ихъ покрываютъ молніи и храмъ,
Стоять кругомъ, терзаться имъ не надо,
Пасутъ людей, какъ бы ^товечье стадо...

Врачъ.

Живописуетъ вещи ярко онъ,
И въ выраженьяхъ—силы не лишентъ.

Отецъ.

Уже въ немъ прояснились сновидѣнья,
Уже лишь человѣческой въ немъ сонъ,
А было—какъ предъ гадомъ, весь волненье,
Свистящимъ змѣемъ выпрямлялся онъ.
Свѣтили дивно очи золотыя,
Обычную утративъ черноту,
Сіяли, солнцемъ налитые,
Лучи бросая въ темноту...

Эоліонъ.

О, дайте зеркальный мнѣ щитъ,
Рамзеса отца дайте митру златую,
Коней запрягите, что бѣлы, какъ млеко!
Атесса, сестра моя, пусть на златую

Повозку возседеть со мной...
Дары пусть положить на черномъ верблюдѣ...
Пусть пурпуромъ тирскимъ покроютъ ладью,
Пусть въ сфинксовыхъ ждуть насъ аллеяхъ.
Карнакская высь! Тѣ колонны изъ яшмы,
Граниты съ мерцаиємъ розъ,
Песчаники въ златѣ, въ лазури, въ рубинахъ,
Какъ будто роскошнѣйшій лѣсъ,
Гдѣ въ каждомъ стволѣ расцвѣтанія радугъ,
А розовый листъ, изъ гранитовъ сіенскихъ,
Подобенъ великой зарѣ,
Подобенъ сіяющей лентѣ, румянцу
Улыбчивыхъ женскихъ божествъ.
О, высь! О, гора! Пирамидные лики
Суть солнцу златому здѣсь высшій алтарь,
То запись дѣяній моихъ, исчисленье,
Въ работѣ—мой духъ,
Гранитъ, измѣненный въ великій мой помысль
О вѣчности духа на этой землѣ...
Людская вершина, откуда прорвался
Мой духъ, вытекая въ сто вратъ,
И въ мѣрѣ на златыхъ убѣгаетъ повозкахъ,
И все попираетъ текучимъ стремленьемъ,—
Забудь объ ужасностяхъ жизни моей.
Вотъ тутъ, изъ горящаго ярко покоя,
Я вышелъ какъ царь, повелитель людей,
Безъ сердца, безъ страха, тѣла попиралъ я,
Живыя, людскія, что были мнѣ—мостъ...
И сами ложились... И я подъ ногами
Ту влажность хрустящую тѣль ощущаю,

Что тѣло рождаетъ въ бореньи съ огнемъ,
Но стоны не слышалъ, но крика не слышалъ,
Услышалъ лишь сердцемъ своимъ заболѣвъ,
Затѣмъ, что мой духъ роковой созидаетъ
Изъ камня и люда свой мѣръ пирамидный,
Имѣя спокойность творца.
Но смерть побѣждаетъ... Тифонскаго мага
Покличьте скорѣе сюда.
Иди, и съ тобой мы бесѣдовать будемъ,
О, старецъ ученый, приди.
Ты видишь повозку, и бѣлые кони
Въ аллеѣ тамъ сфинксовой ждуть,
На той колесницѣ блестящей—Атесса,
Атесса, сестра моя, тамъ.

Какъ странно коней ей, въ которыхъ подъ
млечнымъ,
Подъ трепетнымъ тѣмъ покрываломъ—огонь,
Кипучая кровь, королевская гордость,
Когда они трупы влачатъ королей,
И гривы по вѣтру свои распустивши,
Летятъ передъ той золотой колесницей,
Какъ будто бы фуріи бросили адъ...
А нынѣ, смотри, какъ спокойны и тихи,
Какъ будто предчувствуютъ, вѣдаютъ, знаютъ,
Что я не стремлюсь на войну,
Къ гробамъ обращенное дышло...
Еще посмотри, къ золотому вѣнцу,
И къ митрѣ, Атесса прибавила вѣтокъ,
Любя, кипарисовыхъ вѣтокъ сорвала,
Супруга познала, грустя,

Исполненный смутности, долгъ умиранья,
На смерть наряжается здѣсь красота.
Такъ помни же, Магъ,—ты и братья,—чтобъ вѣра
Въ возстаніе тѣла изъ мертвыхъ свершилась,
Чтобы оправдалась, и той красотѣ
Чтобъ не солгала, потому что, иначе...

(Вынимаетъ мечъ).

Но ты присягнуль: чрезъ три тысячи лѣтъ
Та высь, та гора... тѣ колонны... то небо,
То яркое солнце, и даже гирлянда
Вонь тѣхъ журавлей, что по небу плыветь,
Какъ будто бы гіероглифъ на лазури,
И это, за пальмами, мѣсяца око
Сребристое,—все это, въ томъ самомъ видѣ,
Предстанетъ и такъ же появится вновь,
Когда въ алебастровомъ томъ саркофагѣ
Проснусь я съ сестрою моею, Атессой,
За рядомъ столбѣтій покоя и сна...

(Задумывается).

Со мной говорилъ ты о Грекахъ, о, старецъ.
Слѣпой тотъ игральщикъ на арфѣ, который,
Вотъ здѣсь, пѣлъ подъ трономъ моимъ,
Онъ новымъ своимъ языкомъ, звукомъ духа
Особеннымъ, новымъ, меня поразилъ,
Въ очахъ онъ остался, не выйдетъ изъ взора.
Я въ голосѣ этомъ услышалъ, о, Магъ,
Безстрастное что-то, и это—причина,
Что старецъ тотъ, съ арфой златой и взметнутымъ
Крыломъ серебристой своей бороды,
Въ гробницѣ изваянь, въ чертогѣ, гдѣ—память,

Пребудеть, по волѣ моей и рѣзца...
Пусть духъ тотъ, почуянный духомъ, здѣсь будетъ
Какъ форма, которую тихость гробницы
Замкнетъ на столбѣтїа въ мой саркофагъ,
Пока не проснусь я...

Теперь, къ ложу сна.

(Ступаетъ какъ бы во снѣ, идетъ къ готическому окну).

Все сумрачнѣй—солнце, въ полетѣ до моря,
Все сумрачнѣй—кони несутъ меня въ пропасть,
Все сумрачнѣй, смутно... Атесса! Атесса!
Здѣсь нужно сложить намъ тѣла на вѣка—
Атесса! Меня въ золотой ты тиарѣ
Любила,—въ одномъ мы объятьи уснемъ,
Чтобъ вмѣстѣ проснуться, съ любовью проснуться...
Взгляни—саркофагъ, и надъ нимъ—obeliskъ,
Отъ факела онъ словно духъ золотится,
Тамъ, въ этихъ темнотахъ, въ могилѣ сырой...
Три тысячи лѣтъ присужденъ онъ стоять здѣсь,
Пока не услышитъ опять голоса
Проснувшихся, насъ... Вотъ, на томъ obeliskѣ
Простые работники, сами не зная,
Рѣзцами повѣдали повѣсть любви,
Здѣсь наша душа, во влюбленности ясной,
Два сердца супружескихъ, братъ и сестра...
Сестра, обними этотъ камень,—хранить онъ,
Любовное имя твое и мое,
Здѣсь вписана вѣрность и имячко дѣтокъ.
Межъ нами какъ будто бы третій онъ братъ,
Все знаетъ, все помнитъ, забыть не боится,
И, словно пѣстунья, надъ нашей гробницей,

Стоить,—о, сестра, поцѣлуй же его,
Онъ братъ нашъ пѣмой. Часъ уснуть намъ, и будемъ
Подъ этой защитой тихо мы спать.
А если бѣ въ безпамятствѣ мы пробудились,
А если бы что мы забыли во снѣ,
Такъ онъ намъ, когда мы проснемся, напомнить...
И тьма гробовая и гниль гробовая
Безильны, невластны, проснемся опять
Для солнца, для ласки,—и прежнія жизни,
Какъ радуги новыя, въ мѣрѣ польются.
Пурпурныя розы съ тиары спими,
Надѣнь на него, ты ужъ кончила съ этимъ,
Съ цвѣтами, со всѣмъ. Я хотѣлъ, чтобы насъ
Замкнула гробница, покуда мы юны,
Чтобъ встали мы юными къ жизни опять.
Возьми этотъ ядъ; только сердца коснется,—
Сожжетъ... Я же самъ... Умерла? Уже тамъ,
Въ зарѣчи Тифонскомъ. Ты—съ ядомъ. Мнѣ—
мечъ.

Отецъ.

О, Дѣва Пресвятая! Исусе!
Уиаль онъ...

Врачъ.

Ничего—да, сердце бьется.
Пускай его теперь въ постель положить,
Укроютъ, я же дамъ ему лѣкарства,
Когда проснется онъ...

Отецъ.

Позвать сидѣлку...

Врачъ.

Признаюсь, этотъ дивный сонъ меня
Наэлектризовалъ. Пявокъ нужно
Ему поставить будетъ на затылокъ.

(Уходить).

Хоръ духовъ.

О, грустный! о, влюбленный!
Обманомъ завлеченный...
Черезъ сфинксовы аллеи
Пески степей блуждаютъ,
И ящерки, и змѣи
Чешуйками блистаютъ.
Межъ четкихъ пальмъ, гдѣ тѣни
И гдѣ оазисъ синий,
Верблюды на колѣни
Склонились, тишь въ пустынѣ.
На вышинѣ Луксора
Не слышно разговора.

Три тысячи минуло,

Лѣтъ долгихъ потонуло.

И тѣ жъ горять рубины

Расплавленного солнца,

Съ гирляндой журавлиной

Все тотъ же блескъ червонца,

Съ колоннъ вершина снята,

И гробы отомкнуты,

И старецъ, что когда-то

Обманывалъ минуты,

Стоить, съ своей тоскою
И съ арфой золотою...

О, грустный! о, влюбленный!
Обманомъ завлеченный...

Мы слышимъ, въ нашемъ хорѣ

Промчалось трепетанье,

И слезы въ женскомъ взорѣ,

И женское рыданье,

Подъ факеломъ, у гроба,

Остановился кто-то,

Гдѣ вы уснули оба,

Онъ тамъ читаетъ что-то,

Эдемъ узналъ твой старый,

Одинъ, возжаждалъ чары.

Но ты себя лишь гложешь,

И ты прочесть не можешь

Того среди каменій,

Лишь въ сердцѣ, въ краскѣ красной,

Возникнетъ пѣснь мученій,

Гимнъ обелиска страстный,

Запишутся лишь въ крови

Сердечныя вздыханья,

Все то, что было въ словѣ,

Всѣ слезы, всѣ рыданья,

Свѣтившая когда то,

Любовь сестры и брата...

О, грустный! о, влюбленный!

Обманомъ завлеченный...

Блѣдна твоя гробница,

Печальная, заснула,

Она какъ бы криница,

Въ ней тишь—и голосъ гула.

Чертоги, водопадомъ,

Уходятъ въ царство тѣни,

Гдѣ ни коснешься взглядомъ,

Тамъ радуга видѣній.

Но это все жь—могила,

И все, что въ ней, остыло.

О, духъ замороженный,

Красивый, грустный, сонный!

Въ своей сердечной мукъ,

Вмятенно и поспѣшно,

Кусать ты можешь руки

И плакать безутѣшно,

Коль нѣтъ въ тебѣ отваги

Начать путь жизни новый,

Затѣмъ что въ саркофагѣ

Ужь пусть всѣ покровы,

И ничего, что ждало,

Изъ мертвыхъ не возстало.

Здѣсь съ сестриной любовью

Атесса къ изголовью

Прильнула и заснула,

И алебастръ лелѣеть—

Что жизнь дохнуло,

Что въ смерти цепенѣеть,

Изваянныя лица
Съ любовью молодою,
Но найдена гробница—
Какъ бы орѣхъ—пустою.
Хотя бъ въ ней мошки тѣло,—
Что было, все истлѣло.

Хоръ.

Благословенна та, что между духовъ
Господнихъ носить имя: *Жизнь моя*.
Ея любовь къ ея родному сыну
Благословенна... Даже сонъ его
Есть пѣснь и есть дѣяніе. Въ дремотѣ
Вступительныя жизни проходя,
Какъ ангель золотой идетъ онъ къ Богу.
А гдѣ жъ та грудь, что, мыслью заигравши,
Надѣнетъ щитъ Ангелла Михаила?
Когда же онъ воссядетъ на коня
Дѣянія и чуда, и раскроетъ
Два лебедино-бѣлыя крыла,
Что по краямъ хранить мерцанья радугъ,
А щитъ его и шлемъ—двойное солнце,
Кончается копьё—огнемъ Господнимъ,
И выѣдетъ такъ на зеленый лугъ,
И выступить онъ такъ, какъ ангель Божій,
На тотъ, златой цвѣтами, лугъ Славянской...
Въ тотъ часъ цвѣты живые, луговые,
И разные, и малые, и всё,
Въ тотъ часъ въ цвѣтахъ росинки, жемчугъ нѣжный,
Тысячекратный бисеръ на цвѣтахъ,

Въ тотъ часъ дыханья розовыхъ расцвѣтовъ
Предстануть предъ мечомъ его, предъ ликомъ
Сіяющимъ, серебряныя рѣки,
Шума, отступая въ русла передъ нимъ,
Когда придетъ онъ въ озареньи духа,
Въ лазури дня. Но вотъ, еще не часъ,
Еще предъ нимъ тѣ сны стоятъ, тѣ сны,
Которые его какъ арфу строятъ...

Скалистая мѣстность, затянутая мглою.—Озеро.—Время
предъ восходомъ мѣсяца...—Двѣ Валькирии съ мол-
ніями на головахъ.

Первая Валькирія.

На высяхъ горъ,
Гдѣ міра брегъ,
Орлиный хоръ,
Перуновъ бѣгъ,
Морское гдѣ око,
И лдяный гдѣ щитъ
Застонетъ глубоко,
Какъ громъ заворчитъ,
И тлѣютъ рубины
Отъ радугъ вокругъ,
И путь журавлиный
Означенъ на Югъ,
Тамъ въ бѣломъ круженъи
Мятельныхъ снѣговъ,
Я, духъ въ озареньи,
Межъ дивъ и громовъ,

На крыльяхъ домчалась,
И молнии лью,
На вихряхъ качалась,
И встала, стою.

ВТОРАЯ ВАЛЬКИРИЯ.

Духъ судьбы, я тоже,
Тебѣ я сестра,
Мнѣ молнии—ложе,
Межъ змѣй мнѣ игра,
Съ волосъ льется пламя,
Съ оружія кровь,
И ужасъ мнѣ знамя,
Примчалась я вновь.

ПЕРВАЯ.

Откуда въ урочный
Домчалась ты часъ?

ВТОРАЯ.

Отъ грани полночной,
Гдѣ полюса глазъ.

ПЕРВАЯ.

Сестра! человѣка
Того...

ВТОРАЯ.

Знаю я.
Видна мнѣ отъ вѣка
Добыча моя.
Пусть вырванъ, ухваченъ
Изъ нашихъ онъ рукъ,

Онъ намъ предназначенъ,
Онъ нашъ будетъ вдругъ.
Какъ арфа, въ которой
Немолкнущій стонъ,
Какъ свѣтъ метеора,
Нашъ, нашъ будетъ онъ.

ПЕРВАЯ.

А видѣла, рдѣеть
Христось на землѣ?
И звѣзды онъ сѣеть
Златныя во мглѣ...
Манить сквозь туманы,
Душъ бѣлыхъ онъ другъ,
Все звѣзды въ курганы
Бросаетъ вокругъ.

ВТОРАЯ.

Пусть нива, краснѣя,
Взойдетъ въ вышину,
Морозами вѣя,
Серпомъ все пожну.
Серпъ духа прострется...
А что еще тамъ?

ПЕРВАЯ.

Тамъ буря несется,
Тамъ горе, тамъ гамъ.

ВТОРАЯ.

Глянь, мѣсяцъ ужъ кажется
Свой радужный край,

Свой щить онъ развяжетъ...
Исчезни!

Первая.

Прощай!

(Входитъ Эоліонъ).

Эоліонъ.

Сюда вельбли духи мнѣ придти
И ждать... Ужь разъ мнѣ небо засіяло,
Заискрилось во тьмѣ, и звѣзды стали
На разныхъ сторонахъ какъ будто лаять...
Какъ на судѣ, во мнѣ забилося сердце...
Охваченный отчаяньемъ, я всталъ,
Какъ будто бы въ водоворотъ звуковъ.
И такъ меня тѣ голоса терзали,
Что волосы я рвалъ на головѣ,
Какъ осужденный... А теперь все тихо...
И мѣсяца серебряныя розы
Пронизаны насквозь сіяньемъ радугъ...
Въ природѣ словно что-то умягчилось,
Какъ будто сердце тронулось печалью,
Не такъ темно, и надо мною словно
Есть жалость въ ней... Чу, слышу голоса...
Они доходятъ очень издадека.

Напѣвъ.

Когда ты станешь человѣкъ,
Сны встанутъ недругомъ огромнымъ,
И міръ создашь, но міръ калѣкъ,
Какъ Богъ творить, но въ мірѣ темноь,

Ты будешь не творцомъ исполнѣ,
То будетъ призракъ, сонъ во снѣ.
И сломишь міръ, толпу видѣній
Направишь войскомъ противъ тѣлѣ,
Мощь взявъ у насъ, мощь дашь ты тѣни,
Мысль станетъ кровью, будешь смѣлѣ,
Ты будешь царь, но царь въ пустынѣ.
Иди же... иль погибни нынѣ.
Но если духъ ты сломишь свой,
И если насъ во мглу отгонишь,
Тогда дрожи! и твердо стой,
Какъ псы кусаемъ мы, застонешь...
Разбито сердце,—что намъ въ томѣ!
Коль крестъ разбить,—смѣется громъ.

Эоліонъ.

Какіе голоса! О, голоса, я съ вами!

Голосъ снизу.

Есть съ жемчугами раковинки
Въ нашемъ серебряномъ озерѣ,
Я добываю ихъ,
Я собираю ихъ,
Шелкомъ я ихъ пришиваю
На шелковый свѣтлый уборъ,
Въ церковку Матери Божьей—
А иные, чистѣйшей воды,
Я кладу въ золотые волосики,
Въ золотые—Христу.
А зато—хороводы мнѣ рыбокъ,

Подъ рыбацкою хатой приходятъ,
Предъ воскресеньемъ,
Цѣлое дно покрываютъ
Бѣлымъ своимъ озареньемъ.

Эоліонъ.

О, чистый голосъ! Къ небу онъ плыветъ.

Голосъ сверху.

Къ дѣвушкѣ этой приблизься,
Положи на нее руки духа,
Сильнѣйшаго слушаться будетъ,
За сильнѣйшимъ она поплыветъ,
Полетитъ—безъ конца...
Увлеки за собой ее въ солнца.

Эоліонъ.

Я чувствую, изъ этихъ голосовъ
Одинъ покончить міръ.

Голосъ снизу.

Чудесно я измѣненной
Встала сегодня съ постели.
Пришли во снѣ ко мнѣ ангелы,
Глазокъ моихъ замкнутыхъ
Коснулись цвѣтками лилій,
И я увидала святыхъ.

Эоліонъ.

Объ ангелахъ ты говоришь. Кто ты?

Дѣвушка.

Дочь рыбака я, и живу я съ ними,
Являются мнѣ въ радужныхъ кругахъ,
Въ ночи приходятъ въ серебрѣ лазурномъ!
И говорятъ со мной...

Эоліонъ.

Нарядъ твой бѣденъ, сѣрая рубаха,
Ты босонога, въ волосахъ однако
Разлиты жемчуга, какъ будто звѣзды,
Большія, полносвѣтные они,
Легки твои румянцевыя розы,
Какъ будто бы они наполовину
Стыдомъ сокрыты въ бѣлости лица,
И тайными восходами чаруютъ...
Какъ розовая краска, что отъ солнца
На ягодѣ жемчужной расцвѣла.

Дѣвушка.

Не застыдилась я, но я отъ вѣтра
Отъ горнаго красна, или отъ сновъ я
Свѣчусь въ ночи...

Эоліонъ.

Такъ вѣдаешь ты сны?

О, помоги же мнѣ, я тоже дивный,
Духовный, но въ видѣньяхъ, въ голосахъ,
Которые до этихъ поръ я слышала,
Какъ будто-бы всегда недостаетъ
Красивѣйшей ихъ, лучшей половины,
Той, что даетъ гармонію и тишь...

Дѣвушка.

Куда-жь ведешь? Сильна твоя рука.
Мой духъ боится, сердце бьется, бьется...

Эоліонъ.

Веду какъ сонъ... Куда? Я самъ не знаю...
Повѣть духъ—мы вступимъ на волну,
Захватить—унесемъ въ небо, къ раю,
Растопить,—какъ роса, падемъ въ весну,
Хоръ запоетъ, что вотъ сейчасъ безгласный,—
Мы будемъ эхомъ, въ звукахъ—звукъ согласный.

Дѣвушка.

Боюсь... Позволь уйти мнѣ... Пропаду,
Коли пойду съ тобой,—вѣдь ты сильнѣе...

Эоліонъ.

И все-жь ты видишь, вотъ, совсѣмъ я малый,
Я менѣе, чѣмъ ты, тебѣ на шею
Кладу я руку дѣтскую, и если
Всей силою повисну такъ, едва
Цвѣтокъ я наклоню; и такъ укрытый
Въ воздушномъ златѣ косъ твоихъ, я вижу
Въ твоихъ глазахъ, смѣющихся и синихъ,
Сянье звѣздъ...

Дѣвушка.

О! руки разойми!

Эоліонъ.

Жемчугомъ слезъ я свяжу тебя,
Розами снова заманю тебя,

Міры мои всѣ покажу;
Снамъ прикажу изо мглы я сіять,
Какъ дитяtko буду тебя забавлять,
Восторгну, поражу, захвачу,
Понесу, полечу...

Дѣвушка.

Дитяtko ты чернокудрое,
Страшныхъ ты духовъ дитя,
Я же—смирennemудрая,
Сердцемъ тихонько свѣтя,
Какъ камень, я холодна,
Какъ камень, хотя я—весна.

Эоліонъ.

Такъ значитъ отъ духа ты моего
Оторвана въ вихрѣ бури...
Покинула строй журавлей, и ушла отъ него,
Какъ къ мѣсяцу я летѣлъ въ прозрачной лазури—
Чайка летѣла за мной,
Потерялась, окутана мглой...

Дѣвушка.

Чудо со мною!
Когда слушаю, новая я;
Видится мѣръ мнѣ какой-то, затинутый весь пеленою,
Слова единого жду... Скажи, и навѣкъ я—твоя.

Эоліонъ.

Рѣсницы теперь сомни,
И покуда не явится явь,

Въ душу, на самое дно, загляни,
Видишь, огни,
Роскошь покоевъ,—душою видѣнье возславь,—
Видишь, лазурь, и гирляндой летять журавли
Дивнымъ ключомъ, въ небесахъ поблѣднѣвшихъ,
вдали?

Слышишь ты шелесты смерти вѣтвей въ волосахъ?
Видишь гробницу, чей страшенъ размахистый
входъ?

Съ арфою старецъ межъ статуй, застыль на стру-
нахъ,

Въ золото ихъ—серебро бороды своей леть?

ДѢВУШКА.

Кони летять, вижу факелы, люди идутъ,
Страшно мнѣ!

ЭОЛІОНЪ.

Видишь межъ нами колонну ты тутъ,
Розовой краски?

ДѢВУШКА.

Я вижу.

ЭОЛІОНЪ.

Еще предъ тобой
Бѣлый тамъ гробъ, и цвѣтистый чертогъ подъ
землей?

ДѢВУШКА.

Гробъ, гдѣ уснемъ мы, неправда ли, оба уснемъ?
Спать будемъ долго, о солнцѣ забывъ золотомъ.

Сердце на сердце, уснешь на груди ты моей,
Въ гробъ единомъ, неправда-ль, чета голубей?
Блѣденъ ты. Гдѣ же, скажи мнѣ, тиара твоя?
О, почему-же позднѣй пробудился, чѣмъ я?
Думала я, поцѣлуемъ тебя разбужу,
Вдругъ расцвѣтемъ, и веслу я тебѣ покажу,
Въ гробъ тебѣ повѣствую, какъ снился ты мнѣ,
Слыша, что оба другъ другу мы снились во снѣ.
Духи, которые мертвыхъ обмануть средь сна,
Злые то духи. Въ гробу я проснулась одна.

ЭОЛІОНЪ.

Мертвая ты? О, Атесса, Атесса, возстань!
Мы на землѣ, я съ тобою, увидь меня, глянть.
Съ пѣжными розами губъ, ты прозрачно-ясна,
Очи—смарагды, зеленая въ нихъ глубина.
Духъ твой,—обязанъ я мертвымъ объятьямъ твоимъ
Тѣмъ, что мой сонъ подъ землею былъ тихъ, не-
рушимъ.

Помнишь, не дрогнуло въ гробъ ничто, я дремалъ,
Разъ только сердце, какъ въ гробъ Христосъ воз-
ставалъ.

ДѢВУШКА.

А у меня, когда въ ясляхъ Онъ, свѣтлый, лежалъ,
И какъ пастухъ Ему цвѣтики малые далъ.

ЭОЛІОНЪ.

Вздروгнулъ сильнѣй я, когда Онъ изъ мертвыхъ
воскресъ.

ДѢВУШКА.

Я, какъ младенца пастухъ восхвалялъ до небесъ.

ЭОЛІОНЪ.

Вздвинулъ страшнѣй я, какъ камень могилъ от-
валивъ,
Всталъ Онъ.

ДѢВУШКА.

Межъ нами раздѣльность, о, Боже,
разрывъ!

ЭОЛІОНЪ.

Сила пламени во мнѣ,
Что разорвано, свяжу я...
Знаешь ты, куда иду я?
Знаешь ты, что сотворю я?
Нѣтъ! Но въ творческомъ огнѣ
Путь нашъ общій виденъ мнѣ.
Божій я, мое стремленье
Тамъ, гдѣ путь предназначенья.
Видишь пламени огня?
Вѣтеръ свищетъ, завывая,
И въ полетъ отрывая
Эти вспышки отъ меня.
Каждый пламень, уплывая,
Рѣи въ синихъ небесахъ,
Укрѣпляется въ чертахъ,
И клубится, добывая
Четкость формы,—и черты,
Въ этомъ заревѣ ловитвы,

Въ мраморъ, полный красоты,
Онъ вѣдряетъ... Видишь ты?

ДѢВУШКА.

Также и мои молитвы
Вижу тамъ, какъ бы цвѣты,
Словно свѣжіе цвѣты
На серебряномъ взнесенъ
Расцвѣтающихъ стеблей.

ЭОЛІОНЪ.

Вотъ, мы равны въ нашемъ пѣньи,
Мы надземны межъ зыбей,
Неразрывны въ восхожденъи...
Такъ рука съ рукой, войдемъ
Въ воздухъ синій, въ ту долину,
Глянемъ въ пропасть мы, въ стремнину,
И сойдемъ однимъ путемъ
Въ чащу буковъ, въ море лѣса,
Сильны, юностью горя,
А за нами та заря,
Какъ изъ розъ густыхъ завѣса,
Пусть сіянье льетъ изъ чашъ,
Пусть на нашихъ лицахъ бродитъ
Пусть румяная нисходитъ,—
Зори, зори, воздухъ нашъ!

(Сходить).

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНІЯ и ПЕДАГОГИКИ.

- Бреаль, М. Древніе языки въ средн. образованіи. Пер. Н. Сперанскаго. 75 к.
- Гильдебрантъ, Р. О преподаваніи родного языка въ школахъ и о національномъ воспитаніи и образованіи. Пер. Е. Якушкина. 1 р.
- Гиршъ, М. Народные университеты. Ихъ задачи, организація, развитіе, пропаганда. Пер. Н. Сперанскаго. 20 к.
- Паульсенъ, Ф. Образованіе. Пер. М. Гершензона. 15 к.
- Сперанскій, Н. Очерки исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.
- Сперанскій, Н. Борьба за школу. 1 р. 20 к.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НАУКИ.

- Велецкій, С. Земская статистика. Съ пред. проф. А. И. Чупрова. 3 тома 7 р.
- Дроздовъ, В. Около земли. Очерки по землеустройству. 40 к.
- Нитцъ, Ф. Основныя начала финансовой науки. Пер. И. Шрейдера съ доп. А. Свирщевскаго, пред. проф. А. И. Чупрова. 3 р.
- Чупровъ, А. И. Рѣчи и статьи. 3 тома. 7 р. 50 к.
- Чупровъ, А. И. Крестьянскій вопросъ. 1 р. 20 к.
- Чупровъ, А. И. Мелкій кредитъ и кооперація. 1 р.
- Чупровъ, А. И. Изъ прошлаго русскихъ желѣзныхъ дорогъ 2 р.
- Памяти А. И. Чупрова. Опыты съ минеральными удобрениями на крестьянскихъ земляхъ. Сборникъ съ пред. проф. К. А. Тимирязева, подъ ред. проф. Д. Н. Прянишникова. 1 р. (Весь валовой сборъ поступаетъ въ фондъ учрежденія библиотеки-музея имени А. И. Чупрова).
- Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Перев. Е. Котляревской. 50 к.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

Бѣлинскій, В. Г. Семь статей. Юбилейное изданіе, подъ ред. П. Ефремова и В. Якушкина. 1 р.

Гроссе, Э. Происхожденіе искусства. Пер. А. Грузинскаго. 1 р. 50 к.

Кальдеронъ. Философскія и героическія драмы. Жизнь есть сонъ. Поклоненіе Кресту. Стойкій принцъ. Любовь послѣ смерти. Пер. К. Бальмонта. 2 р. 75 к.

Кальдеронъ. Чистилище св. Патрика. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. 90 к.

Огаревъ. Стихотворенія. въ 2-хъ т. 3 р. 50 к.

Розенбергъ, В. и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. 1 р.

Тихонравовъ, Н. Собраніе сочиненій по исторіи литературы. въ 4-хъ т. 7 р. 50 к.

Шелли. Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. 75 к.

Якушкинъ, В. О Пушкинѣ. Пушкинъ и Радищевъ. Колчиди Пушкина и др. статьи. 1 р.

ГОТОВЯТСЯ:

Бинэ и Симонъ. Отсталыя дѣти. **Кершенштейнеръ.** Основные вопросы организаціи школы. **Львовъ, В.** Наши рыбы. **Мензбиръ, М.** Зоогеографія. **Шиплей.** Курсъ зоологіи.

СКЛАДЪ у ИЗДАТЕЛЕЙ:

МОСКВА, Тверской бульваръ, № 6.

Цѣна 1 р. 60 к.